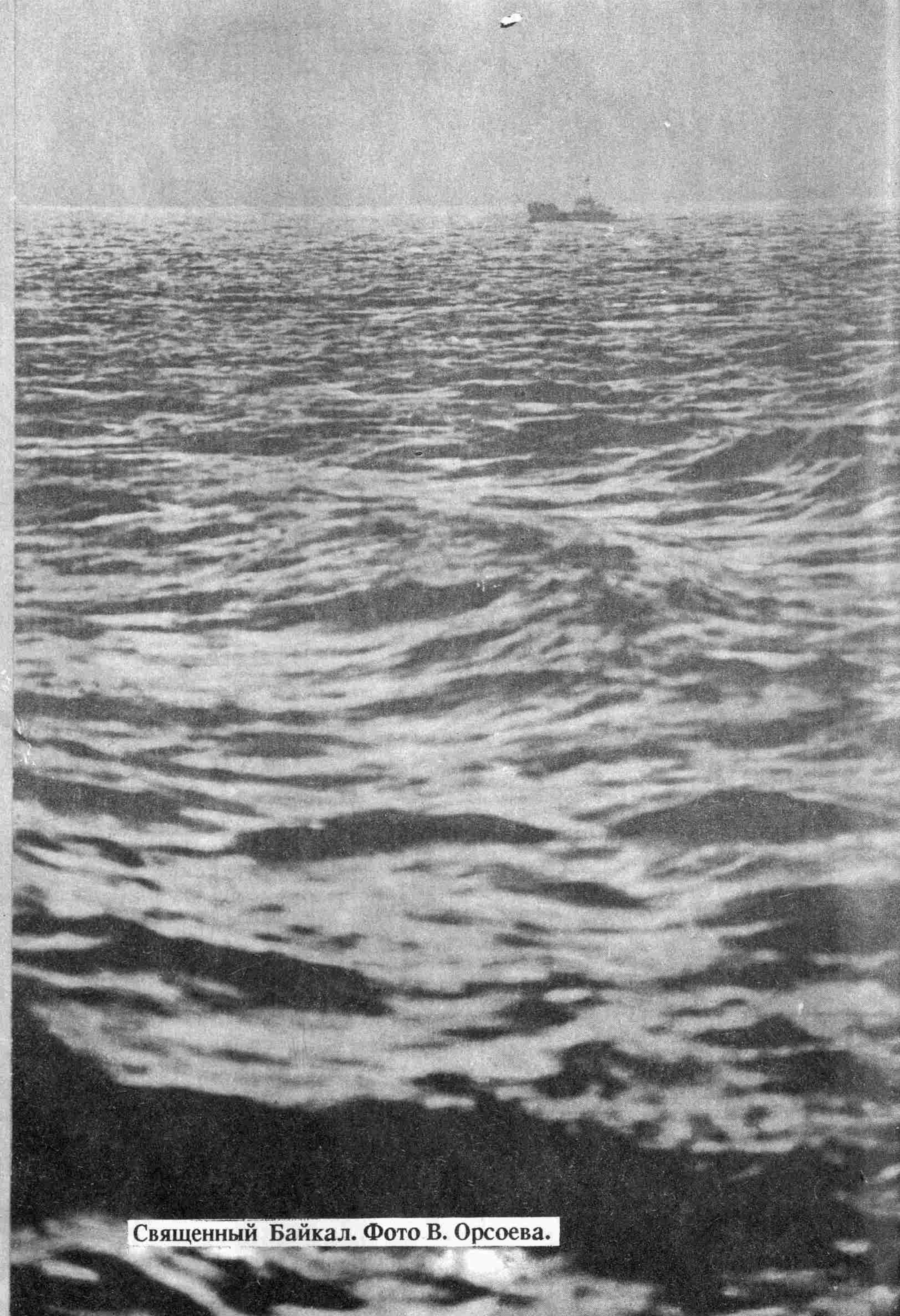

Журнал писателей Восточной Сибири

В этом номере:

Священный Байкал. Фото В. Орсоева.

СИБИРЬ

2-94

Журнал писателей
Восточной Сибири
Выходит 6 раз в год

Издается с 1930 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Ким Балков

ЗА ТЕМ ПРЕДЕЛОМ

(рассказ)

На дворе сорок седьмой. Люди еще не отошли от войны. Особливо мужики, сладу с ними нету. "А ну, орлы, подсобим-ка бабам, вон как упарились бедные!.." - бывает, скажет им председатель колхоза, а они делают вид, что не слышат, стоят в тенечке, небрежно запустив руки в карманы линялых солдатских штанов, смотрят как бабы, одна за одною, подоткнув юбки, идут, взмахивая посверкивающими на полуденном зное не шибко бриткими литовками, старательно сплевывая на прямоугольничек желтой газетной бумаги, ладят самокрутки и толкуют про разное, чаще про войну... В конце концов, председатель замается зазывать мужиков, сделается в лице тоскливый, колесовато побредет к бабам. Он не сподобился быть на войне: правая нога у него черт те что за нога, если левая, как у всех, при ходьбе под себя гребет, то правая все норовит выгнуться колесом, зацепиться хотя бы за малую горбинку.

В эту пору и мы, пацаны, на покосе: гребем сено, ставим копны, а потом стаскиваем их, понукая лошадей, к зароду. Около нас неизменно крутится Егорыч, прыгая на своей дощечке, под которую подлажены черные резиновые колесики, остроглазый, и малую промашку не упустит, не падкий на худое слово. Егорыч обезножил в войну, и по первости мы, пацаны, не знали, как держаться с ним, случалось, жалели, но вот он узнал о нашей жалости и разобиделся, сказал такое, что нам сделалось стыдно, и уж нынче никто не посмеет уронить с языка зряшное.

Бывает, председатель приходит к нам после того, как подсобит бабам, повздыхает с нами, поминая лихим словом мужиков. Но скорее, он приходит не к нам - к Егорычу, сядет подле него на сырую землю, и зачнется меж их разговор про мужичью нерасторопь и упрямство. Мы норовим быть поближе к ним, слушаем, да не о войне, о жизни, а она такая маятная - спасу

нет, о пацане, что с голоду пухнет. Дивно слушать, и вот уже мы и себя не прочь пожалеть, теснимся недалече, намотав на руку повод, придерживаем коней, им тоже несладко - пауты зависают тучей... И лет-то нам всего ничего, а уж кое-что смыслим, ждем, когда на глаза председателю навернутся слезы, и он с тоской поглядит на нас и скажет устало:

- Ну, чего дожидаетесь? Бегите на реку!

Тут уж мы не мешкаем, спешим к неближнему искряному урезу воды, пробегаем мимо того места, где еще топчутся мужики, и кто-нибудь из нас непременно воскликнет:

- Тю, лодыри, мать вашу!..

Это от Егорыча, он лишь это и знает из ругательных слов, при случае так и сыплет: "Мать вашу... Мать вашу..."

Мужики посмотрят на нас, досадливо покачают головами, заговорят о воспитании, которое от дедов, о паре вожжей, кои надобно исхлестать, пока подымется пацанва, вколотиться в разум. Сетуют на нехватку времени, чтоб отдаться "воспитанью".

- Все работа, работа... Шут бы ее побрал! То в поле занятой, то на пакос утортают. Не до воспитанью...

Мы скидываем штанишки, прыгаем в воду... Мы - это не только деревенская пацанва, есть тут и детдомовские огольцы. Правда, их немного. В прошлом году было больше. Опасаются воспитатели выпускать огольцов на волю. Уж больно пакостливы, стоит им очутиться возле колхозного огорода, сейчас же поломают изгородь, потопчут всходы. Но и это бы еще полбеды, другое худо - бегут куда ни попадя, потом ищи... По слухам, одного аж за Байкалом сняли с поезда.

По первости мы недолюбливали огольцов, нередко, повстречав за поскотиной, били. Потом... привыкли, а кое с кем водим дружбу. Вот хотя бы с Ганькой, есть такой в детдоме, худющий - дальше некуда, но обходителен, нету в нем отказу, к примеру, скажешь ему:

- Подсоби-ка навоз от стайки свезти, одному несподручно. Апосля на реку смотаемся, переметы закинем. Глядишь, выпадет фарт, наварим ухи, нажремся... - И Ганька кивнет головой и придет непременно.

Чудной он, подолгу молчит, думает о чем-то... Спросишь: "Ты чего?" - а он вроде бы не слышит, но иной раз ответит, и тогда на душе замутнится, ведь говорит он больше об отце и о матери, о том, что ничего не знает о них, а это обидно. Случа-

ется и в детдоме: соберутся, рассказывают о близких сердцу людях, павших ли в боях, соженных ли заживо, а Ганьке и сказать нечего, и малости не сохранилось в памяти.

Мучается оголец, на все лады клянет свою непонятливость, и... ждет, вот высверкнется впереди милое, и - потеплеет на сердце. Сам признавался, что ждет. Я думаю нынче, он потому подолгу молчал, что боялся упустить ту минуту, когда перед ним белым сияющим лучом на оконном стекле блеснет прошлое. Но надежда с каждым днем все слабела, истоньшалась. Если бы Ганька не был настырным, она угасла бы вовсе, и он пуще прежнего затосковал бы... Но его было непросто супрямить.

Ганька довольно скоро делается своим среди деревенской пацанвы, что-то в нем располагает к нему, может, удивление, которое живет в глазах и не истаивает ни в какую пору. Вдруг увидит на болоте гоголем вышагивающего селезня или ондатровую избушку с живым зверьим наследьем, сейчас же загорится и все выпытывает, отчего да зачем?.. Чудно нам наблюдать его удивление, нередко подсмеиваемся над ним. Но не только удивление влечет к нему, а еще и, я так думаю нынче, участие к сущему на земле, к малой бабочке хотя бы, нечаянно залетевшей в комнату и бьющейся об стекло. Ганька не придавит ее ногтем, подсобит заплутавшей, выпустит на волю... В нем мало от детдомовских огольцов, его не застигнешь в огороде на огуречных грядках, не примнет без надобности и слабой травинки, смотрит не зло... Мы берем его на покос, даем покататься на коне, а это для него радость. Я и теперь помню, бывало, крутится Ганька подле каурого, тихого и вялого, заглядывает в лиловый глаз, нашептывает что-то... Мы подойдем, скажем с досадой:

- Ну, чего ты?.. У зарода, небось, заждались. Жми за копной...

- Чичас... чичас... - скажет, но еще не скоро заберется на потную спину лошади. А порой возьмет и поведет каурого по колкой сухой кошенине. А если пацанва спросит:

- Ты чего это?..

- Жалко каурого, - негромко ответит. - Вон спина побитая вся...

Мы с недоумением посмотрим на Ганьку, но промолчим, вздохнем украдкой, уйдем в степь. А степь у нас дивная, ровнехонькая, кочки не встретишь, зажата гольцами, не велика,

а такое ощущение, будто одна во всем свете, яркая и пышная летом, зеленовато-колкая по осени. Кормилицей кличут ее на деревне, потому как сена взять больше негде, в гольцах не много соберешь травы, пади там узкие, обрывистые, двум лошадям не разойтись.

Мы нынче все на конях... Подвозим копны к зародам, там в вершаках ходят старики, немного их на деревне, поумирали в войну от голода и прочей напасти, старики на зародах, принимают душистые охапки сена, умело и расторопно орудуют граблями, изредка изнедоволенно глядят вниз, покрикивают на тех, кто с вилами:

- Ты чего, зараза, куды бросаешь? Я те...

Любо-дорого смотреть на стариков, на земле-то они маленькие, невидные, все носами шмыгают и в бороде чешут, а уж когда на зароде... Ни про кого не скажешь, что хилый, слабый... Великанище! Чует мое сердце, об этом и старики помнят и оттого с неохотой спускаются вниз, а потом норовят поживей отойти в сторону, раскурить трубку.

Ганька вдруг останавливается посреди степи, опускает руки, задумывается, я подхожу к нему, говорю:

- Ты чего, паря, ополоумел - без путя держать коня?.. Ить тучи надвигаются. К дождю... Вон старики-то как спешат. Пропадет сено-то...

- Вдруг помстилось, будто вижу отца с маманей, идут по степи, меня заметили, замедлили шаг, матушка спрашивает: "Ты чего, сынок?.." Я обрадовался, кинулся к ним, а их уж нету. Исчезли...

Мы привычно не соглашаемся:

- Врешь, поди?

Да нет... Ганька не вернет, не умеет. Он теперь не похож на себя: в лице растерянность, маленькие засмуглевшие руки подрагивают, перебирая повод, а глаза блестят нестерпимо, такое чувство, что оголец вот-вот заплачет... Этого еще не хватало! Мы не выдерживаем, говорим про дивное, что случается в степи, уж такая она и есть, вдруг возьмет за руку и поведет... И невесть что покажется тогда, а чаще женщина в белом, худая и бледная, ласковая, не обидит, бывает, и пожалеет. Нет, она не произнесет ни слова, но всяк знает, что она жалеет и хочет утешить. Это хозяйка степи, увидеть ее может лишь человек с добрым сердцем.

- Поди, хозяюшка тебя смутила?..

Ганька не спорит, но мы чувствуем, что он не согласен. Подоспевает Егорыч и говорит еще издали с легкой досадой:

- Вы чего, мать вашу... запамятовали об дожде-то?.. Чего прохлаждаетесь, а?..

Но мы не торопимся бежать к лошадям, рассказываем, перебивая друг друга о Ганькином видении, Егорыч меняется в лице, тоскливое в нем зрится, усталое, он долго молчит, потом и сам делается неспокойным:

- То и дивно, что хозяйка... Знать, приметила Ганькину маяту и решила подсобить. И я видел ее, до войны еще, шел по степи, молодой, бравый, насвистывал..., и тут появилась хозяйка, глядит на меня, а глаза грустные. И слова не произнесла, но мне услышалось в шелесте ли травы, в посвисте ли ветра тяготное, и стыдно сделалось, ну, пошто же я все про себя да про себя, иль другого чего нету?..

Егорыч замолкает, сидит, опустив голову, а она у него белая, он танкист, не чаял, что живым останется: подобрали его, обгоревшего без сознания, с перебитыми ногами. Но в госпитале отвели от смерти, отправили домой...

Егорыч подымает голову, глаза у него добреют, когда он говорит:

- А и ладно, Ганька, всяк должон во что-то верить, и ты верь в свою придумку, веселее жить так, мать вашу... Сам-то я иль не придумал ничего про себя, иль знаю, что было со мной, а чего - нет?..

Ганька не поймет Егорыча, но я вроде бы догадываюсь, о чем он?.. Была у него невеста, ждала всю войну, но увидела солдата в казенной тележке, разогнавшегося по перрону, да так, что колесики посверкивали, словно лунные диски и - почужела, оскучнела, отвезла жданого в деревню к хворой матери, вечером сказала:

- Че я, дура, жить с ем, с обезноженным-то?..

На деревне невзлюбили девку, и она вынуждена была уехать, в райцентре нынче с заезжим мужиком кобылует. А Егорыч заскучал, из дому не вылазил, все подле матери, а когда она померла, не вынесши суровых тягот, он выкатился из дому на тележке. Долго грелся на солнце, подставляя под лучи исхудавшее лицо, щурился, слова какие-то говорил ласковые, надежду сулящие... А потом война окончилась, и Егорыч уже был не один такой на всю деревню: то подсядет к нему на крылечко солдат без руки, то на костылях приковыляет безбро-

вый сержант, и тогда они говорят про то, какими молодцами до войны хаживали по Ивановской и о чем думали... Бывает, заскучают, сообразят на троих, а захмелев, хрипло и натужно выводят:

Вьется в тесной печурке огонь,

На поленях смола как слеза...

Егорыч глядит в небо, а оно потемнело, вот-вот обрушится на землю дождем, это скоро и случается, и он огорченно вздыхает:

- В такую пору и - дождь... едрить твою в корыто!..

Егорыч, помешкав, велит стреножить коней, пустить на попас, а самим бежать к шалашу. Пацаны так и делают, но мы с Ганькой медлим, а спустя немного, держась подле тележки Егорыча, бредем по степи.

Дождь все льет, рубахи на нас хоть выжимай. Егорыч смотрит на нас снизу вверх, улыбается:

- Пойдем на речку, под черемуховый куст. Едино ж, в шалаше не обсушиться. Ждать надо, когда солнышко выметнется.

Мы соглашаемся. Под тем разлапистым черемуховым кустом мы часто сиживаем с Егорычем ли, без него ли?.. Размышляем о разном, охотнее о том, что ягода на кусте особенная: сколько не съешь ее, ничего... не давит. А попробуй-ка на пустое брюхо прицепиться к другому кусту, сразу начнешь задыхаться, посинеешь аж... Ладно, если отойдешь, а что как нет?.. Сволокут тогда на деревенское кладбище, как рыжего Сеньку. Помнится, в прошлом году восе голодно было, в избе горстки зажаренного зерна не всегда сыщешь, так пацанва исхитрилась сусликов в степи промышлять, ничего мясо, правда, тухлятинкой отдает. Но Сеньке мясо не по нраву пришлось, отыскал черемуховый куст, поел ягоды, зеленоватой еще, вязкой, а вечером схватило пацана - не отвадились, и фельшер не помог.

Подходим к черемуховому кусту, тяжелые ветви упадают до самой земли. Егорыч проныривает под них, следом за ним и мы оказываемся близ черного, в обхват не возьмешь, ствола.

- Располагайтесь, орлы! - говорит Егорыч. Мы садимся на какие-то дощечки рядом с ним, лицо у него неожиданно делается грустное, произносит вяло: - Как в танке... Темно...

Он долго не придет в себя, и мы молчим, прислушиваемся к шуму дождя. Но вот Егорыч вскидывает голову:

- На долго, поди?

Мы с недоумением смотрим на него.

- Дождь, говорю, надолго. А сено не убрано, намокнет. Экка, напасть-то!

Верно, напасть. Теперь председатель станет ходить темнее тучи, не попадайся ему на глаза - враз изругает... Мужики, и те опасаются в эту пору встречаться с председателем - от греха подальше. А пацанва завтра поутру, коль не спадет ненастье, убежит в деревню, будет околачиваться возле клуба, дожидаясь, когда приплетется киномеханик Степка, лопоухий большеголовый парень с маленькими, изжелта-бледными руками и с такими же тонкими и слабыми ногами, а потом окружат его, зачнут уговаривать покрутить кино. Степка станет отнекиваться, задыхаясь в кашле (чахотка у него), говоря, что нету в будке никакой ленты, всю свезли в райцентру. Но это, конечно, не так, и пацанва знает, что не так. В конце концов, Степка согласится... Подвалят детдомовские, в клубе сделается людно и шумно, все рассядутся на полу перед первыми рядами и будут смотреть фильму про чужую жизнь. Пуще чего злит пацанов, что в киношной жизни все жрут конфеты и какой-то шоколад. Хоть бы раз попробовать! Кто-то из детдомовских ел в свое время и шоколад и сказал, что ничего, жрать можно, особливо, когда в животе пусто. Но требуется привычка, а по мне, картошка в мундире лучше...

Может, правду сказал, может, врал - поди проверь... Но, конечно, огольцы - не чета деревенским, кое-что повидали... Помню, в сорок третьем слух разнесся: детдом приезжает, а в нем ребятня со всего Союза, но больше с тех земель, что под немцем. Дикая ребятня, залютевшая сердцем. Поди, раскатывают деревню по бревнышку. Ну, приехал детдом, разбежались огольцы по улицам, в рванье и тапках, изголодавшиеся, чуть что: тетенька, дай хлебушка, век буду Бога молить об твоем здоровье!.. А не дашь, порчу на тя нашлю, у меня глаз вон какой - скрозь зрит!... А то залезут в огород, не столько съедят, сколько потопчут...

Бабы уже на третий день взвыли: "Это че деется-то! Варначье понаслали, и радые..." И мы, пацаны, присмирели: многовато огольцов в детдоме, если что, не сладим, поди... Но робели недолго: в одном конце деревни, подловив за непотребным воровским делом, поучали малость, в другом... Ничего! Но больно дюжие, ловчат свернуть на сторону.

с месяц пытали, кто кого?.. Потом тише сделалось. Огольцы поняли: и на деревне не больно сытно, и тут пухнут с голоду... Пришли однажды, сказали:

- Мир?..

На том и сговорились. Было бы чего делить!.. Все ж еще долго не решались зайти в бывшую контору сельсовета, где нынче детдом, сама контора теперь умещается в прихожке председателевой избы. Но вот начались занятия в школе и уже не сразу поймешь, кто из детдома, а кто из деревни, все перемешались, сделались на одно лицо... Вдруг да и пацан возьмет в руки старенький, отцова плеча еще, баян и заскулит на всю Ивановскую:

Распроклятая девка Марусенька

Спогубила меня, подлеца...

А случается, оголец неожиданно начнет говорить про степь да про хозяйку ее, и так дивно, сыскивая наши слова - не завозные, заслушаешься и запамятуешь, что не деревенский вовсе, с Западу, с-под немца... А уж когда выйдешь на Ивановскую вместе с огольцом, тут-то и позабудешь, что он чужой, и о своем томлении заговоришь с ним, которое порою мает, да не больно от своей маяты сердцу, легкая она, все зовет куда-то... Выйдешь в степь, но и тут не успокоишься, степь покажется непревычно маленькой, узкой. Как ладошка, степь-то...

- Это томление наше, исконнее, - нередко говорит Егорыч. - В другом каком месте не приметишь его среди людей. Почитай, что и нету. То и скучно. Чудно, ей-пра!.. А спроси у меня: надобно ли томление людям, не скажу, не знаю.

И никто не знает, неугадливое, но всякую пору нечаянное, вдруг да и пожалует и осветит, и тогда на душе стронется, и в мечтаниях ты унесешься невесть куда и не скоро еще вернешься на землю.

Про Ивановскую я не зря сказал, так прозывается наша главная улица, а их четыре... На Ивановской и детдом, и школа, и магазин смешанный. Улица с характером, на нее не однажды покушались, а ей хоть бы что, бежит себе, неровная, с изгибами, разухабистая, в пыли иль в грязи купаясь. Ей намеревались дать другое прозванье, но не прижилось, хотя табличка и по сей день висит напротив сельсовета, заржавевшая, скургузенная.

На Ивановской подле детдома изба Егорыча, сюда я часто захаживаю, и не один, с пацанвой, а то и с огольцами. Но если

те заупрямятся с утра, я разыскиваю Ганьку, он не откажет, и мы бежим к Егорычу, слушаем байки, да не про войну, про нее Егорыч не любит рассказывать, про жизнь, которая раз на раз не приходится, то ласковая к людям, то злая... От него я впервые услышал о норове Ивановской...

Говорил Егорыч:

- Такая она и есть. Не разбери - поймешь, примет ли тебя, нет ли?.. Вон с Прокудей-то, что из райцентру, со скотником-то неладное сотворилось. Не приняла его улица. Что ни день, смурной ходит, страсть злой. С чего, спрашиваю. И сам не знаю, отвечает, как ночь, так и зачнет в избе все греметь, ажно посуда шевелится. По первости думал, трактор где порастряс землю и до нас докатило... Апосля смекнул, ничего такого и в помине нету. Балует кто-то... Я говорю Прокуде: невзлюбила тя Ивановская, съезжай, все одно не будет тут жизни. Сердится: ну да уж!.. Беспутный Прокудя-то, не понимает, отчего осерчала улица. Да оттого и осерчала, что забижает он скотину, кричит на ее, болезную.

Егорыч замолкает и уж нету в глазах усмешки, грустные, усталые. Скоро его настроение передается нам, и у нас на сердце неспокойно. Ганька в такие минуты сидит, не шелохнувшись, и лицо у него бледное. Мне хочется потревожить его, но Егорыч делает знак глазами: дескать, не надо... Пущай побудет наедине со своими мыслями. Чудной Егорыч, считает, что всяк должен уметь слушать свои мысли.

- Так и на душе легче, свет впереди яснится. Не страшно жить. - Неожиданно добавляет, помедлив: - Я потому и не женюсь по сю пору, что боюсь потеряться коло жены.

Я думаю, что это так. Но люди говорят, кому он нужен, калека?.. Я иной раз слышу и обижаюсь. Как же так: не нужен?.. Мне нужен! Пацанве. Ганьке... Мы не чувствуем, что Егорыч калека, в разговорах с ним забываем об этом, разве что в те минуты и помним, когда идем по улице, а он катится на тележке, работая руками. Голос Егорыча словно бы издалека доносится, снизу... Замечтаешься и вдруг покажется, что это не Егорыч говорит, а ты сам, только другим голосом, окрепшим. В такие минуты в душе появляется что-то удивительное, ты словно бы не похож на себя: многое умеешь и знаешь... Впрочем, Егорыч тоже нередко признается, что ему хорошо с нами, он словно бы растворяется в пацанве и у него возникает чувство, что он нужен еще кому-то...

Мы сидим под кустом черемухи, а дождь все льет. льет, и сумрачно вокруг, тускло.

- Как в танке, - снова говорит Егорыч, дотрагиваясь рукой до мокрых ветвей. - Коль до полудня не будет ведро, укатим домой.

Я становлюсь оживленней, говорю что-то о деревенском клубе, про кино, но тут же замолкаю, вижу досаду в глазах у Ганьки. С чего это он?.. А скоро узнаю, с чего?.. Не хочется Ганьке уезжать, в детдоме людно: не подумаешь, не потоскуешь...

- А ты давай ко мне... - говорит Егорыч. - Я один... Чего ж! Ганька откровенно радуется. Председатель, проходя мимо черемухового куста, замечает нас, говорит хмуро:

- Запрягайте каурого, езжайте в деревню. Нынче от пацанвы толку - фьють... Сено наскрозь пробило.

Мы срываемся с места, бежим по степи, туда, где, стреноженные, стоят, опустив головы, нешустрые, с подбитыми спинами, кони... Потом подгоняем к черемуховому кусту, Егорыч запрыгивает в телегу, и мы отъезжаем... Через минуту оказываемся на проселке, который бежит по степи, неугадливый посреди разнотравья, взмокший. Мы уже не толкаемся и не лопочем, сидим поскучневшие. Что-то случается с нами, нападает томление. И тут раздается песня:

Раскинулось море широко

И волны бушуют вдали.

Товарищ, мы едем далеко,

Далеко от нашей земли.

Это Егорыч, поет он негромко, слова выговаривает отчетливо, с широкой и сильной грустью, она, вырвавшись из груди, растекается по белу свету, и вот уже она в темных кронах деревьев, поникших и вялых, на помятых стеблях придорожной травы, в дрожащем слабом речном течении, которое и обогнать ничего не стоит.

Мы недолго медлим, подсобляем Егорычу:

Товарищ, не в силах я вахту стоять, -

Сказал кочегар кочегару.

Огни в моих топках совсем не горят,

В котлах не сдержать больше пару...

Мы не в первой поем эту песню, знаем все, что будет дальше, но она, как и раньше, волнует нас. Потом мы поем другую

песню. Про степь, про ямщика, который замерзал в степи... Нам жаль ямщика, хочется помочь ему. Но как?.. Уж кто-кто, а мы знаем, что это такое - зимняя степь?

И набравшись сил, чуя смертный час,

Он товарищу отдавал наказ...

Не скоро еще мы въезжаем в деревню, а потом ошалело и ничего не соображая, оглядываем присядистые излбы. Но вот Ганька спрыгивает с телеги:

- Я живо... Рубаху поменяю.

Пацанва слазит с телеги, неторопко разбредается. Мы с Егорычем въезжаем на старое подворье, густо заросшее травой, рапрягаем каурого, заводим под щелястый, прогнившийся настил, подпоры на честном слове держатся, давно пора поменять их, да Егорыч все тянет. В огороде у него тоже трын-трава.

- Хошь бы картоху посадил, - не раз предлагала моя мать. - Смотреть на такое запустенье - глазам надсадно...

Но Егорыч лишь улыбается:

- А мне так больше глянется, пробежишь глазами по запустенью, и на душе сладко заноет... Было время, и тут кудрявились зеленя, и матерь меж них хаживала, и отец забредал сюда... Я гляжу на запустенье и вижу ту жизнь, давешнюю, и говорю с дорогими моему сердцу...

Людям на деревне, я теперь думаю, были удивительны слова Егорыча, но ведь он произносил их от души, он любил вспоминать давешнее и там отыскал опору. Он потому и войну ненавидел, что она переехала его, оторвала от прошлого, поменяла в жизни...

Мы заходим в избу, из переднего угла тянет сыростью, потолок провисает, кажется, и я изловчась, могу дотянуться до иссиня-желтых потолочин. Егорыч, не мешкая, подкатывает к печке:

- Протопим?..

Я соглашаюсь, бегу за дровами. Возвращаюсь не один - с Ганькой... Он отчего-то поменялся, в глазах плещется страх, руки, и те дрожат. Спрашиваю у Ганьки, и сам вдруг испугавшись чего-то:

- Иль обидел кто?..

Егорычч тоже встревожен, и про печку забывает, огонечек там, едва взнявшись, гаснет, поворошить бы надо, да некому; мы смотрим на Ганьку и не можем ничего понять:

- Сказывай, иль обидел кто?

Молчит оголец, будто воды в рот набрал, стоит у двери и с места не сдвинется, глядит перед собой чужими звероватыми глазами. Но вот он толкает плечом дверь, убегает. Я выскакиваю во двор, кричу ему, чтоб вертался, но он не слышит, бежит по улице, жидкая грязь под босыми ногами хлюпает.

Захожу в избу, Егорыч подкатывает, смотрит на меня снизу, и в глазах у него я тоже вижу страх, чувствую, что и сам начинаю пуще прежнего волноваться, говорю:

- Не слетать ли нам в детдом?..

Егорыч соглашается, ловко работая руками, перепрыгивает через порог, а потом, напрягшись, приступки скользкие, крутые, спускается с крыльца. Егорычу трудно, пот заливает его лицо.

А в детдоме огольцы по углам шепчутся, воспитательницы бегают ошалевшие.

- Че это они? - с недоумением спрашивает Егорыч.

- Понятия не имею.

На душе у меня смутно, неспокойно, предчувствие чего-то недоброго мает. И Егорыч не в себе... Вдруг от ближнего угла, где толпятся огольцы, доносится до нас злое:

- Да не Ганька он, черт рыжий, - Ганс!.. Немец!..

Мне бы подхватиться, убежать в степь, авось там утихомирю враз растолкавшееся сердце, но что-то удерживает на месте.

- Пошли к заведующей!.. - почти кричит Егорыч и резко отталкивается от пола, гонит тележку по длинному коридору, супрямив голову и глядя перед собой потемневшими глазами. Мне трудно сдвинуться с места, все же я оказываюсь возле Егорыча, а потом и в кабинете у заведующей, вижу длинные и бледные, словно бы вспугнутые пальцы, слышу тонкий и слабый голос:

- Они-то... воспитанники-то... Ужас!.. Залезли в тумбочку, где я держала документы. А я так берегла их, так берегла... Не допускала к тумбочке никого. Что же теперь будет?..

- Значит, правда, что Ганька?.. с тоскою спрашивает Егорыч.

- Ну, конечно...

- А как же он попал к вам?..

- Этого я и сама не знаю. Детский дом эвакуировали с Украины. По дороге в Сибирь поезд бомбили. Прежняя заведующая погибла. Я приняла детдом уже в нашем городе.

- Значит, Ганька немец? - все с тою же бледностью в лице говорит Егорыч. - То-то я примечал, не нашего корню, и слова как бы выталкивает из горла. Ну да... ну немец... Ну и что? Если и немец, то не чужой, наш...

- И я говорю ребятишкам, наш, но они не слушают. Напустились на мальчика: фашист... фашист... И я не смогла с ними справиться, сбились с круга, обступили Ганю, и в глазах у них ненависть. Мне и самой жутко. Дети-то с Украины, повидали лиха...

Заведующая еще долго вздыхает, жалуется, просит совета, Егорыч что-то объясняет ей, но я уже не слушаю, думаю о Ганьке, и, надо ж, во мне нет жалости к бывшему, да, да, нынче уже бывшему приятелю, я вдруг решаю, что по-другому и быть не могло. "Так и надо ему! Так и надо!.." - мысленно восклицаю я. Изнутри, из глубины души моей подымается неведомое мне, суровое и злое. Но еще не скоро я мысленно произношу слова, которые зреют во мне::

- Получается, он из тех... из тех...

Я забываю об Егорыче, выбегаю на улицу, долго брожу меж дворов. И невесть что чудится мне... Больно и стыдно. Но ведь было же! было!... И от этого никуда не денешься, и теперь еще изматывает меня чувство вины.

Я встречаюсь с пацанами, говорю:

- А Ганька-то из тех... из тех... И не Ганька - Ганс...

Мне верят и не верят:

- Врешь! У тя вечно в башке не одно, дык второе... Слыхали не такое!..

Мне согласиться бы, ведь и самому хочется, чтобы через день - другой все поменялось, встало на свои места, но я почему-то упрямлюсь и не желаю ничего знать, верно что, и во мне есть злое. Егорыч, помнится, говорил, что в каждом есть, только один умеет сделаться человеком и не обижать ближнего, а другой так и остается клейменным и напасть от него людям.

Я до глубокой ночи не иду домой, и о корове запамятовал, не загнал в стайку, подстилку не поменял... А когда захожу, думая, что мать изругает, олух, скажет, царя небесного, все токо из-под палки делашь, застаю ее на кухне в смущении,

которое сразу отметишь, и на сердце у меня пуще прежнего ноет. Мать, большая и сникшая, сидит у окошка при семилинейной лампе, которая чадит нещадно, стекло-то на прошлой неделе лопнуло, а новое попробуй-ка сыщи, небось в лавке цену заломят - за голову схватишься. Увидев меня, она подзывает к себе, ласково треплет по голове. Я морщусь, но молчу. Правду сказать, мне приятна ее ласка. А потом она начинает говорить о Ганьке: дескать, славный мальчонка, да свалилась на него бедынька, не выдержал, сбег куда-то... Как бы чего над собой не учинил.

- Пускай... пускай... - шепчу я.

- Тю! - удивляется мать. - Ить дружок твой...

- Нет!.. - кричу я - Не дружок!.. Он, знаешь, кто!.. Он... Мать обрывает меня, не хочет, чтобы я произнес дурное слово:

- И среди немцев есть люди. Чего ж!..

Я топаю ногами. Мать растерянно смотрит на меня, потом отталкивает от себя:

- Тю, звереныш!..

Я бегу в комнату, падаю на кровать, плачу... Чувствую я себя обманутым, весь свет не мил. В эту ночь я так и не смыкаю глаз, ворочаюсь, вздыхаю, а когда по небу начинают скользить слабые еще, дрожащие зоревые лучи, я поднимаюсь с постели, матери в избе нету, отца тоже, я догадываюсь, куда они ушли... В деревне, кажется, никто и не ложился спать, ева ли не на каждом подворье я слышу:

-Ну, сыскали огольца?

- Сыщешь тут... Темнотища!

Егорыча тоже нет дома, я недолго стою на щербатом крыльце, бегу за околицу, на реку, а потом иду по берегу, густо заросшему рыжеватой кугой, продираюсь сквозь кусты боярышника и черемухи, ветки больно бьют меня по лицу, но я ничего не чувствую, такое ощущение, что я это уже не я, а другой, от меня, прежнего, ничего нет, в теле пустота, томящая.

А река черная и большая, лениво ворочается на перекатах, хмуро и чужевато истенивается в затонах, там все крутит, крутит тускло поблескивающую волну.

Я не боюсь воды, но нынче она кажется мне незнакомой, пугающей. Я стараюсь не смотреть на нее, проныривая сквозь прибрежные заросли. Знаю ли я, куда иду и зачем?.. Наверное,

нет. Просто трудно усидеть на месте, когда вся деревня на ногах... И я иду, иду, и скоро оказываюсь у невысокой белой скалы, которая тонким гибким козырьком зависла над рекой. Мы часто ходим сюда, сидим на каменистой, с рыжими подпалинами земле, свесившись, смотрим вниз, туда, где черно блестит вода, подустав на быстрых перекатах.. она здесь тиха и незряча. Внешне вода ничем не отличается от любой другой, но мы-то знаем, что это не так, тут самый большой затон, стоит отказаться в его власти, живой рукой утащит вниз, на дно... Помнится, перегоняли табун через реку, поначалу все шло нормально, слабоногие жеребята плыли в середке, кобылы подсобляли им, если кто уставал, подталкивали грудью. Жеребец Карько зорко следил за табуном, разрезая волны могучей грудью. Но вдруг случилось что-то, сдвижение какое-то, и белолобый жеребенок очутился вне живого кольца, заржал залобно, следом за ним кинулась его мать, и подоспел Карько, оскалил морду, ухватил кобылу за гриву, толкнул, и она, не супротивничая, поплыла к берегу. Карько же кинулся, вытянув шею и хрипя, за жеребенком, его стремительно сносило течением к тому месту, где затон крутил черную воду. Карько догнал белолобого уже в затоне, тот выбивался из сил, не умея вырваться из бешенного водоворота. Жеребец налетел на него, толкнул грудью, жеребенок едва не выскочил из воды, и его понесло дальше, к парому, там были люди, и они спустили лодку. А Карько не одолел бешенную воду, не вырвался на стремнину, затон не пускал, держал крепко...

Я недолго стою у скалы, подымаюсь на ее вершину, еще издали вижу крохотную человеческую фигурку, сразу решаю, что это Ганька, спешу навстречу, запамятовав о том, что мучило.

- Ганька! Ганька!.. - кричу я, задыхаясь. - Погоди! Слышь?.. А может, не кричу, а шепчу, ведь и сил уже нет, слабость в теле, но не та, которую при желании можно одолеть, другая, от душевного неуюта, от чувства вины, что вдруг обожгла и уже не остынет... Я забываю обо всем и о том, как топал ногами и как намеревался отомстить Ганьке за то, что обманул. Я ничего не помню, вижу на узком колеблемом козырьке скалы маленькую человеческую фигурку, страшно смотреть на нее, слабую, мерещится разное, и от этого делается еще горше, и вот уж я виню только себя, мнится, если бы не я... я... я... Что же я натворил!

Я спешу изо всех сил и не успеваю. Когда забегаю на козыек скалы, там никого нет, ошалело смотрю по сторонам, ничего не соображая, падаю на колени, подползаю к краю скалы и вижу, как внизу, в крутом водовороте мелькает ярко-рыжая Ганькина голова.

- А-а-а!.. - кричу я и утыкаюсь лицом в каменистую землю. Но тут кто-то тормошит меня, я с трудом подымаю голову и узнаю Егорыча.

- Где Ганька? Где?..

Я не сразу понимаю, о чем он спрашивает, вяло показываю на реку. Егорыч, подсобляя сепбе руками, изогнувшись, глядит туда, где глухо урчит затон, и пытается расстегнуть ремни, котрыми привязан к тележке, но пальцы сделались как деревянные...

- Мать вашу... Пособи-ка!..

Я едва ли понимаю, о чем он просит, но что-то делаю, спустя немного вижу, как тележка откатывается в сторону, а Егорыч подползает к краю скалы и прыгает... Больше я ничего не помню. С неделю валяюсь в постели, возле меня появляются закожие бабки, лечат. Когда я прихожу в себя, спрашиваю о Ганьке, мать, помешкав, говорит:

- Да живой он... живой... Егорыч, царство ему небесное, спас мальчонку, вытолкал из дурной воды. А самого закрутило... Война, стало быть, догнала его.

Я закрываю глаза и вижу Егорыча, но не на скале, а в жаркой степи, близ душистых копен, слышу его голос:

- А че, пацаны, слетам на реку? Вода нынче дивная. Скупнемся, а?..

И мы идем, но не к реке, куда-то еще, может, статься, к едва зримому отсюда пределу...

СТРАНИЦЫ ХРИСТИАНИНА

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О ЗЛЫХ ДУХАХ (*)

2. ДУХОВНЫЕ СРЕДСТВА ДЛЯ БОРЬБЫ СО ЗЛЫМИ ДУХАМИ

Не должно предаваться унынию. Надежда на Бога. Ангелы-помощники в борьбе с дьяволом. Духовное оружие: вера, слово Божие, призывание имени Спасителя, страх Божий, смирение, духовное бодрствование, молитва, крестное знамение, покаяние с причащением Св.Тайн, заклинание.

"Не предавайся печали душой твоею и не мучь себя своею мнительностью. Веселие сердца - жизнь человека и радость мужа - долгоденствие. Люби душу твою и утешай сердце твое и удаляй от себя печаль: ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет" (Сир.30, 22-25). Размыслим над этим наставлением премудрого Иисуса, сына Сирахова. Есть люди беззаботные, беспечные, которые не помышляют о завтрашнем дне по лености, нерадению или нетрезвой жизни своей. Им тяжело всякое благоустройство, всякое размышление о нем или изменении своего положения, и они живут день за днем не озираясь на прошлое и не думая о будущем. Но не о них говорит сын Сирахов, ибо такое душевно-нравственное состояние человека недостойно разумного существа и никогда не может доставить ему внутреннего спокойствия, напротив, это состояние приводит к внутреннему расстройству и внешнему, которые отравляют жизнь его, а злые духи при таком душевном состоянии человека не дремлют, а по свойственным им ухищрениям доводят его до умопомешательства.

Премудрый говорит о духовном веселии людей, заключающемся в уповании на Бога, в отдаче себя на его волю, в этой самоотдаче черпая покой душевный, в котором и заключается настоящее веселие людей... Есть люди, которые слишком много заботятся только о внешнем благоустройстве своей жизни и нисколько не думают о душе своей - о духовной стороне жизни и потому непомерно чувствительны ко всем неудачам и потерям в жизни. В несчастиях эти люди падают духом, становятся недоверчивыми к собственным силам и способностям и потому впадают в печаль и даже в отчаяние. А так как временные перемены к худшему в жизни людей случаются часто, то временная печаль через меру мнительного человека обращается в постоянное уныние его души. Таким-то людям и говорит Премудрый: "Не предавайся печали душою твоею и не мучь себя своею мнительностью". Кто дает совершенно овладеть его душою унынию, пусть знает, что создает самую благоприятную почву для воздействия на нее со стороны злых духов. Напротив, если находящиеся в печали не предаются унынию, не теряя надежды на милосердие Божие, и с усердием молятся Богу помочь им, те получают утешение; а когда просимое им не во вред, то получают и просимое. Скорбь, уныние и отчаяние, прежде всего, открывают дьяволу доступ к нашему сердцу и содействуют нашей гибели. Посему-то Премудрый и советует: "Лю-

(*) Окончание. Начало см."Сибирь", № 4, 1993 г.

би душу твою и утешай сердце твое и удаляй от себя печаль, ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет".

Вторыми врагами нашими, отдающими нас под влияние дьявола являются наши грехи и страсти: "Возмездие за грех - смерть" (Рим. 6,23). Страсть ослепляет разум человека и подавляет в нем последний остаток свободного произвола на доброе; тогда человек все видит превратно. Свет ему кажется тьмою, а тьма светом, лукавое - добрым, а доброе - лукавым, например: ослепленные завистью, своекорыстием и тщеславием фарисеи не уверовали во Христа и предали его на смерть; ослепленный страстью сребролюбия Иуда предал своего учителя. Дьявол легко может ввергнуть в бездну погибели человека, подверженного страстям. Страсти сами влекут нас в ад: дьяволу остается только открывать адские ворота. Опаснее всего страсть к самовозвеличению; по этому поводу св.Иоанн Лествичник говорит: "Горделивый монах не будет иметь нужды в демоне (чтобы вести его на погибель), потому что сам для себя стал уже демоном и врагом". Св.Иоанн Златоуст говорит: "Никто не думал о дьяволе, что он будто так силен, что может воспрепятствовать нам идти путем, ведущим к добродетели. Правда, он прельщает и соблазняет нерадивых, однако же не удерживает насильно и не принуждает". "Всегда от нерадения моего, берут демоны случай против меня восставать", свидетельствует св.Максим Исповедник (Добр.т.2, с.322). Златоуст говорит: "Если живем безнравственно делаемся легкой добычей дьявола". Что злое зарождается в нас самих, это говорит и сам Господь: "Ибо из сердца исходят злые помыслы" (мат.15,19). Бывает же сие с теми, которые по нерадению оставляют в себе невозделанными естественные семена добра, как сказано: "Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумнаго. И вот все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивой, и каменная ограда его обрушилась" (Прит. 24, 30-31). А душе от такого нерадения опустевшей и оставленной по необходимости остается произращать тернии и волчцы и испытывать над собою сказанное: "И ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикия ягоды", между тем как об этой же душе было прежде сказано: "насадил лозу отборную" (Ис. 5,2). Подобное сему есть у пророка Иеремии, который от лица Бога говорит: "Я насадил тебя как благородную лозу - самое чистое семя, как же ты превратилась у меня в дикую отрасль чужой лозы?" (Иер. 2,21).

Афанасий Великий говорит: "Сам дьявол сознается в своем бессилии, и таким образом, не будем упадать духом, питать в душе боязнь, не станем сами себе выдумывать побуждения к страху", думая: "Не пришел бы демон и не поколебал бы меня? Не восхитил бы он меня, и не низринул бы?" или: "Не напал бы внезапно и не привел бы в смятение?" Вовсе не будем мы давать в себе места таким мыслям и скорбеть как погибающие. Будем представлять себе и помышлять всегда, что поелику с нами Господь, то ничего не сделают нам враги. Они какими нас находят, приходя к нам, такими и сами делаются по отношению к нам, и какие мысли в нас находят, такие и привидения представляют нам (предлагая нам искушение в том, к чему мы падки). Поэтому, если найдут нас боязливыми и смущенными, то немедленно нападают, как разбойники, нашедшие охраняемое место, и что мы сами о себе думаем, то и производят в большом виде. Если видят нас страшливыми и боязливыми, то еще больше увеличивают боязнь привидениями и угрозами, а бедная душа мучится тем. Но если найдут нас радующимися о Господе и помышляющими о будущих благах, содержащими в мыслях дела Господни и рассуждающими, что все в руках Божиих, что демон не в силах побороть христианина и вообще ни над кем не имеет власти

(кто призывает на помощь Бога), и видя душу, подкрепляемую такими мыслями, демоны со стыдом обращаются вспять. Так, враг, видя Иова огражденным добродетелью, удалился от него, но сделал пленником своим Иуду, нашедши, что он лишен такой защиты. Поэтому, если хотим презирать врага, то будем всегда помышлять о делах Господних. Душа постоянно да радуется в уповании; и увидим, что демонские игралища то же, что дым, что демоны скорее сами побегут, нежели нас будут преследовать, потому что они крайне боязливы, ожидая уготованного им огня. А для небоязненности своей перед демонами делайте такое испытание. Когда бывает какое-либо привидение, не впадай в боязнь, но каково бы ни было сие привидение смело спроси: "Кто ты и откуда?" И если это будет явление святых, то они удостоверят тебя и страх твой превратят в радость. А если это дьявольское привидение, то оно тотчас утратит свою силу, коли мысль твоя тверда, ибо признак невозмущаемого духа - при всяком случае спрашивать: "Кто ты и откуда?" - Так вопросил Иисус Навин и узнал, кто был явившийся. Так враг не утаился от вопросившего Даниила. Не бояться же козней злых духов мы должны потому, что имеем благодатные средства к победе над дьяволом. Средства эти дарованы нам Иисусом Христом (Кол.2,11-12). Господь истребил силу сатаны и полчищ его бесовских, отняв у них всякую власть насильствовать нас: "Отняв силы у начальства и властей, властно подверг их надзору, восторжествовав над ними Собой" (Кол.2,16). Только посредством греха и страстей бесы льнут к душе, и она, пока во грехе, бывает облеплена ими и является как бы одетой в них. Вот такую одежду, из бесов сшитую, и снял Господь с естества нашего тем, что нам дарована, новая жизнь, отняты у бесов точки соприкосновения с нами или прилипания к нам и, напротив, влита сила, отражающая их. Пиявки облепляют тело живое и сосут из него живую кровь; но если обдать тело соленою водой, то пиявки тотчас отпадут. Так и Господь осолил естество наше солью благодати Св.Духа, и бесы все должны были отскочить от него, пораженные Божественною силой и светом Веры с возлюблением святости. О возможности избавления от бесов при помощи благодати Божией и при пользовании богодарованными для сего средствами, свидетельствуют св.отцы Церкви.

Св.Кирилл Иерусалимский говорит: "Самый злой советник - дьявол, он всех подушает, но не преодолеет непокоряющихся ему. Поэтому затвори дверь твою и удали его от себя, и не сделает тебе вреда. Если же без отвращения примешь в себя похотливую мысль, то посредством помыслов она пустит в тебя корни, свяжет ум твой и увлечет тебя в пучину зол". Св.Иоанн Златоуст: "Если дьявол и хищник, то от нас зависит не давать ему расхищать". Св.Григорий Нисский говорит: "Когда естество наше пало в грех, наше падение Бог не оставил Промыслом своим, но в помощь жизни каждого приставляет некоего Ангела, из принявших бесплатное естество: но с противной стороны растлитель естества ухищряется на то уже посредством некоего лукавого и злотворного демона, который бы вредил человеческой жизни. Человек же, находясь между ангелом и демоном, сам собою делает одного сильнее другого, свободной волей выбирая учителя из двух. Добрый Ангел предуказывает помыслам блага добродетели, какие преуспевающими открываются в уповании, а другой показывает вещественные удовольствия, от которых нет никакой надежды на благо. Посему, если кто чуждается того, что манит к худому, устремив помыслы к лучшему и порок как бы поставив позади себя, а душу свою как некое зеркало обратил лицом к упованию благ, чтобы в чистоте собственной его души напечатлелись все изображения и представления указуемой ему добродетели, то сретает

его тогда и оказывает ему вспоможение брат, ибо по дару слова и разумности души человеческой, Ангел, некоторым образом, является братом человеку". То, что действительно, в нашей борьбе с духом злобы принимают фактически участие наши старшие братья - добрые Ангелы, свидетельствует следующее: В житие преп.Нифонта рассказывается, что однажды после молитвы Бог показал ему большое поле, на котором стояло множество бесов, разделенных на полки. И вот один из чернейших эфиопов, как бы приготовляя полки к сражению, пересчитывал воинов и говорил:"Смотря на меня, не бойтесь ничего, ибо сила моя будет с вами". Некоторые же из бесов принесли множество разного оружия и раздавали полкам. Когда преп.Нифонт смотрел на это, был к нему голос: "Обратись, Нифонт, к востоку и смотри". И он, обратившись, увидел чистое поле, на котором вдвое более, чем бесов, столяо белоризцев, готовых к сражению. Потом пришел некоторый муж видом светлее солнца и сказал:"Так повелевает Господь Саваоф - идите во всю землю, помогая христианам и охраняя их" (Ч. - М.23 дек.).

Но ангелы только наши помощники, а борьбу мы должны вести сами. "Противостаньте дьяволу и убежит от вас" - говорит св.апостол Иаков (4,7). Надо только не ослабевать в борьбе с врагом и вести войну с терпением, помня завет Господа: "Терпением вашим спасайте души ваши" (Лук. 21,19). За победу над дьяволом ждет нас вечная награда в царстве небесном. Если дьявол особенно сильно нападает на нас, то это первый признак его слабости, ибо, если бы мы были побеждены им, ему нечего бы было вступать в борьбу с нами. Св.Иоанн Листвичник говорит: "Никто не может так свидетельствовать о поражении дьявола и демонов, как жестокое их нападение на нас." "Бог же мира сокрушит сатану под ногами нашими" (Рим 16,20).

Св.отцы и учителя Церкви указывают следующие средства для борьбы с дьяволом. Веру, слово Божие, призыв имени Христа Спасителя нашего, страх Божий, смирение, трезвение, молитву, крестное знамение. Эти средства мы сами можем употреблять в борьбе; а есть и такие, которыми возможно пользоваться через священнослужителей, это покаяние с причащением Св.Тайн Христовых и заклинание.

1. Вера - это невещественный шаг против невидимого врага. Дьявол мечет в нас разными стрелами, но мы имеем у себя крепкую оборону - веру. "Паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все стрелы лукавого" (Еф.6,16). Дьявол часто бросает разоженную стрелу похотения срамных удовольствий, но вера, напоминая суд и охлаждая ум, угашает стрелу сию. Если веруем в Бога, то не боимся демонов, ибо Господь посылает нам помощь свою. "Губитель не найдет себе места в нас, если ограждаться щитом веры".

2. Слово Божие. Духовный меч для борьбы с дьяволом есть глагол Божий. "Противоположи ему (искусителю) сслово живота, которое есть хлеб, посылаемый с неба и дарующий жизнь миру" - говорит св.Григорий Богослов. "Губитель никогда не найдет в нас места себе, если отражать его мечом слова Божия". "Бесов должно прогонять по примеру Христа, словами Свящ.Писания".

3. Призыв имени Христа Спасителя нашего. "Именем моим будут изгонять бесов" - сказал Спаситель (Мар. 16,17). Отцы Церкви и учителя свидетельствуют об исполнении обетования Христова. Св.Иустин Мученик говорит: "Мы всегда молим Бога через Иисуса Христа, чтобы сохраняться нам от демонов, которые чужды Богопочтения и которым мы некогда поклонялись, дабы и мы после обращения к Богу через Христа, были непорочны. Ибо мы называем его помощником и Спасителем, от силы имени кото-

рого трепещут демоны, и теперь заклинаем именем Иисуса Христа, Распятого при Понтии Пилате - они повинуются нам; отсюда всем очевидно, что Отец Его дав Ему столь великую силу, что и бесы покоряются имени и домостроительству бывшего страдания Его". Св.Кирилл Иерусалимский говорит: "Все цари, скончавшись, вместе с жизнью теряют и могущество, а Распятому Христу поклоняется вся вселенная. Возвещаем Распятого, которого все демоны трепещут. Много было в разные времена распинаемых: но призывание другого какого распятого изгоняло ли когда демонов?" "И до ныне еще трепещут демоны при имени Христовом - сила сего имени не ослаблена и нашими пороками. А мы не стыдимся оскорблять и достопоклоняемое имя Христово и Самого Христа", "не стыдимся слышать, как отвергают христианство молча, выступая в защиту Христа Спасителя нашего, как бы стыдясь быть верующими сынами его..." "Не может ум победить демонское мечтание сам только собою, да не дерзает на сие никогда, ибо хитры будучи, враги наши притворяются побежденными, замышляя низложить борца через тщеславие; при призывании же имени Христа и минуты постоять, и злокозньствовать против тебя не стерпят..." Слабый наш разум, который пока на духов злобы призывает Иисуса Христа (с помощью силы имени сего), удобно изгоняет их и с искусным умением обращает в бегство невидимые ратные силы врага; а коль скоро сам на себя одного безрассудно дерзнет надеяться, то падает и разбивается".

Св.Федор Студит говорит: "Пусть дадут тысячи и тьмы врагов, христианин не убоится их. Именем Христовым отразит их и разгонит". Преп.Никита Стифат говорит: "Прежде схватки и победы беса часто возмущают душевное чувство и отъемлют сон от веждей ее; но душа, от Духа Святого исполненная дерзновения и мужества, ни во что ни ставит такой их обход и горькое неистовство; одним животворящим изображением креста и призывом имени Иисуса Христа, Бог разрушает их призраки и их самих обращает в бегство".

О силе призывания имени Божья содержится следующий рассказ в Прологе: "В Константинополе был чародей, который хотел привлечь к служению одного отрока. Чтобы показать силу и величие князя бесовского, чародей увел отрока за город в ненаселенное место. И вот обольщенному отроку представился большой город с железными воротами. Чародей входит с отроком в воображаемый город и вводит его в посреди стоящий храм. А при входе в храм видит отрок светильников много горящих и на высоком престоле некоего сидящего, подобного царю, и окруженного многочисленными слугами. Это был князь бесовский, который радостно приветствовал чародея, посадил его рядом с собой и спросил, для чего он привел отрока. Чародей отвечает: "Мы твои слуги, и он хочет быть твоим". Сатана спрашивает отрока: "Мой ли ты слуга?" Отрок воскликнул: "Я служитель Отца и Сына и Святого Духа". От этого возгласа вдруг пал с престола сатана, погиб чародей, исчезли все призраки города и храма".

4. Страх Божий. Тот, кто из-за любви боится оскорбить Создателя своего и носит постоянно в сердце благодарную память о милостях Божьих и страх быть неблагодарным из них, тому не страшен ни дьявол, ни человек, ибо он не боится смерти, уповая на жизнь вечную, даруемую Богом. Св.Ефрем Сирин говорит: "Страх Божий - крепкий столп перед лицом вражеским; не разоряй сего столпа и не будешь взят в плен". Св.Симеон Новый Богослов говорит: Боящийся Бога, не боится устремления против него бесов".

5. Смирение. Смиренному не страшен никто, ибо на смиренного не поднимается рука; ему не страшны лишения и муки, ибо смирение не дает чувствовать уязвления от преследований врага; об

стену его смирения разобьется всякое зло. Св.Симеон Новый Богослов говорит: "Что мужественнее сокрушенного и смиренного сердца, которое без труда сообщает в бегство полки бесов и совершенно прогоняет их!" Преп.Авва Дорофей свидетельствует: "Когда святой Антоний увидел распростертыми все сети дьявола и, вздохнув, вопросил Бога: "Кто может избегнуть их?" - то Бог ответил ему: "Смирение избегает их" - и присовокупил, - оне даже не прикасаются ему" - то есть к смирению.

6. Трезвение - духовное бодрствование. "Нераденеие и рассеянность души - говорит св.Василий Великий - должно исправлять более собранным и строгим вниманием ума, и в каждую минуту надобно занимать непрестанно душу размышлением о том, что прекрасно (т.е.что есть истина). Когда же дьявол предпринимает строить свои козни и с великой силой старается в безмолствующую и в покое пребывающую душу впустить свои помыслы, как разоженные какие-то стрелы, внезапно воспламенить ее и произвести в ней продолжительные и неистребимые воспоминания однажды в ней впечатленного, тогда трезвением и усиленнейшей внимательностью должно отражать таковые нападения, подобно тому как борец, самой строгой осторожностью и изворотливостью тела отклоняет от себя удары противоборцев". Св.Иоанн Златоуст говорит: "Да, страшно, страшно, возлюбленный быть уловлену кознями дьявола; ибо тогда душа как бы запутывается в сетях и, как нечистое животное, валяясь в грязи, услаждается этим, так и она, предавшись греховной привычке, уже не чувствует зловоние грехов, посему нужно бдеть и бодрствовать чтобы с самого начала не дать лукавому демону никакого доступа к нам, дабы он, омрачив наш ум и ослепив око душевное, не заставил нас, не могущих взирать на свет Солнца Правды, подобно лишенным видимого солнечного света, стремиться в пропасть". "Если мы будем с осторожностью располагать своими поступками, то получим и от Господа великую милость и избегнем козней дьявольских. Когда дьявол видит, что мы бдительны и осторожны, то, зная, что его покушения (на нас, для соблазна нашего) будут бесполезны, удаляется со стыдом". Преп.Исхий, пресвитер Иеурсалимский, говорит: "Дьявол, как рыкающий лев, ходит со своими полчищами, ища кого поглотить" (см. Пет.5,8). "Да не пресекаются же у нас никогда сердечное внимание, трезвение, прекословие помыслам, нагоняемым на нас дьяволом, и молитва ко Христу Иисусу, Богу" нашему, ибо лучшей помощи Иисусовой не найти тебе во всю жизнь твою." Преп.Нил Синайский говорит: "Если хочешь успешно вести брань с полчищами демонов, то врата души своей (чувства) заграждай уединенным безмолвием и ухо свое прилагай словесам отеческим, чтобы научившись, таким образом, распознавать терния помыслов, пожигать их гневом (на зло помыслов) и отвержением". Св.Феодор Студит: "Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (см. Еф. 6,12) и против начал злобного супостата нашего дьявола, который прельстил праотца нашего и через это был причиной изгнания его из рая сладости на землю сию. С тех пор из рода преследует он род человеческий, научая его всякому злу. Он ныне воровски входит и выходит и уловляет души наши, не утвержденные и себе не внемлющие. Вот почему нам против него нужны большое трезвение, большая бдительность, большая осмотрительность и тщание, чтобы он не напал на нас и не уязвил. Зная его замыслы и козни, вооружимся всячески и станем противовоевать и отражать его, не ленясь и не послабляя ни себе, ни ему, подобно тому, как и он не отступает и не делает послаблений, ища гибели нашей. Хотя бы многократно нападал он в день и терпел неудачу; все стоит на своем как бы и не начинал еще борения, и

снова нападает еще сильнее, взяв с собою и других духов злобы; так и нам не должно отступать или послаблять себе, при таких ежедневных и ежечасных на нас нападениях. Хотя бы мы показали много внимания и напряженного усилия, но с успехом не будем изменять сего (т.е. несмотря на успех), но всегда будем держать равное против него рвение, возбуждение и сопротивление". Св.Никифор говорит: "Дьявол с демонами после того, как через преслушание сделал человека изгнанником из рая, получил доступ мысленно колебать разумную силу человека... И не иначе можно оградиться от сего, как памятью о Боге непрестанной. Итак, только память непрестанная о Боге и милостях Его, постоянное бдение воина на службе Царя Небесного к покорению Его врагов может дать человеку спасение от козней дьявола и демонов его и, следовательно, от всех человеческих несчастий на земле и за гробом".

7. Молитва. Молитва есть средство нашего общения с Богом: Молитвой мы возносимся до небес. В молитве черпается вера, ибо в молитве человек чувствует счастье благодати, от Бога исходящей, и уже не может сомневаться в существовании Бога. Молитвой человек очищается, ограждается, спасается. В молитве человек чувствует свою душу, познает себя духом самостоятельным от тела, могущим вознестись до Самого Создателя своего и узреть Его своими духовными очами. (Говорится о настоящей молитве, а не об одном произнесении слов молитвенных, наизусть выученных, когда не вникают в говоримое, не чувствуют сказанного вследствие отсутствия мысли, занятой земными помыслами, посторонними молитве).Св.Василий Великий говорит: "Если во время молитвы дьявол и стал влагать лукавые мечтания, душа не перестанет молиться, но рассудив, что появление неподобных мыслей бывает у нас по неотвязности изобретателя лукавства, тем усильней да припадем к Богу и да молим Его рассыпать лукавую преграду остающихся в памяти непристойных (молитвенному состоянию) помыслов, чтобы стремление ума своего беспрепятственно, без всякго промедления и мгновенно востечь к Богу; тогда нашествие лукавых помышлений немало не будет пресекать пути к молитве; если же и продолжится таковое восстание помыслов по неотвязности воюющего с нами, то и в этом случае не следует приходить в отчаяние и оставлять подвиг на половине дела, но терпеть, продолжая молиться дотоле, пока Бог, видя нашу стойкость, не озарит нас благодатью Святого Духа, который обращает в бегство наветника, очищает и наполняет Божественным Светом ум наш и дает то, что мысль наша в тишине служит Богу с веселием". Св.Исаак Сирин говорит: "Если не отринуть от себя помощи против зла, т.е. молитвы, то Защитник и Помощник никогда не удаляется от человека". Св.Симеон Новый Богослов говорит: "Христианин, совершающий молитву как бы труд какой и чувствующий (во время молитвы), как будто против воли терпит насилие, понуждение и мучение, таковой пусть не думает, что освободился от руки дьявола, пусть знает, что он мысленно (его мысль) еще удержан под игом лукавого мучителя". Нужна, следовательно, для общения с Богом молитва свободная, непринужденная, которая составляла бы жизнь души. Св.Григорий Нисский говорит: "Должно молиться, ибо следствие молитвы то, что бываем мы с Богом, а кто с Богом, тот далек от сопротивника; и еще: "Тот, кто страшится приражения лукавого, пусть молится, чтобы не быть ему во власти лукавого". Итак, будем молиться, ибо в молитве мы приходим в общение с Богом и познаем Его.

8. Крестное знамение. По выражению церковной песни: "Крест-бесов губитель" (Канон Кресту, п.3, тр.2), "бесов отгонитель" (п.6, тр.4), "Крест воздвижется - и падают ду-

хов бездушных чинове" (п.6, тр.4). Преосв.Феофан Затворник говорит о значении и силе Креста Господня так: "Крестом примирено небо с землею, низведен Дух благодати в освящение всех и в обличение всех властью наступать (силою Креста) на всю силу вражию; почему бесы и не могут воззревать на Крест; от одного вида его бегут как перд лицем ветра. Крестное знамение есть ограждение верующих и победное оружие на невидимых врагов". Св.Иоанн Златоуст говорит: "Не просто перстом должно Крест изображать, но должно сему предшествовать сердечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не возможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого он получил смертельную рану. Ведь если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь как ужасаются демоны видя оружие, которым Христос разрушил всю силу их и отсек главу змию. Итак напечатлей Крест в уме твоем и обыми (мысленно) спасительное знамение душ наших. Когда при нас Крест демоны уже не страшны и не опасны". Св.Антоний Великий говорит, "что демоны особенно страшатся знамения Креста Господня, ибо Крестом отняв у них силу, посрамил их Спаситель". Ту же мысль выражает и св.Ефрем Сирин: "Никогда не забывай ограждать себя Крестом и расторгнешь сети, какие скрыл для тебя дьявол, ибо написано: "На пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня". Запечатлевай себя Крестом и зло не прикоснется к духу твоему. Св.Григорий Палама, Архиепископ Солунский, говорит: "И не образу только Христа Бога покланяйся, но и образу Креста Его, т.к. он есть знамение победы Хрстовой над дьяволом и над всем полчищем сопротивных сил, почему они трепещут и бегут, когда видят его изображенным".

О том, что крестное знамение отгоняет дьявола, сознался демон волхву Киприану, по поручению которого он думал одолеть девицу Иустину, но не преуспел в этом. На вопрос Киприана: "Скажи мне, каким оружием она сопротивляется", тот отвечал: "Не можем зреть на знамение крестное, но бежим от него".

9. Покаяние и причащение. Св.Ефрем Сирин говорит: "Блаженны те, которые, попав в сети врага, успели разорвать его путы и скрылись, бежав от него как рыба, спасшаяся от мережи. Рыба, пока в воде, если, будучи поймана, порвет сеть и скроется в глубине, то спасается; а когда извлечена на сушу, то не может уже помочь себе. Так и мы пока еще в этой жизни имеем от Бога власть разорвать на себе узы вражеской воли, и покаянием свергнуть с себя бремя грехов и спастись. А если застигнет нас страшное оное повеление и душа выйдет и тело предано будет земле, то не в силах мы уже помочь себе, как и рыба, извлеченная из воды и заключенная в сосуд, не может оказать себе помощи". Св.Иоанн Дамаскин говорит: "От нас зависит пребывать в добродетели и повиноваться Богу, призывающему нас к оной, или удаляться от добродетели, т.е. жить порочно и следовать дьяволу, который нас не против воли нашей влечет к пороку. Покаяние - это возвращение от дьявола к Богу".

Иноки Каллист и Игнатий говорят: "Иоанн Вострский, муж святой и власть имеющий над духами нечистыми, спросил бесов, живших в некоторых отроковицах бесноватых и злодействовавших в них, говоря: "Каких вещей боитесь в христианах?" Те ответили: "Вы воистину имеете три великие вещи (отгонящие бесов): первая та, что Вы носите на шее Вашей; вторая та, что омываетесь вы в Церкви, третья та, что вкушаете вы в собрании". Тогда он спросил их: "Из сих трех чего боитесь больше вы?" Они ответили: "Если бы вы добре хранили то, чего причащаетесь, то никто из нас не возмог бы оскорбить христианина". Эти вещи, коих боятся наши неистовые враги паче всего, суть: Крест, Крещение и Причаще-

ние. Действительно, что сможет быть большим доказательством веры в Спасителя, чем исполнение им завещанного общения с Ним через Причащение, и что есть большая заслуга, чем искреннее покаяние перед Богом? Мы, люди, и то не можем устоять в гневе на кающегося нам в проступках своих против нас человека. Мы и то всегда готовы простить икренно кающегося; разве это не доказательство тому, что есть спасение в искренном покаянии?... Итак спасение душ наших от рабства загробного дьяволу заключается в общении с Христом Спасителем нашим, по завещанной Им нам на Тайной Вечере заповеди, и в искренном покаянии Ему в грехах наших, при старании не повторять уже то, что сознано нами грехом; только в этом последнем случае мы можем доказать искренность покаяния. Покаяние - это выражение познания греха своего; а раз узнал человек, что есть грех его, разве он повторит этот грех, если он в нем искренно покаялся? а коль повторит, значит неискренно было его покаяние.

10. Заклинание. По определению св.Григория Богослова, "Заклинание - есть изгнание демонов" (ч.5, с.286). Св.Иустин Мученик говорит: "Мы верующие в Распятого Иисуса Господа нашего, заклинаем всех демонов и злых духов и держим их в нашей власти". И еще, "Всякий демон побеждается и покоряется через заклинание именем Сына Божия".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Итак, вопрос, существуют ли злые духи как существа самостоятельные, действительные и личные и могуть ли они входить в людей, а тем более в христиан и мучить их, - должен быть решен в том смысле, что, во-первых, злые духи действительно существуют как существа действительные и личные, во-вторых, что в христиан, не внимательных к себе и нерадиво исполняющих заповеди Божии, не живущих ревностно по закону Божию, - несомненно по особому попущению Промысла Божия злые духи могут входить и мучить их. Те из христиан, которые вместо благой воли Божьей предаются своей воле, злой и мятежной, кои из области духа ниспали под владычество плоти и крови, забыв невидимое и вечное и поработившись видимому и тленному, и начали жить такой жизнью, которая по сравнению с истинною святой жизнью есть ложь и нравственное заблуждение, такие христиане, к сожалению, представляют удобное вместилище для злых духов. Таков был Иуда, таков был Коринфский блудник, таковы были Именей и Александр. Но вместе с тем из сих примеров можно понять и благую цель, с какою попускаются действия злых духов на христиан. Коринфского грешника предали сатане с той целью, "чтобы дух был спасен" (1 Кор. 5,5). Именей и Александр преданы были сатане, "чтоб они научились не богохульствовать" (1 Тим. 1,20). На основании сих примеров можно полагать, что и в настоящее время Господь попускает злым духам входить в людей с подобною же благою целью - временного наказания за грехи и нравственного исправления. И опыт показывает, что иногда подвергаются действию злых духов люди и высокой нравственности. Свое несчастие они переносят со смирением, терпением и упованием на помощь Того, Кто может врачевать все болезни и облегчить мучительные страдания от злых духов. Такие люди, за свои добродетели получают исцеление. Так исполняется слово Господа, говорящего в Откровении Иоанновом: "Кого я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся" (Отк. 3,19). Всем христианам эти печальные случаи одержания злыми духами должны напоминать о необходимости большой трезвенности и большой внимательности к своей духовно-нравстенной жизни, во исполнение слов Спасителя: "Бодрствуйте, и молитесь, чтобы не впасть в искушение" (Марф.26,41).

Илья Павлов

РАЗЛАД В БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ

Повествование
Глава из книги

Светлой памяти жены Нади

1

...Итак, все мы выросли, встали на ноги, а затем незаметно подошли к старости.

Вот как сложились наши судьбы.

Сестра Клавдия. Как была, так и осталась она обыкновенной, крестьянской, малограмотной женщиной. За свою жизнь потеряла двух мужей. От первого, Симонова Михаила Дмитриевича, народила двух сыновей - Юрия и Геннадия.

Как на весь советский народ в военный и послевоенный периоды, на Клавдию выпала тяжкая доля. Но она никогда не была одинока. Все близкие родственники окружали ее своим вниманием. Как могли, помогали, и материально, и душевными советами, а главное - сыновья ее не были оставлены без внимания, как сироты, безотцовщина.

К кому бы из нас ребятишки не обратились с любым вопросом, они получали должное разъяснение или помощь.

Старшенький, Юрик, как-то больше был приближен к дяде Семену и часто, по довольно продолжительному времени проживал у него. Младший же, Геннадий, после своих приключений и отбытия наказания, больше был приближен к моей семье. Тут, видимо, тетка, жена моя Надежда, своим добрым отноше-

нием обогревала Геннадия. Где лишний раз накормит мальчонку, где выручит рублем на кино.

Все горечи и семейные радости, особенно среди женщин, делились всегда в равной степени. Но Клавдия по своему неуравновешенному характеру, нередко портила взаимоотношения. Благодаря тому, что все ее жалели, сочувствовали ее судьбе, она порой злоупотребляла этим. Всюду плакалась на свое одиночество. Даже спустя много лет, когда ее материальная сторона, не без нашей помощи, значительно поправилась, сыновья повзрослели и обрели самостоятельность.

С соседями по квартирам, у нее тоже почти всегда как-то не ладилось. Придет к матери, обязательно оставит ее со слезами. Все виновны в ее судьбе, никто ее не жалеет, никому дела до нее нет. Такая уж она была неуноровная. Даже со своими родными, четырьмя маленькими внучатами, не понянчилась как бабушка, все получалось как-то "клин да колода", шиворот-навыворот.

Нет, уважаемый учитатель, не подумайте, что у Клавдии все плохо. Очень много доброго, хорошего, душевного, но в жизни получается такое, что 99 раз хорошо, а один раз из ста может все сгубить, затушевать, уничтожить доброе. Характер не мог не отразиться на состоянии здоровья. К финишу, семидесятипятилетнему возрасту, Клавдия подошла с полностью расшатанной нервной системой, парализацией конечностей. В таком состоянии и закончила свое существование на земле, не оставив о себе доброй памяти. Умерла Клавдия в Фергане, куда увез ее старший сын.

Первый из сыновей Клавдии, Юрий, как начал с детства свой правильный жизненный путь, так и прошел его, ничем не запятнал своего имени.

После семилетнего образования его дальнейшая учеба оказалась не возможной, нужно было как-то помогать матери. ФЗУ, единственная дорога для приобретения специальности электрика-монтажника, закончил которую весной, в канун войны 1941 года. Завод тяжелого машиностроения им.Куйбышева - это громадина того времени, с многочисленным коллективом, - дал юноше направление в самостоятельную жизнь. Вскоре Юрика усмотрели и перевели помощником машиниста паровоза узкоколейной железной дороги, а затем заменял машиниста.

Еще учась в школе, он пристратился к изучению паровоза в кружке железнодорожников, а с открытием в Иркутске детской железной дороги, был машинистом.

В неполных 18, ранней весной 1943 года, Юрия призвали в армию, за Читу, в отдельный учебный танковый полк. А уже ровно через год - 4-й Украинский фронт, разгар боев за освобождение Одессы.

При прорыве укреплений, на одном из участков Яссо-Кишеневской группировки, танк, в экипаже которого состоял Юрий, был подбит с загоранием в моторной части. Танкистам удалось выбраться из танка и укрыться в ближайшем кустарнике, пока подоспели свои.

Уже в новом экипаже, будучи башенным стрелком, Юрий участвовал во многих боях по уничтожению Яссо-Кишеневской группировки, за что был удостоен ордена "Слава".

Последний бой для Юрия - это бой за Югославский город Засгар. Оттуда его откомандировали в танковое училище.

После училища - двенадцатилетняя самостоятельная, практическая работа, в должности начальника цеха бронетанковой ремонтной мастерской.

Дальнейший путь Юрия пролегал за рубеж мирного времени. В 1959 году был откомандирован в Германию, на танко--ремонтный завод. Через 6 лет опять Союз, Белорусская республика, местечко Пуховичи. И так до увольнения из армии по возрасту, в 1971 году, в звании подполковника.

Из армии уволился, но продолжал работать, передавать свой опыт молодым защитникам родины, рабочим одного из крупных заводов южной республики.

Юрий член КПСС, имеет ордена и медали, как за ратные, так и мирные, трудовые дела.

С верной подругой Викой, бухгалтером по образованию, вышедшей уже на пенсию, вырастили и воспитали двух детей.

2

Если коснуться второго, младшего сына Клавдии, Геннадия, то у этого жизненный путь сложился по-иному. Без малого 5 лет отбывания в местах заключения. Как бы ни было, и за что бы ни было, но срок достаточный для приобретения опыта. Об этом же он и сам заметил, что прошел "университет жизни".

При помощи дяди Семена, Геннадию удалось поступить в иркутский ветеринарный техникум.

Несмотря на то, что Геннадий не имел представления, с какой стороны животным ставится градусник, все же устроили именно в ветеринарию - имелась такая возможность, чтобы он не пошел по прежней дорожке.

Нужно признать, техникум он окончил успешно. Во время учения встретил девушку Любу. Люба - миловидная девица, студентка того же техникума, того же факультета, вышедшая из многочисленной рабочей семьи.

Заканчивает молодая пара учебное заведение и по обоюдной просьбе, получает совместное назначение на работу в Братский район. По тем еще трудным, послевоенным временам 1949 года устроили им памятную свадьбу-проводы и благословили на самостоятельные трудовые дела. Но деревенская глухомань не устраивала Геннадия.

Опять же Семен помог ему поступить в сельскохозяйственный институт, на факультет зоотехники.

Молодая жена Люба, довольно практичная женщина, обосновалась в селе Хомутово, в ветеринарной лечебнице, обзавелась приличным подсобным хозяйством. Люба охотно согласилась помочь мужу, так рвущемуся к овладению высокими знаниями.

Жена в деревне, муж в городе, с матерью, которая к тому времени основательно поправила свою материальную базу. С помощью брата Кирилла Клавдия получила тележку для торговли мороженым.

Как не будешь учиться, если жена помогает, мать подарки покупает, к тому же, кормит-поит. Захотел Гена фотоаппарат - мать купила, а он его вскоре "утерял". Сняли где-то с Гены шапку, опять же мать покупает новую, еще лучшую. Студент института, уже под 30 лет, расходов много: красивые куртки, свежие рубашки, вместо утерянных новые наручные часы.

Все к услугам великовозрастного студента, знай учись. Мамка рядом, деньгами ссудирует и старается не замечать, как зачастую возвращается студент под хмелем. Жена в деревне, следить за мужем-студентом нет времени. Основная работа в ветеринарке, к тому же своя корова, свиньи, куры, картошка, мелочь огородная, во всем нужно поспеть и за маленькой доченькой Людой присмотреть. Папаша-студент все занят, вре-

мени нет, чтобы покосить сена для коровы, или поправить повалившийся забор, покопать картофель.

Так вольготно, довольно праздно, с помощью двух мамок Геннадий закончил сельхозинститут. А между делом незаметно народилась вторая дочь - Лена.

По назначению едет Геннадий главным зоотехником в совхоз Харбатовский, Качугского района. Недолго задержался Геннадий на столь высоком посту, и по "собственному желанию" начальства, был освобожден от занимаемой должности.

Затем следовали: колхоз "Ширяевский", совхозы Зиминского района, Каменка и т.п. Короче говоря, за 20 лет зоотехнической деятельности Геннадий сменил не менее семи мест назначения. И все ссылки на объективные трудности, бескормицу, падеж скота, отсутствие оборудования, теплых помещений и т.п.

Но основная причина в другом. Отношение к обязанностям, как говорится, ни шатко, ни валко, авось пронесет, к тому же, излишняя склонность к спиртному. За это же время Геннадий совершил моральное преступление. Бросил Любу с двумя маленькими дочерьми, Людой и Леной, на руках. Жену, которая целиком и полностью предана ему, с одним лишь недостатком: она слишком любила работу, не гнушалась ведением подсобного хозяйства, чтобы легче училось мужу, иногда требовала от него помощи и меньше увлекаться хмельным зельем. Это основная причина их семейных раздоров, а в итоге развал семьи. От алиментов на детей Геннадий нередко стремился избавиться, работал, где поменьше платят, в надежде, что мать поможет.

Мы много с ним беседовали, спорили, иногда споры доходили до конфликтов. Мне казалось, Геннадий при желании способен многое сделать. К примеру: вырастить экспериментального поросенка, теленка или, хотя бы, цыпленка и через печать поделиться своими опытами, но, увы, не хотел. Его тянуло к городу, в управлении протирать штаны, переписывать бумажки.

Работая зоотехником отделения Зиминского совхоза Геннадий встретил женщину, продавца магазина, Валентину, в прошлом отбывавшую наказание в местах заключения за растрату государственных денег. И после непродолжительной, непутевой совместной жизни Валентина опять получила 2 года исправительных работ в лагерях, за то же самое, как растратчица.

Геннадий приехал опять в город, к мамке. Конторская служба в управлении, со скромной зарплатой, да с излишним желанием к спиртному, существенно сократили разгульные замашки.

Только успела Валентина освободиться из заключения, устроилась буфетчицей на кирпичный завод, снова дела Геннадия пошли на поправку. Шапка не шапка, часы не часы, куртки на молнии. Резко бросается в глаза свободное транжиривание денег.

К финишному возрасту Геннадий подходит без семьи, семьи настоящей, наследственной, с обеспеченной старостью - нет у него этого. В равной степени нет и здоровья, шальная, праздная жизнь отразилась на сердечно-сосудистой системе. Короче говоря, обкрадывал Геннадий как себя, близких родственников, а в целом, - наше социалистическое общество.

И еще один отрицательный штрих: отношение к матери, которая всю свою жизнь в основном отдавала Геннадию, для нее он был самым несчастным, самым обиженным. Он же в благодарность за добро, зная, что мать одинокая, больная, парализованная, беспомощная, отвернулся от нее. Не принимал какого-либо участия в облегчении ее положения, месяцами не бывал у нее, несмотря, что жил в получасе езды на автомобиле.

В общем, как Геннадий, так и его сожительница Валентина, отказались принять мать к себе.

На выручку пришел опять же старший сын, офицер в отставке, Юрий. Увез Юрий мать к себе, в Фергану, несмотря на то, что в его семье это будет третья больная женщина: жена Вика после тяжелой операции и полуослепшая, под 80 лет старушка, теща Юрия.

Мысленно можно представить. Два брата. Два характера. Два отношения человека к человеку.

В противоположность Геннадию его бывшая жена Люба вырастила, в труде воспитала дочерей - Люду и Лену, выдала замуж обеих. Хорошие мужья, и, как повелось, обязательное наследство, уже по 2 парня. Среднее образование дочерей явилось подспорьем в создании крепких, обеспеченных всем необходимым, молодых семей.

Да, Люба, Люба четырежды бабушка. Как не гордиться подобными женами-бабушками? Она не растерялась даже и тогда, когда муж и отец отвернулся от них. Молодая, интересная,

к жизни приспособленная женщина, осталась с двумя малютками. Затем, много позднее, одна же вырастила сына Сергея, дала образование, необходимое жизненное положение.

3

Ниже по семейной ступеньке идет Кирилл. Кирилл 1905 года рождения, член КПСС, участвовал в войне с немецкими фашистами. За военные подвиги удостоен орденов и медалей Советского Союза. В одной из сибирских дивизий, переброшенных с Дальнего Востока в труднейшую обстановку под Сталинград, находился Кирилл.

Кто мог не знать положения Сталинграда осенью 1942 года? Знали все. Знали по сообщениям Совинформбюро, из газет и журналов. Знали по бесконечно мчавшимся воинским эшелонам с Дальнего Востока под Сталингард. И многие знали из получаемых похоронок о гибели родных и близких под Сталинградом.

От Волги до Берлина, с упорными боями пронес солдатскую ношу Кирил, брат мой подстарший.

Подчас, делая невозможное, под сплошным обстрелом, или ночами, без света, по бездорожью, Кирилл доставлял в своей автоколонне артиллерийские снаряды. Он был старшим колонны в 20 автомобилей.

Возвратился брат и немедля включился в мирное дело, ушел на производство - перерабатывать молоко на молочные продукты, в которых была острая нужда народу. Так смолоду, до ухода на пенсию, он не сменил любимой профессии молокана.

Если у него на войне обошлось относительно благополучно, по работе тоже, то личная жизнь складывалась - позавидовать нечему. С первой женой, Лидой, жизнь не состоялась, разошлись. Трудно судить, кто из них прав, кто виноват, но по многолетнему наблюдению за Кириллом можно заключить, что причина исходила от него.

По складу характера он не в меру горяч, неуравновешен, склонен к несправедливости, и даже прямому рукоприкладству. Воображение болезнное, может вспоминать, что кто-то когда-то, в детстве его обижал, что ему от матери попадало больше всех. Или будучи уже взрослым, кстати или некстати подчеркивал, что он старший и должен пользоваться особым уважением и правами по сравнению с другими членами семьи. С

какой-то особой гордостью напоминает, что он, якобы, за всех родичей воевал, переносил содатские невзгоды, не учитывая, что миллионы воевали и столько же хлебали мурцовки в тылу.

На протяжении многих лет, в одной усадьбе, в одном доме, за стеной жил взрослый уже, семейный сын Виктор, а между собой они не ладили. В данном случае многое исходило от второй жены - Дарьи, которая, доходя до низости, подозревала невестку Валентину и внучку Ирину в нечистоплотности, в воровстве, высказывая все вслух. Константин же во многом поддерживал Дарью, в результате чего уже десятилетие состоят они в ненормальных, можно сказать, в прерванных взаимоотношениях.

Единственный сын, Виктор, свое детство и юность проводил больше с матерью, Лидией.

После службы в армии в понтонных войсках продолжил работу на мебельной фабрике "Байкал". С годами стал квалифицированным столяром-мебельщиком.

Жена Виктора, Валя, миловидная, прекрасная женщина, бухгалтер по образованию, в равной степени поддерживала положительные семейные устои, как женщина-мать. Составилась хорошая, дружная, как сотни тысяч подобных, рабочая семья. Вырастили дочь Ирину.

4

В общую когорту родственников, на равных правах, со взаимным уважением, входит семья Гандиевых.

Сестра Татьяна и ее муж, Иван Николаевич Гандиев, в обоюдной верности дожили до золотой свадьбы.

Татьяна - обыкновенная деревенская девушка, с начальным образованием, свою общительность, доброту к людям, как видно, впитала в себя от покойной родной матери. Совместно с мужем Иваном, они своей доброжелательностью и простотой, готовностью прийти на помощь близким, заслужили уважение у всех родственников.

В молодые годы замужества Татьяна мало занималась общественным трудом. Так все по хозяйству, с детьми, выполняла лишь кое-какие временные заказы на швейной машинке. Иван Николаевич, как истинный труженик обеспечивал семью всем необходимым.

Они вырастили, воспитали двоих сыновей - Виктора и Владимира. Но главная задача встала перед Иваном с Татьяной такая: поставить на ноги осиротевшую внучку, Татьяну-младшую.

Танюшка - это дочь сына Владимира, мать которой рано умерла, оставила ее одиннадцатимесячную. Как взяли Таточку уже немолодые бабушка с дедушкой, так и пробыла она возле них до замужества, до двадцати лет. Можно представить, сколько трудов, забот, нервов потратили на внучку дед с бабкой. Множество бессонных ночей, ручьи пролитых слез за ее болезненное и лишенное материнской ласки детство. В гости ли идут старики, на лужок ли едут компанией на отдых, Таточку с собой забирают, а у деда всегда припасен гамак, между кустиками его подвешивает. Подрастающая Танюшка выйдет в круг потанцевать или стихотворение пролепечет, а у деда губы затрясутся, отвернется он и смахнет украдкой незванную слезу.

Так катились годы. Танюшка подросла, вышла замуж. Стала уже сама матерью, старшему из двух сыноей 7 лет, но всем своим существом она привязана к деду с бабой, последнюю постоянно называет мамой. А те, со своим бескорыстным внимание, любовно и ласково продолжали нянчить двух правнуков, Дмитрия и Дениса, ребятишек Татьяны.

Казалось бы, у детей есть родители и вся забота о воспитании мальчишек должна на них лечь, на отца с матерью. Но нет, им еще нужно учиться, устраивать свое благополучие, да и погулять. Основные заботы как-то незаметно стали перекладываться на Гандиевых, а также на родителей отца мальчишек, мужа Татьяны.

Получилось, что дитя без глазу у семи нянек. Не успеет ребенок кашлянуть или чихнуть, как деды и бабы тут как тут. Подчас, не в меру фанатичная опека в воспитании детей, внуков калечит будущего человека. Выращиваются как в инкубаторе, не приспособленные к жизненным условиям, болезненные, великовозрастные иждивенцы.

Татьянка закончила фельдшерско-акушерское училище при медицинском институте, работает медсестрой в родильном доме. Муж ее, Александр, принявший фамилию Татьяны, Гандиев. После десятилетки решил получить среднее медицинское образование, факультет стоматологии, с зубопротезным направлением. Пока учился, время шло, а работать после окончания не захотел - мало перспективы.

- Пойду учеником токаря по металлу, - заявил домашним Сашка, - в мастерскую артель "Сварщик".

Там же работал отец Сашки, Анатолий. Анатолий кадровый сварщик, специалист золотые руки. Своим авторитетом, знанием дела, практическими советами помогал сыну освоить токарное дело. И что же: опять не понравилось - двести рублей, заработок мал, что на них купишь?

Что же касается желаний покупки новых, дорогих, модных вещей - в этом Александр был горазд. А как не будешь покупать, когда на его семью работают еще три старухи: родная мать, многожильная, их трех лучинок сложенная, бабушка, и бабушка - мать Татьяны, жены Сашки.

На тещины деньги, 100 рублей, купил породистого щенка - "московская сторожевая", которая за 10 месяцев выросла с доброго теленка. Страх собака, все воротит, привязь квартирная не выдерживает, даже разломала ножную швейную машинку бабушкину. Тут же гадит, мать, Галина, не успевает собирать все, ругается, но собирает. А сынок, хозяин собаки, может весь выходной проспать, а погулять своего друга не выведет, не говоря о том, чем "телка" накормить, об этом нет забот, о семье - тем более.

Не понравилось Александру стоять у станка, обрабатывать металл, решил использвать мотор внутреннего сгорания, чтобы машина его возила.

- Пойду работать в таксомоторный парк, оттуда направляют на курсы шоферов, - заявил старухам Шурик.

И вот Шурик-курсант, шофер-таксист. А положение осталось прежним. По-прежнему - это семья тридцатилетних иждивенцев, опасающихся жить самостоятельно, без помощи старух. По-прежнему постоянные ссоры, как между молодыми, так и старухами, вплоть до намерения разделить квартиру и разъехаться. Мало вероятного, что эта семья будет прочной.

Война со своими зловещими последствиями заставила многие тысячи мальчишек и девчонок бросить учебу и заменить взрослых, ушедших на фронт с фабрик и заводов. Подобная участь постигла и Виктора, старшего сына Гандиевых.

Завод тяжелого машиностроения им.Куйбышева - один из гигантов в Сибири, на нем и работал Виктор, выполняя заказы для фронта на протяжении всей войны.

В детских играх и юношеских забавах, со своими клятвами, обещаниями любить до гроба укреплялась взаимная связь Вик-

тора с Лилей. Рос и взрослел парень не в меру горячим, вспыльчивым, себя и девушку защищал по-рыцарски. Нередко сам находил, выпрашивал у парней оплеухи. И все бы ничего, ссадины и синяки быстро заживают, девушка Лиля рядом, в соседней квартире, но пришло время, и Виктор получает повестку в армию.

"Как же так, меня забирают, разлучают с любимой девушкой. Она ведь красивая, кто знает, может, не дождется моего возвращения", - должно быть, соображал Виктор. И на первом же году службы совершает довольно дерзкий поступок.

Списавшись предварительно с невестой, приехал за 1000 километров, в самоволку, с тем, чтобы сыграть свадьбу. Решено-сделано, бракосочетание свершилось, свадебный вечер с участием многочисленной родни состоялся, а наутро молодого мужа арестовали и под конвоем сопроводили в часть, для прохождения дальнейшей службы.

Но, вот армия позади, Виктор дома.

Сложилась молодая, взаимнолюбящая семья, в которой незаметно появился первенец, мальчик Вадик. Через несколько лет народился уже второй ребенок, доченька Ира, Ираська.

Виктор еще с раннего детства от своего отца Ивана Николаевича перенял охоту и рыбную ловлю. Занимался этим страстно, с азартом, вхзахлеб мог рассказывать о приключениях, с присущими для рыбака и охотника фантазиями.

Какой же охотник-рыбак без личного транспорта - необходима машина. Сказал - сделал. Рама от одной марки, кузов с мостами - от другой, и все же машина, мотор комбинированный. тянет, как зверь. На реку или в лес выехал самоходом, а обратно - как придется, нередко и с посторонней помощью, на поводке.

За ремонтами убивается масса времени, а без денег какой может быть ремонт. Причем все сопровождается выпивками, которые постепенно уже переходят в привычку, в какую-то ложную потребность.

Запеченный окорок от убитой косули - один смак, пальчики оближешь. Фаршированная утка, тетерев, расколотка хариуза, соленый омуль, который прославился на всю страну, - все это легко дается Виктору. Всегда у него все в избытке, все восхищаются, все довольны. А что касается частых отлучек от семьи - праздники без главы семьи, плюс к тому же систематически с хмелем - это уже плохо, начинаются конфликты.

Нередко случалось, что на семейные торжества Лиля, жена Виктора, приходила одна, а на вопросы: "Где Виктор?" всегда с усмешкой отвечала: "На охоте", или "На рыбалке".

Годы идут неумолимо быстро. В радостях и заботах родители не заметили, как их любимый первенец Вадик повзрослел. Бросил школу, не закончив десятилетки, вышел из повиновения, пристратился к "зеленому змию". По своей пьяной глупости нарушил позвоночник (выскочил из окна второго этажа), от армии комиссован, белобилетник, ни о чем особенно не сожалел, работой не утруждал себя. Везде находятся объективные причины: то условия плохие, то заработки не устраивают. В основном же, причина одна - любит поработать, где делать нечего, мягко, побольше поспать, сладко поесть, да красиво одеться, выпить винца.

Не имея жизненного опыта и материальной основы, только перевалило за 20 лет, скоропалительно женился, сообразили сына и разошлись. Жена ушла к другому, он же, через несколько лет болтания, сошелся с порядочной женщиной, которая его подкармливает в надежде на добрый исход.

Отец Вадима, Виктор, кроме охоты и рыбалки, еще с юных лет с присущим ему фанатизмом, увлекался мотоцилкетным спортом. Как-то участвовал на межреспубликанских соревнованиях в Прибалтике. Гонял по-сумасшедшему и не где-либо на треке, а прямо по городу. Мне как-то довелось прокатиться с ним. Вперегонки с другим Феликсом, на мотоциклах "Харлей", между машин, аж в уашах свистит. Уцепился я за племяша, сидя на заднем сидении, и только глаза прикрываю, думая "Сейчас все, шлеп, конец".И ехать-то было всего 3 километра, а страху претерпел с ними на целую вечность.

Сколько ни гонял Виктор, но однажды, на повороте, у горвоенкомата, при падении ободрал колени ног и руки без малого до костей. Основательно перекорябал физиономию, на этом и закончил спортивные гонки.

Ноябрьские праздники мы, с женой Надей проводили в семье Гандиевых, всегда приходили с чисто родственными, бескорыстными побуждениями. Иван Николаевич сидит уже 4 года, парализован. Как не навестить больного человека - это для него традиционная, благородная память. По обыкновению, тем более в праздник, основательно выпивший, к отцу с матерью пришел без жены Виктор.

И надо же, в разговоре я заметил:

- Если бы ты, Виктор, на Байкале, во время рыбалки, пьяным, в ночь, на машине не поехал по льду, за 40 километров при наличии пропарин и щелей во льду, возможно, тогда отца не парализовало бы!!

Что тут вдруг началось с парнем! Уму непостижимо, оскорбления - как из рога изобилия. Налетает, с замахами в драку, но я как сидел, так и высидел, терпеливо наблюдая, что же будет дальше? Только говорил сестре Татьяне и жене Наде, которые его пытались держать, и которых он, как пес цепной, отбрасывал и тоже окорблял: "Пустите его, не держите, путь попетушится".

А он именно только петушился. Как говорится в русской пословице "пакостлив, как кот, труслив, как заяц".

Откуда же у людей такая жестокость? Ведь отец с матерью прекраснейшие люди, в кого могло уродиться такое чадо?

Также и с Лилей, женой своей у них получаетєя. Казалось прежде, это любящая пара, проживут в мире и согласии, как их родители, но между ними пролегла глубокая пропасть, и кто знает, как они сумеют поправить создавшееся положение. Самим уже перевалило за половину века, времени ему для обдумывания своих промахов предостаточно.

Материальная сторона приличная: а могла быть прекрасной. Благоустроенная четырехкомнатная квартира, машина, хотя и сборная, но все же средство передвижения (правда, прав на управление он никогда в порядке не имеет),дача на берегу Иркутского моря, дочь закончила институт. Короче, все есть, но для нормальной жизни не достает благоразумия.

Для полной характеристики семьи Ганевых необходимо сопоставить положение двух молодых семей.

Как уже упоминалось, младший из братьев, Вовка, в свои тринадцать лет убегал из дома, поддавшись соблазну.

Война перевалила уже за третий год, сея на нашей земле человеческие жертвы, пепел сожженых городов и деревень. Один прохвост, солдат-спекулянт, излечивающийся в одном из Иркутских госпиталей, чем-то привлек мальчишку-несмышленыша, увез с собой в Одесскую область. Как выяснилось позднее, соблазнил красивой, беспечной жизнью, а провез за безродного, каких в ту годину бродило бесчетное количество.

Подлинная же цель спекулянта была использовать пацана в выполнении своих коммерческих махинаций. Находясь на излечении, он все обдумал, спланировал, дескать, солдат-инвалид, прибрал безродного мальчонку (Вовка именно так и сказал, что у него нет родных) и теперь беспрепятственно может разъезжать по стране. Но как говорится в пословице, нет худа без добра.

После нескольких, довольно успешных челночных операций Одесса-Москва, Вовка заболел, и солдат поместил его в один московский госпиталь, обещал возвратиться за ним. Но добрые люди госпиталя усмотрели что-то неладное, выяснили причину мальчишкиных похождений, а после извлечения сопроводили домой, к основательно перенервничавшим родителям.

Нетрудно представить положение отца с матерью, когда исчез тринадцатилетний мальчонка. Правда, его друзья несколько позже дали координаты беглеца, предположительные, выполняя данное слово другу молчать.

Отец, Иван Николаевич, после безрезультатных поисков блудного сына возвратился, когд Вовка уже был дома, но неприятный душевный осадок и все мытарства, поездки военного времени запечатлелись на всю жизнь. Кто знает, чем могло закончиться беспокойное детство и юность Вовки после того, как уже в прошлом случалось, что он путал чужой карман со своим и участвовал, хотя и в мелких, квартирных кражах.

Вовремя на помощь пришел дядя Семен. Устроил юношу к себе, в институт микробиологии, подсобным рабочим. Под наблюдением дяди Владимир постепенно привыкал к коллективу, который окружил его всяческим вниманием.

Незаметно шли годы, парень выправился, возмужал, превратился в покладистого крепыша.

В жизни так случается - где молодость, задор, там наступает первая любовь. Нина-хохотушка, так нарекла лаборантку института, его молодежь. Она действительно, вела себя непринужденно, всегда жизнерадостная, в коллективе со всеми общительная; и, как молодая девушка, отличалась незаурядной красотой.

Вот этой-то Нине, молодой крепыш Гандиев, в свои неполных 18 лет стал мужем. Ну и что, что молод, в жизни всякое бывает, зато сложилась молодая, свободная, без свадебного "горько", семья. И как следствие, за молодой первой любовью,

появилось наследство - народилась доченька. Танечка-младшая. Жить да радоваться. Молодая мать, как всякая женщина, на седьмом небе от счастья. Но жизнь с Ниной распорядилась по-своему. Она умерла, оставив одиннадцатимесячную сиротку Таню отцу, а вернее, бабушке с дедушкой, Ивану с Татьяной.

После службы в армии, Владимир, по совету и помощи дяди Петра, успешно закончил курсы линейных электриков железнодорожного транспорта. На вновь задействовавшей силовой подстанции вблизи от Иркутска Владимир по-настоящему начал свою троудовую деятельность.

Во всём ему способствовала вторая жена, Аня, ставшая верной спутницей во всех горестях и радостях Владимира. Она закончила медицинский институт, работала врачом Шелеховской больницы.

Первым и основным вопросом совместной жизни молодых супругов, являлось устройство маленькой Татьянки, дочки Владимира от первого брака. "Старики" на их просьбу отдать ребенка дипломатично, со ссылкой на привязанность к девочке ответили отказом. Так и определилась Татьянка-Таточка возле деда с бабой - второй мамой.

Конечно, молодые родители, выполняя свои родительские обязанности, не оставляли и не оставляют без внимания старшую дочь. Всякие семейные события, положительные или отрицательные, касающиеся стариков или Татьянки с ее ребятишками, Владимир с Анной держат в поле зрения. Часто навещают и обязательно с подарками.

Касается ли состояния здоровья всех, Анна как врач, также принимает активное участие в лечении или консультации.

После окончания строительства шелеховского алюминиевого комбината Владимир перешел на его подстанцию, где его приняли кандидатом, затем членом партии коммунистов. Стремясь к повышению образования, он, заочно учась, получает диплом техника и многие годы работает мастером смены.

Как и его старший брат, Владимир унаследовал от отца, Ивана Николаевича Гандиева, любовь к охоте и рыбной ловле. Отдает предпочтение рыбалке, за каким-нибудь паршивеньким харюзком гоняется часами, а то и более. Имеет мотоцикл "Юпитер-2" и моторную лодку "Казанку".

Семья младшего Гандиева - дружная, благополучная во всех отношениях. Имеют двух дочерей уже от совместного

брака, старшая, Лена, закончила политехнический. Младшая, Наташа студентка госуниверситета. Девочки прекрасные, занимаются спортом, рукоделием, помогают матери по домашнему хозяйству и в саду.

5

Бесследно затерялся человек, и не кто-нибудь, а родной брат Саша. Он был арестован в ежовские, 1937 года времена. В возрасте 28 лет Саша угодил в водоворот времени и канул безвинным в вечность.

Никак не мог я поверить, что простой работяга, малограмотный, молодой мужик был к чему-то причастен противозаконному, и затеряется бесследно. Одной из первостепенных задач поставил перед собой: во что бы то ни стало разыскать брата, маловероятно живым, но тогда убедиться в смерти его. После демобилизации из армии, немедленно попытался обратиться с письмом в главное управление лагерей в столице, с просьбой сообщить о судьбе брата. Долго и терпеливо, с какой-то упорной надеждой, ожидал ответа.

Наконец весточка получена. Извещением пригласили в отдел местных органов и сообщили адрес местонахождения брата. Читинская область, станция Кидала, Кадолинское шахтоуправление.

- Можете писать родственнику, - сообщил сотрудник, вручая адрес, - здесь близко. (Иван Николаевич ходил за меня. Я был в командировке, на уборочной).

Немедля пишу на имя брата письмо с уведомлением, на котором получена отметка штампом почты "письмо лично вручено адресату". Жду месяц, жду другой, послал телеграмму. Так-же, как письмо, от Саши ответа не последовало.

Поздний вечер, возвращаюсь из очередного рейса из Качуга. Возле столовой села Баяндай подошел ко мне военный в форме сотрудника госбезопасности и попросился доехать до Иркутска.

- Поедемте, веселей будет, поболтаем, а то ночью всегда спать клонит, - охотно предложил я случайному пассажиру.

Слово за слово, я осмелился рассказать о каком-то довольно странном адресе брата и вообще о его судьбе. Как мне показалось, собеседник сочувственно выслушал и предложил обратиться в Читинское управление лагерей, по месту ареста Саши.

На мой запрос, из Читы быстро пришел ответ: "В списках указанных лагерей Павлов Александр Павлович не числится". Прошло еще три года, с аналогичной просьбой вновь обратился в Москву. Так же, как и в первый раз, в местных органах сообщили: выслан на Дальний Север, на 10 лет, без права переписки.

Лишь после смерти Сталина и разоблачения предателя Берии, после третьей просьбы в Москву, здесь, в органах госбезопасности, сообщили действительное. Любезно принявший меня подполковник сказал:

- Сообщением своим, товарищ Павлов не обрадую вас, ваш брат мертв.

На мой вопрос, как это могло произойти, объяснил сотрудник, что после десятилетнего отбывания по приговору в местах Колымы, при транспортировке в новое место еще на 2 года свободного, но без права выезда поселения, остыл и умер.

Спросил подполковника, что означает данный первый адрес в Кадале? Он ответил:

- Вы же знаете, что творилось у нас в тот период, просто путали все, прятали следы.

- Нельзя уточнить место захоронения, - спросил я, - возможно, съездил бы туда, поклонился могиле.

- Вряд ли возможно, - последовал ответ, - прошло уже шестнадцать лет, стоит ли терять время и нести большие затраты, - старался убедить и успокоить меня собеседник.

После этого сообщения, я уверовал, что Саша безвинно погиб, бездарно, жаль, не на войне, а захлестнутый водоворотом времени.

И только в период перестройки в марте 1989 г., еще раз обратился с запросом в Читинское управление КГБ. Быстро, очень быстро последовал ответ. Свидетельство о смерти брата, Павлова А.П. получите в ЗАГСЕ Ленинского р-на г.Иркутск. Тут же незамедлительно: пригласил меня для беседы сотрудник КГБ по Иркутской обл. т.Березовский, который сообщил: Павлов Александр Павлович, 1910 года рождения, с.Биликтуй Ирк.обл. в пос.Букачача Читинской обл. работал в лесозаготовительном участке, снабженцем, арестован 26 сентября 1937 г.

20 октября того года осужден тройкой, УКВД, приговорен к высшей мере наказания, как враг народа: активный участник, существующей там контрреволюционной организации. 26 октября 1937 г. через месяц после ареста, расстрелян в г.Чите.

В последнем обращении в Читинское упр. КГБ с аналогичной просьбой, упомянул о судьбе зятя, мужа сестры Клавдии. Буркина Трофима Никифировича работавшего там же, в п.Букачача, одновременно с Сашей арестованного. Во время беседы т.Березовский 20 апреля 1989 г. он сообщил: Буркин Трофим Никифорович, 1895 г. рожд. уроженец деревни Окуневка Черниговского уезда Могилевской губерни, прораб лесозаготвительной конторы пос.Букачача. Арестован 28 июля 1937 г. за активное участие в кулацко-повстанческой организации. 20 октября 1937 г. осужден тройкой к ВМН. 26 октября 1937 г. расстрелян в Чите. Свидетельство о смерти направлено в Ленинград дочери Буркина Надежде Трофимовне Наумовой.

Оба, брат и зять, в один день осуждены тройкой и через пять дней расстреляны. Так канули люди в период сталинских репрессий, абсолютно невинными. Сотрудник КГБ сообщил: 22 июля 1957 г. Читинским Облсудом дела Павлова и Буркина пересмотрены в сторону реабилитации. Постановлением Совмина СССР № 1655 от 9 сентября 1955 г. о льготах необоснованно репресированных, предусмотрено получение родственниками, 2-х месячной зарплаты с места работы до ареста, то есть с лесхоза п.Букачача.

На мой запрос на имя председателя Букачанинского поссовета ответили: АРХИВОВ за 1937 г. не сохранено и про лесзаготучасток ничего не известно.

Секретарь исполкома Г.А.Бурмиская

6 июня 1989 г. № 23 п.Букачача.

Жена Саши, Мария, схоронившая без отца сына Володю, много лет ждала, переживая в неясности одиночество, сама умерла. Умерла убежденной иеговисткой, на родине, в Биликтуе, где эта чумная зараза действовала довольно активно, выискивая и калеча человеческие души, обиженные судьбой, подобно Марии.

Следующим из братьев по возрасту идет Семен.

Примерно 25 лет он отработал в институте микробиологии, в должности заместителя главного врача по общим хозяйственным вопросам. Работал успешно, был всегда точен в исполнении обязанностей. Так шло до тех пор, пока его

покровительница, главный врач Рудина, с которой Семен сработался, находилась на месте.

С приходом новой администрации начались служебные неполадки, разного рода неувязки. Новому директору потребовалось это место освободить, и брату, как бездипломнику, пришлось уйти.

В строительной организации, куда Степан перешел снабженцем, он с присущей ему дисциплинированностью доработал до заслуженного отдыха.

В отличие от большинства родичей, по складу характера Семен спокойный, уравновешенный, когда требовалось, умел владеть своим нравом. Судя по обстоятельствам, с людьми, особенно с теми, которых считал для себя полезными, вел себя весьма любезно, отчего порою припахивало подхалимством.

К родным относился внимательно, добродушно, на просьбы о какой-либо помощи всегда отзывался. Возникала ли необходимость кого-то устроить в больницу, достать дефицитное лекарство, помочь устроить кого-то в вуз, дать ли разумный совет, сделать внушение какому свихнувшемуся из молодых чад, - все мог в основном только Семен. У него немалые связи в верхах городской знати, он образованней и влиятельной всех нас, родичей. В праздничных компаниях он всегда неунывающе веселый, горазд на анекдоты, может бросить в чей-либо адрес мало заметную, но язвительную шутку.

Все это, вместе взятое, десятилетиями, постепенно, создавало вокруг Семена какой-то ореол превосходства над всеми родственниками, все, что он делал, воспринималось как само собою разумеющееся, без каких-либо критических замечаний в его адрес, наоборот, с одобрением и комплиментами.

Его жена Анна, довольно интересная, деловая женщина. Бухгалтер по специальности, в работе исполнительная, помногу лет на одном месте, усидчивая. В компаниях Анна также жизнерадостная, довольно красноречивая. К людям всегда любезная, подчеркнуто внимательная, гостеприимная. Зато в доме, в семье, Анна довольно равнодушная, можно сказать - беспечная. Вся основная домашняя работа, включая наблюдение за подрастающими сыновьями, была возложена на бабушек. Это наша мать, вечная труженица, которая умерла от рака легких в возрасте семидесяти двух лет, затем ее сестра, тетка Наталья, без малого до смерти, прожила у Семена с Анной.

Семен с Анной дополняли друг друга, внешне совместная жизнь протекала дружно, старались скрывать семейные неурядицы, хотя иной раз они выплывали наружу. Вращаясь в кругах своего общества, не упускали возможности воспользоваться связями улучшить семейно-материальное благополучие.

Шли годы, сыновья росли, становились юношами.

Семен приобрел списанную, ведомственную легковую машину "Победа", которую, с моей активной помощью, в гараже автобазы, где я работал, мы капитально отремонтировали, привели в надлежащее состояние. Выезжали совместно за грибами, ягодами, затем, спустя несколько лет, он "Победу" заменил "Москвичом-403".

Вместо купленного во время войны дома (Семен находился на броне), приобрели в первом выстроенном в городе кооперативном доме двухкомнатную квартиру. Далее, по мере вырастания сыновей, Валерия и Вадима, в этом же кооперативном доме купили двухкомнатную и однокомнатную квартиры. Приобретенный земельный участок на берегу Иркутского моря, в Ершах, оборудованный своими руками дом-дача, дополняли их хозяйство.

К тому времени, в шестидесятых годах, сестры Анны, уехавшие во время войны в Германию, затем в Америку, как-то через польских верующих разыскали Анну здесь, в Иркутске. Началась активная переписка, получение посылок с американскими разноцветными тряпками. В семье, особенно матерью Анны, проповедовался и выхвалялся аериканский образ жизни. Сыновья наряжались в яркие свитера заокеанского производства, "Штаты", в "Штатах", - только и слышалось в семье, особенно от старшего сына Валерика. Это не могло не отражаться на моральном состоянии сыновей, что в последствии привело к трагической гибели старшего.

После десятилетки дальнейшая учеба, как родители тому ни способствовали, у Валерия не получилась. От призыва на действительную военную службу по разнообразным причинам сыновья как-то освобождались. Ни один, ни другой не изведали. что такое солдатская муштра и солдатская каша.

Гуманные советские законы представили возможность Анне, в течение пяти лет, по 6 месяцев дважды, навещать американских родственников. Всякий раз по возвращении из турне, Анна с азартом расхваливала, подкрепляя фотографиями,

"райскую жизнь" близких, привозя разнообразные подарки из американского тряпья. Спустя несколько лет съездила в Штаты в третий раз.

Все вместе взятое в их жизни не могло оставить меня равнодушным. При частых наших встречах, сопровождавшихся выпивкой, дружеские беседы переходили в споры и даже в серьезные конфликты. Не в моих силах было выслушивать разукрашивание американского образа жизни и райского положения ее родственников-предателей.

В моем понятии они чистой воды предатели родины, Советского народа. И не исключено, что руки их обагрены кровью людей, погибших за советский Киев - тогда, когда они все, там в Киеве, находились в услужении у немцев, работая в торговых предприятиях. Так же не исключено, что советское золото поспобствовало устроить райскую жизнь в Америке, поскольку там, в Штатах, миллионами исчисляется и продолжает возрастать безработица. А из них уехало не много - не мало 8 человек, по главе с зятем, Аркадием, немцем по национальности. И кто знает, что этот Аркадий, с военной выправкой, не был заброшен заранее, до войны, в глубокий тыл, как немецкий шпион, а в канун войны удрал в Киев.

Старший сын Семена с Анной, Валерий, пользуясь бесконтрольностью родителей и оставаясь при бабушках, с ранней юности пристрастился к спиртному. Учеба в десятилетке протекала с переменным успехом. Увлекся он модными в то время брюками в трубочку, носил цветастые американские свитера, отрощенные волосы, выработал походку вразвалку. Все это дало основания влиться в ряды первых стиляг города.

Учеба в университете, факультет юрисдикции, не понравилась, бросил. Через год поступил в сельскохозяйственный, на охотоведческое отделение, также не получилось. Кто из родителей не мечтает увидеть свое чадо в образе ученого, артиста, знаменитого музыканта. Из кожи лезут, подключают всех и вся, для выполнения своей мечты. Стремятся выполнять все желания чадушки, чтобы он внешне не выглядел хуже других, а лучше, привлекательнее. Окружают его излишним вниманием и лаской, а за своей занятостью забывают о главном - воспитании ребенка. А он с раннего детства, как губка, впитывает в себя все.

Валерий рано женился, народилась дочка, Лена. Его жена, Элита, очень положительная женщина, по образованию - преподаватель техникума. Совместно с родителями жена всячески

стремилась приостановить наклонное движение Валерия к спиртному. Ввести в нормальное русло, приобщить к труду, а главное - сохранить семью, как бы не было трудно, но не получилось. Многолетнее, поначалу незаметное увлечение спиртным, переросло в привычку, затем в алкогольное заболевание, с вытекающими из него пагубными последствиями. Валерий заболел шизофренией, несколько раз помещался в психиатрическую клинику, первый из них - в отделение буйных.

Дважды мне пиходилось посещать злополучную клинику. Это жуткое зрелище - наблюдать за человеком, ранее здоровым, довольно грамотным, рассудительным, молодым, впадшим в уровень животного. Во время свидания, в отдельной комнате, пока Вадим (брат) кормил его, он беспрерывно, бессвязно, с резкими движениями, говорил и говорил. Представлял себя великим правителем, полководцем, космонавтом, ангелом и т.п. Все сопровождалосс краткими изречениями из писаний великих умов мира. Тут же Валерий лазил под скамью, разыскивая окурки сигарет, комкал газету, в обрывки которой завертывались принесенные продукты, и вталкивал ее под больничную куртку.

- Я потом почитаю, там все читают и отбирают друг у друга, - показывал он рукой в глубь корпуса, в палату (черти отбирают). Сорвал с Вадимовой шеи красный шарф, шляпу, надевал на себя, и в разных движениях, позах, видимо, представлял себя гуляющим, и затем долго не отдавал брату одежду.

Во второй раз его уже более спокойного, разрешили вывести погулять в обнесенный высоким забором садик. Гуляя по пятачку садика, Валерий, обращаясь ко мне, сказал:

"- Ты, дядя, меня не бойся, я тебе плохого не сделаю". Это она с матерью, - (пытаясь ударить жену), - засадили меня сюда. Здесь меня бьют, привязывают к койке, силком уколы ставят, а кто и пытается покататься на мне.

Мать же, Анна, в это время со слезами, из-за кустов, наблюдала за сыном, опасаясь подойти, т.к. он в ее адрес отпускал угрозы.

После излечения с диагнозом "шизофрения", Валерий некоторое время находился на инвалидности. Естественно, семью и родителей, которые проживали этажом ниже, держал в непомерном напряжении, тут же и ребенок, Леночка-дошкольница. Кто мог предвидеть, что взбредет ему в голову с

наступлением приступа. Он мог придушить жену или дочку, или выброситься в окно с пятого этажа на асфальт.

28 ноября 1969 года совершился непоправимый, трагический финал. При автомобильной катастрофе на Ангарском мосту Валерий погиб. Но если учесть, что он попал под задние колеса груженого трубовоза, который остановить не просто, тем более шедшего под уклон, то можно предположить - совершилось обумадное самоубийство. Можно себе представить, какое горе постигло родителей: потерять сына в возрасте тридцати лет, а молодая вдова осталась с малюткой на руках.

Схоронили Валерия на Иркутском кладбище, в теплый, ноябрьский день. Периодичсески посещая могилу Валерия, както невольно бросается в глаза маленькая, незаетная для постороннего человека деталь. На могильном памятнике из белого мрамора надпись: "Сыну от родителей". Можно предположить, что после смерти Валерия, кроме родителей, никто не остался в живых из его самых близких родных.

Дочке Лене уже 10 лет, а чем будет она становиться взрослей, тем чаще может задавать вопрос: а кто был мой папа?

Младший сын, Вадим, после десятилетки закончил вуз по цветным металлам, работает успешно научным сотрудником. Женат, имеет сына. Зина, жена Вадима, также с высшим образованием, занимается преподавательской деятельностью. Как будет складываться дальнейшая судьба молодого специалиста - трудно судить, зависит все от него самого. Роковой исход жизни старшего брата для Вадима должен служить уроком и постоянным напоминанием.

7

О трудовой деятельности в моей первой части книги довольно подробно освещено и потому представляю право судить уважаемому читателю.

Что касается семейного уклада, осмелюсь с гордостью сообщить, что жизнь моя протекала, хотя и значительно труднее, по сравнению со всеми родичами, зато благополучней всех.

По характеру я тоже не ангел, были разнообразные завихрения с моей стороны, и в вопросе благополучия в семье огромнейшая заслуга жены Нади. Она своим добрым характером,

внимательным отношением ко мне могла еще в зачатке тушить порою возникающие вспышки.

За все это я не мог не уважать жену. Не мог я не уважать жену и за то, что она терпеливо в трудное время войны с детьми переносила одиночество. Восьмилетняя солдатская служба, шоферские разъезды, длительные командировки, ночные дежурства в автобазе, всегда провожала и встречала меня, при этом не оставляла ни малейшего основания для подозрения в неверности. Мы за многолетнюю жизнь с Надей по-настоящему не ругались, и ни разу не назвали друг друга дураком, а брак регистрировали, когда сыну Юрию было далеко за 30.

Надя - обыкновенная, малограммотная, крестьянская девушка, из многочисленной семьи. С малых лет лишилась родителей, росла с братьями в глухой таежной деревушке Андреевке, Заларинского района, перенося все тяготы крестьянского уклада.

После демобилизации из армии, наряду с материальными трудностями, которые за время войны основательно возросли: одежда, квартира, и которые немедленно требовалось преодолевать, немалую озабоченность представлял десятилетний сын Юрик. Правда, каких-нибудь отрицательных явлений за ним не наблюдалось, но детское вранье и неудовлетворительная начальная учеба (3-й класс), давали основания для беспокойства.

Как первый выход из положения, решили временно оставить работу матери для повседневного наблюдения за мальчишкой, чего не удавалось мне, в связи с работой на трактовых, загородных перевозках.

Чтобы как-то компенсировать финансовый урон семье, принимаем решение купить корову, но на что? Денежная помощь, оказываемая при увольнении из армии, как-то с голодухи да с разрухи незаметно разошлась, все было голо. На помощь откликнулись Семен с Анной, кроме как на них, из родственников больше рассчитывать не на кого, деньги были только у них.

Вынимая из-под подушки Нюсиной постели 3000 рублей, Анна заметила: "Это деньги племянницы", тем самым подчеркивая, что их следует возвратить. (Нюся, племянница Анны, дочь старшей сестры, уехавшей в Америку). Забегая вперед на много лет, должен сказать, что эти деньги, как долг, будут

упоминаться еще неоднократно, при довольно неприятной ситуации.

Плохо обстояло с жильем. Двое детей, Юрий и Эля, подрастали, комната одна в двенадцать квадратных метров, с потолка капает вода, срочным порядком как-то нужно выходить из создавшегося положения. И тут, как говорится, подвернулась "фортуна".

Управлению торговли было предоставлено право продать особняки, не более трех комнат, как ведомственные. Идя навстречу, как остро нуждающемуся, мне и предложили такой дом купить в рассрочку, за 3 года погашения, с единовременным взносом 20% от стоимости. Дом оценивался в 13000, к тому одну тысячу на срочный ремонт, таким образом, залезли по уши в кабальные долги, иного выхода не предвиделось. Итак, 3 года выплаты ссуды за дом с одновременной отдачей иных долгов - очень трудно протекало время, порою ребятишек держали на голодном пайке. К тому же еще коровенка, на которую питали надежды, растелилась выкидышем и обезмолочила. Как говорится, где тонко, там и рвется, но в дружной семье и горе коротать легче.

Шли годы, и хотя жизнь протекала с переменными успехами, материальная сторона постепенно стабилизировалась.

Через 16 лет этот же дом потребовалось горсовету снести под строительство кооперативного дома. Конечно, с предоставлением благоустроенной квартиры, во вновь отстраиваемом микрорайоне Ново-Ленино. Это за 20 километров от автобазы, на которой проработал 30 лет и не собирался покидать ее. Естественно, я не мог согласиться с предлагаемыми условиями, отказался освобождать квартиру. За отказ выехать из собственного дома меня судили именем Закона республики - гласил приговор.

Пришлось выехать, только не в Ново-Ленино, в благоустроенную квартиру, а на частную развалюху, на целый год, в обмен на выданное обязательство горсовета. По истечении срока, с разнообразными, прямо сказать, бюрократическими волокитами, квартиру получили, в лучшем микрорайоне города - бульвара им.Постышева. Мы с женой и ее племянницей двухкомнатную, сын со своей семьей однокомнатную секцию, совместно на одной площадке.

Живем хорошо, имеем все необходимое, нет оснований обижаться на вполне обеспеченную современную жизнь, как и у сотен тысяч нам подобных.

Сын Юрий учился плохо. В третьем классе не знал таблицу умножения и элементарных четырех действий арифметики. Что касается детского вранья, тут он был по всем статьям горазд. Если по первости я ему замечал:

"Ты же, Юрка, все врешь, не можешь смотреть мне в глаза", так в дальнейшем мальчонка преодолел эту робость, смотрит прямо, а проверишь - все наврал. Врал отменно, что подтолкнуло обратить особое внимание на это.

Немедля связался с учительницей, изготовил из простой школьной тетради дневник (форменных не было) и попросил, чтобы она Юрию выставляла отметки ежедневно. Дело вроде пошло на поправку. Иной раз приезжаю из загородной поездки ночью, он соскакивает, или прямо с постели выбрасывает 4 или 5 пальцев руки - "У меня сегодня такие отметки". Ну что ж, молодец, сынок - говорю. Просматриваю дневник - вроде бы все нормально, подлинная подпись учительницы.

- А почему цифры отметок ты ставишь, это же твой почерк?

Тут же незамедлительно следует довольно убедительный ответ,глазом не моргнув ответит:

- В школе холодно, у Анны Сергеевны руки мерзнут, она вызовет к доске, спросит урок, и скажет: 4 или 5 поставь сам, и подпишет дневник.

Подумаешь, и действительно так, время еще трудное, послевоенное, топлива недостает, успокаиваемся мы с матерью и только подхваливаем сына.

Как-то возвращаюсь с уборочной глубокой осенью, где пробыл больше месяца, жена сообщает: Юрка учится плохо, дневник учительнице уже месяц не подает, а подпись ее удачно подделал.

- Вчера на родительском собрании хоть сквозь землю проваливайся, стыдища одна.

Новость как гром среди ясного неба. Выясняю, действительно так, даже потребовал, чтобы он расписался, как учительница. Выяснилось, что он подписывал дневник в туалете или в свободном кабинете-классе.

Тут, конечно, не обошлось без очередной взбучки с применением ремня. Возможно, подобная мера не педагогична, но я решил во что бы то ни стало, пока не поздно, перестроить мальчишку, к тому же мне в его годы здорово подобная мера помогала.

Дневник с его выкрутасами основательно припрятал, имея в виду, если доживу, показать его детям, как наглядный пример учебы их отца. Но будущий отец заранее побеспокоился скрыть следы своих детских проказ перед тем как его дочке Любашке пойти в школу. Спустя 20 лет он разыскал злополучный дневник и уничтожил, о чем признался много позднее.

После случая с дневником еще выкидывал нам Юрка фортели, и не однажды. Следующим сюрпризом для нас, родителей, явилось исчезновение его из дома. Поздно вечером, после очередной поездки, жена встречает со слезами и рассказывает.Объявляет Юрка:

- Я с ребятишками, мама, пойду в баню, дай мне белье, какое там ни на есть.

- Ну, собрала я и проводила с напутствиями, мол, сильно не балуйтесь, да не ошпарьтесь кипятком.

Час, два, пять прошло, а Юрка не возвращается. Обошла всех ребятишек, с которыми он, якобы, собирался в баню, но никто в этот день его не видел. Среди родственников, у которых он мог быть, также никто ничего не подтвердил.

Рано утром иду в гараж, и на машине с женой объехали все больницы города и участковые отделения милиции с их детскими приемниками. Нигде мальчонка не обнаружился. На следующий день повторил снова объезд всех этих учреждений, и опять безрезультатно. Лишь на третьи сутки, случайно, еле узнав (был черным от сажи), в вагоне железнодорожной передачи его обнаружила и задержала невестка Лидия, жена брата Кирилла.

Как выяснилось позднее, на вокзале встретился с бродячими мальчишками, доехал с ними зайцем до Улан-Удэ с намерением пробираться на Дальний Восток. Нагляделся на вороватых мальчишек, пообдумал, что дома потеряют, и куда заведут случайные друзья и возвратился. Только решил не сразу идти домой, а проехать во II-й Иркутск, к Нелли с Валеркой, дяди Сережиным ребятишкам.

- Только вошел в вагон, а тетя Лида тут как тут. (Она работала в военном городке кассиром). - Завела меня к себе накормила, я уснул и не помню, как приехала мама за мной.

Этот случай обошелся без наказания, а ограничился довольно обстоятельным, продолжительным разговором.

Парень стал заметно исправляться, учеба также налаживалась, не обходилось, конечно, без очередных выкрутасов, но они были малозначительными.

В порядке поощрения, во время летних каникул, прокатывал сына на машине, даже несколько раз брал в дальние рейсы, до Качуга.

Закончил Юрий 8 классов, и родителям вновь беспокойство.

- Не буду дальше учиться, - заявил нам с матерью Юрка. - Я решил поехать в Сахалинское мореходное училище, город Холмск.

Как так, мальчишка в 15 лет поедет один на край света. Одно наименование - Сахалин - в то время наводило на нас с женой ужас. Применили всевозможные меры разубеждения, влияние через мальчишек, подкупы, обещания - все бесполезно, настаивал на своем.

Как-то нашел им приготовленный конверт с документами, адресованный училищу, и спрятал его, вернее, перепрятал. Так Юрий встал передо мною на колени, глядя возбужденными глазами, просительно сказал:

- Папа, отдай пакет, если этого не сделаешь, не пустишь меня, всю жизнь будешь раскаиваться.

Не устоял я перед его просьбой, отдал конверт и дал согласие на поездку.

Дружок Юрия, Женька Попов, с которым собирались ехать на Сахалин, изменил ему, испугался, отказался от поездки. Проводила мать его одного, с попутно ехавшей на Дальний Восток командой моряков.

Находясь в Москве, на курсах механиков счетной техники, получил от жены в письмах сообщение, что в течение четырех месяцев от Юрия было всего 2 письма. В одном сообщил, как приехал на Сахалин, в другом, - как сдавал экзамены, и больше ни слуху, ни духу. В письмах от Нади передавалось беспокойство, горе матери, чувствовалось, что писала она со слезами.

Если Юрий получил вызов для сдачи экзаменов в Холмское мореходное училище, значит и разыскивать его следует в министерстве морского флота, решил я. Вот я в Управлении учебными заведениями министерства морского флота. В просторном кабинете, обставленном якорями, разнообразными моделями судов, за большим столом, покрытым зеленым сукном, сидел тучный пожилой человек. По его форменому кителю, нескладно облегавшему полное тело, и такой же фуражке с крабом на тулии, лежавшей рядом на бумагах, видно было, что это бывалый, просоленный моряк.

Начальник управления, раскуривая трубку с изогнутым чубуком, внимательно выслушал меня о цели моего прихода. Тут же немедленно вызвал секретаря и продиктовал телеграммы для Сахалинских, Камчатских мореходных училищ, не обращался ли Павлов Юрий с документами о приеме?

Через 3 дня, тот же начальник вручил мне ответную телеграмму Холмского училища. "Обращался, вступительные экзамены не выдержал, дальнейшее местонахождение неизвестно". Из других училищ ответы поступили отрицательные - "Не обращался".

- Там же, на Сахалине и Камчатке, есть аналогичные училища министерства рыбной промышленности, может быть, туда обращался, - сказал мне начальник управления.

Тут же набрал номер телефона, переговорил, как я понял, с таким же моряком, в чем позднее пришлось убедиться, на бумажке написал адрес, каким транспортом можно доехать, сказал:

- Давай, быстро езжай, там ждут.

Через полчаса я сидел в кабинете такого же любезного, пожилого "морского волка". После краткого объяснения, начальник нажал кнопку звонка, в дверях появился молодой мужчина, в форме моряка. Обращаясь к мужчине по имени-отечеству, начальник попросил помочь мне, связаться с вышеуказанными училищами, не подавал ли документы для поступления Павлов Юрий.

- Не исключено и другое, - заметил старый моряк, - романтика могла захлестнуть мальчишку, пристроился на какое-либо торговое судно и уплыл юнгой, такое случалось в нашей морской практике.

*

Ответы на повторные телеграммы пришли неутешительные: "Не обращался".

Тут же посоветовали обратиться с запросами на имена начальников милиций вышеуказанных дальневосточных городов. Среди отрицательных ответов была подпись начальника паспортного стола города Холмска, который, как выяснилось, неделей раньше, подписал при выдаче Юрию паспорт. Мне же ответил: "В указанном городе Павлов Юрий не проживает".

А мальчонка в течение четырех месяцев жил в городе Холмске, работал в порту, на пилораме, и по исполнении шестнадцати лет, в милиции, до моего запроса, получил паспорт.

Грустные мысли ворошились в моей голове, наслаивались одна на другую. Да и не мудрено, край далекий, суровый, заселен разнообразными людьми, всякое может случиться, как говорится: раз, два - и концы в воду.

"Наконец-то нашелся Юрий, - вдруг сообщает Надя, - просит денег на обратную дорогу". Предложил жене: немедленно режь корову, продавай мясо и высылай деньги, сколько требуется.

Коровенку же все равно требовалось уничтожить, быком держать в условиях города слишком накладно, не огулялась. По возвращении из Москвы, мой первый вопрос к Юрию:

- Почему молчал на Сахалине три месяца, что случилось? (Они с дочкой Элей приехали на вокзал меня встречать).

- Ничего не случилось, - не задумываясь ответил он. - Просто хотел заработать денег и приехать на свои. Вы же меня не пускали в такую даль, поэтому просить было стыдно, а с экзаменами опрофанился, не сдал. Работал 3 месяца на лесопильном заводе, там же, в порту города Холмска. Теперь я знаю, как зарабатываются деньги, какой ценой они достаются. Случалось, придет в порт океанский иностранный пароход за лесом, нас всех, кто способен держаться на ногах, заставляли грузить эту громадину. Тут же, в порту, кормили нас, тут же, в порту, спали где и как придется. А на плечах, от тяжелых досок, едкие ссадины и лопнувшие мазоли. Там же, в Холмске, получил паспорт. Так что я уже повзрослел, попутешествовал, нужно браться за настоящее дело, - не без гордости заявил

Юрий. - Пойду на Куйбышевский завод, учеником токаря, Женька Попов там работает, зовет и меня к себе.

- Ну что ж, выбор подходящий, токарь специальность хорошая, - поддержал я парня.

С азартом сын взялся за дело, приходит с работы изрядно вымазанным, рассказывает про дела, происшедшие за день.

- Хорошо-хорошо, - поддакиваю парню, сам мысленно радуюсь, - наконец-то пристроился мальчонка, рабочая косточка будет.

Незаметно пролетает несколько месяцев. Сижу как-то за чтением книги, брякнула щеколда калитки, а оструушка Линда на приступ, не впускает двух молодых женщин.

- Вы отец Юры Павлова? - спросила одна из них меня, вышедшего к ним навстречу. - Юрия 5 дней нет на работе, мы его потеряли, пришли узнать, в чем дело?

"Еще новость, - подумал я, - этого только не доставало, сын - прогульщик". С ними мне приходится повседневно бороться на своей основной работе, как секретарю партбюро.

- Он уходит утрами своевременно, и возвращается также, - объяснил я женщинам, пообещав все узнать, как он появится, и сообщить немедленно на завод.

После очередной головомойки выясняется, что с тем же дружком, Женькой Поповым, на чердаке его дома все эти дни они готовятся сдать предварительные зачеты и медицинскую комиссию по программе Актюбинской авиационной технической школы.

Пришлось сменить гнев на милость и благословить еще на одно мероприятие. Сын меняет морскую романтику на воздушную. Это прекрасно, когда человек, тем более юноша, дерзает, ищет дело по душе.

Все сдал Юрка успешно. Опять проводили в Актюбинск, в авиатехническую школу, откуда вернулся с дипломом механика-моториста.

Не прошло и года, подскочило время призыва в армию. В войсках военно-воздушных сил, представилась возможность бортмехаником налетать потребное количество часов, затем краткосрочные курсы и получение прав бортмеханика гражданской авиации. А чтобы стать механиком со средним техническим образованием, Юрий закончил десятилетку, в школе

рабочей молодежи, и уже затем, вечернее авиационно-техническое училище, в городе Иркутске. Техник-механик с офицерским званием, с правом работы на самолетах, вертолетах "Ми-4", "Ми-6", и, последнее время, "Ми-8".

По складу характера Юрий справедливый, настырный, а чего задумал - будет добиваться без каких-либо комбинаций, связанных с противозаконием. В подобных случаях, чтобы достичь своего, мнение или советы кого-либо, особенно нас, близких, во внимание не берутся, повелительно отвергаются. "Я сказал", "я сделал", "я живу только для себя", - нередко можно услышать от Юрия подобные изречения. Уклад жизни скромный, даже обособленный, без ненужных излишеств.

Но какое-то в нем повышененое самопочитание, себялюбие, а в кого и как - непонятно.

Одним из примеров может служить такой. Правду и справедливые замечания не переносит, и может даже к нам, родителям, подолгу не заходить, невзирая на то, здоровы ли мы или нет, хотя живет от нас в пятиминутной ходьбе. Правда, Юрий ежедневно утрами, проходя мимо наших окон, обязательно машет рукой. Уже имея прекрасную машину "УАЗ-469", никогда, запросто нас, родителей, в садоводство не свозит, все какая-то занятость, а главное, чтобы не попросили убедительно.

Общая трудовая деятельность Юрия протекает прекрасно, и как поощрение, руководство завода, где он работает много лет, выделило за наличный расчет хорошую машину "УАЗ-469". Юрий член КПСС, семейный. Жена Валерия бухгалтер по специальности. Дочь Люба студентка института народного хозяйства. Материально обеспечен всесторонне: 3-х комнатная, благоустроенная квартира, зарплата высокая.

Что касается дочери Эли, то она росла, и вот незаметно для нас, родителей, выпорхнула из семьи. Училась Эля нельзя сказать, чтобы отлично, но из класса в класс переходила ежегодно, не была в отстающих, а нам не причиняла каких-либо неприятностей, связанных с учением. Единственно, в детскую пору, учась в третьем классе, дочь из-за болезни заставила нас серьезно попереживать. Надо же приключиться: заболевание коленного сустава, остеомиедит, от падения и удара о камень. Но благо, обошлось благополучно, при содействии облздрава

удалось дважды свозить на курорт грязевых лечений (озеро Шира, Красноярского края).

После десятилетки Эля, не попав в вуз по конкурсу, без перерыва закончила двухлетнее фельдшерско-акушерское училище при медицинском институте.

Нередко с супругой Надей перебираем в памяти прошедшую пору детства-юности Эли. Росла и развивалась дочь очень хорошо. На всех семейных с родичами встречах, дети были всегда с нами, оставлять не с кем было. Таким образом, взрослые всегда просили Элю станцевать или рассказать что-либо. Особенно произвел впечатление рассказ-стихотворение:

Пирог мой не сырой,

Старуха, дверь закрой.

Выросла дочь. Вот и говорит нам как-то с матерью:

- Мне один молодой человек сделал предложение стать его женой.

- Ну что ж, дочка, тебе уже 20, ты вправе самостоятельно решать о себе. Кто же твой избранник, покажешь нам его?

- Он военный, - с гордостью заявила Эля, - закончил ИВАТУ, только сегодня сидит на гауптвахте. Арестовали его на трое суток, что самовольно убегал ко мне на свидания. Завтра освободится, я его приведу сюда, буду надеяться, он вам понравится.

- Ну что ж, Эля, для начала это уже неплохо, приведи-приведи, - ответил я.

Назавтра, в полдень, приходят. Эля, весело смеясь, проскочила на кухню, где мы сидели с Надей в ожидании, а он, наш будущий зять, в нерешительности остался у входной двери, прикрытой стенкой, в углу которой висел жестяной умывальник.

- Ну что же, моллодой человек, давай, показывайся, будем знакомиться.

Подталкиваемый сзади Элей перед нами, робко переступая с ноги на ногу, оказался парнина, косая сажень в плечах, под дверную перекладину ростом. Парень смущенно улыбнулся, и мне показалось, он застеснялся своего, внешнего вида.

Правильные черты лица с чуть вздернутым носом и припухшими губами, щеки густо покрывала трехсуточная щетина,

отросшая за время пребывания на гауптвахте. Выносившая норму времени солдатская шапка набекрень, замызганная шинель выше колен и видавшие виды кирзовые сапоги, - все это, на первый взгляд, рисовало довольно смешную фигуру будущего зятя.

- Значит, решили пожениться, а давно ли знаете друг друга? - спросил я.

- Уже 5 месяцев, - не раздумывая, ответил парень.

- Что ты, Лева, ужее 6, как мы дружим, - поправила дочь.

После домашней, довольно обстоятельной беседы и выяснения кое-каких житейских подробностей, мы с женой дали им добро: "Будьте счастливы, дети".

Через 5 дней окончательный выпуск, парад в ИВАТУ, регистрация брака и свадебный вечер, т.к. всего 10 дней отпущено на подготовку к отъезду к месту дальнейшей службы, в Заполярье, Амдерму. В условленное время, перед регистрацией в ЗАГСе, Левушка пришел с тремя друзьями. Бравые, один к одному, с лейтенантскими погонами ребята. Новенькое офицерское обмундирование, подобранное по ростам и комплекциям, хромовые сапоги, длинные шинели из добротного сукна, стянутые в талиях хрустящие ремни. На головах форменные авиационные фуражки с крылышками, все преображало парней, делало неузнаваемыми.

На предстоящую вечеринку Эля пригласила своих подруг. Одна из них, Люда, тут же познакомилась с одним из друзей зятя, Володей, таким же бравым лейтенантом. И так неожиданно, особенно не сговариваясь, через день, еще одна молодая пара, в сопровождении этих же друзей идет в ЗАГС. В узком кругу (Люда сирота, жила со старым дедом), молодежь в ресторане отметила еще одно событие, и вскоре разъехались, кто куда, к местам назначения или в отпуска.

Володя с Людой живут душа в душу, вырастили двух сыновей, сам закончил военную академию, вышел в старшие офицеры.

Три года пробыли Лева с Элей в Заполярье, в Амдерме, внучка Аленушка, появившаяся в это время, больше находилась с нами.

После истечения положенного времени на Севере Левушка добивается перевод в Ленинградский военный округ, поселок

Громово. Впервые в гости к дочери Эле в Ленинград полетели с супругой на самолете "Ту-104".

Всякий взлет самолетов, курсом на запад, совершается как бы над нашей автобазой. Мне представлялась возможность понаблюдать с еще небольшой высоты, за строениями и территорией автобазы и в целом города. Не успел через иллюминатор отыскать интересующий объект, как все поплыло вверх ногами. Такое впечатление, что самолет падает на крыло, а меня какая-то сила невольно усадила в кресло. Это случилось при первом взлете, в дальнейшем такого не случалось. С нами летела внучка Аленушка, которая за свои 3 год от роду, уже третий раз летела, и чувствовала себя прекрасно, не то, что ее дед.

У ребят погостили прекрасно, в течение трех недель. Впечатление о Ленинграде, городе революции, к тому же первое, - это трудно описуемое явление. Достопримечательности, которые посчастливилось посмотреть, не забудутся до конца жизни. Иссакиевский собор, Эрмитаж, Петергоф - величайшие творения русского и зарубежного искусства. Мемориальное Пискаревское кладбище с постоянно исполняющимися траурными мелодиями, с аккуратно ухоженными, зелеными могильными прямоугольниками и массой индивидуальных надгробных плит будут вечно напоминать о Ленинградской трагедии периода Великой Отечественной войны.

В городе Ленина после еще приходилось бывать трижды. Удалось посетить Петропаловскую крепость, легендарный крейсер "Аврора" и многое другое.

Лишь последнее посещение города революции оставило печально-памятный осадок. Летал хоронить зятя, Левушку, любимого мужа дочери Эли и отца внучки Аленушки.

Почти ежегодно, в отпусках, ребята гостили у нас. Так в мире и согласии, дети прожили 11 лет, но 1970-й для Эли оказался роковым, она овдовела. Левушка погиб при дорожной катастрофе, разбился на мотоцикле.

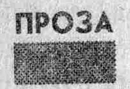
После гибели мужа и отца дочь и внучка переехали к нам в Иркутск, горе коротали вместе. За время пребывания в Ленинграде Эля заочно закончила Ленинградский фармацевтический институт пошла работать в аптеку. Аленушка училась в школе. Через полтора года Эля вышла вторично замуж, он

также военный, офицер, Минин Анатолий, и, к счастью, также добрый, как муж и как отец Аленушки.

Анатолий перевелся на Камчатку, где пробыли 4 года. За это время мы приобрели вторую внучку, Анечку. После Камчатки - Москва, зять поступил в академию имени Гагарина, Эля работает в аптеке, а старшая внучка, Аленушка, поступила в Иркутский институт иностранных языков. У них все хорошо, и нам спокойно.

(Продолжение следует)

Александр Семенов

ТАЕТ ТОНКАЯ СВЕЧА

рассказ

1.

На рассвете по колодному и гулкому небосводу проплыл слабый колокольный звон. Дон! - робко потревожила утреннюю тишину печальная медь. Дон! - донеслось чуть погодя. Антон не открывая глаз, вслушался: неужто показалось? И пережил еще несколько томительных мгновений, прежде чем заново отковалось: дон-н! - на этот раз чище, тоньше, прозрачнее. Неведомый звонарь с трудом раскачивал тяжелый язык колокола, а тот непослушно ворочался, силился сказать, как умел, на всю округу, да не мог - отвык.

Сознание у Антона было затуманено сном, как окошко апрельским морозцем. Чудом воскресшие звоны наполнили сердце, как ранний свет проталину, и оно легко приняло их за родные. И подсказало откуда они к нему явились.

Наискосок от его дома, улицу перейти, стояла белокаменная церковь. Днем шумные потоки людей и машин обтекали ее с двух сторон, как остров. Неумолчный гул тараном бил в ее крепкие стены, но одолеть не мог. И не такие невзгоды испытывала твердыня. А ночью с куполов на город снова опускалась тишина.

Теперь вот уж полвека даже шепотом не созывала она прихожан к заутрени. Немая церковь говорила напрямки с душой, кому было дадено - слышал. И в назначенный час шел к ней.

Антон подолгу простаивал у окна, разглядывая богомольный люд, не ради праздного любопытства. Понять хотел - зачем идут, что ищут? А шли все больше старые, убогие, увечные. Антон их жалел. От хорошей жизни в наше время в церковь не пойдешь. Когда сказано, недавно повторено: не бывать русскому человеку несчастным да обездоленным. Нет веры словам. Несть числа обманутым. Ну да обмануть человека просто - жить потом с ним тяжело.

Скоро Антон привык к судьбой обиженным. У них одна жизнь, у него другая. Но как-то задержал взгляд на высоком, сухопаром седобородом старике. Он торжественно и строго поднялся на паперть. Свободно и размашисто перекрестился на Лик Спаса. И столько достоинства, столько веры излучал старик, что расступились перед ним люди, пропустили к входу. Антон не сводил с него глаз. Но у самого порога углядел в его руке скачущую тросточку и разочаровался - слепой...

Сам Антон в церковь не ходил. Без надобности, а на утеху музей есть. Но может быть еще и потому, что чувствовал перед церковью какую-то смутную вину.

В студенческом общежитии проживал с ним полгода вертлявый цыганистый парень. Из института его погнали, но дел он успел натворить. Бог шельму метит. Руки у него были необыкновенно подвижны. Ртуть, а не руки. Минуту постоит рядом, а уж кажется всего тебя обшмонал. Отойдешь и карманы проверишь.

Чувство оно вообще редко подводит. Перед самым своим исключением обокрал нехристь храм. Не иначе нечистый дух помог ему пробраться в потаенную комнатку. Что увидел, то и сграбастал. Тяжелый темного серебра крест сунул под рубаху, и был таков. К вечеру он жестоко напился и ополоумел от дешевого вина. Носился по коридору, визгливо хохотал, совал крест в губы каждому встречному. Пока по шее не схлопотал, не успокоился. Антона тогда тоже бес попутал - вместе со всеми над недоумком потешался. Нет бы отнять уворованное и церкви вернуть. Все мы задним умом крепки. Столько лет прошло, а совесть гложет. Не любит Антон воров да и кто их на Руси любит?

Что было то было, того не отнять. Не отсыхают воровские руки. Не все царапины душа заживляет. Теперь вот как повер-

нулось - поселился Антон напротив церкви. Хоть и по разные стороны существуют, а на одной улице. И было странно, удивительно услышать ее, и по-детски обрадоваться: надо же, колокол звонит!

В последнее время он все чаще просыпался с нехорошим сердцем. Допоздна засиживался над рукописью, нещадно травил себя куревом и крепким кофе. Утро обычно посылало ему душераздирающие звуки: скрежет трамваев, взинчивающий нервы радиогимн, вой тревожной сигнализации. Впервые разбудила его ясная, нежная, отвычная слуху музыка. Оттого и тихая радость в сердце растворилась. Правда, чему радоваться-то - ничем ее не заслужил.

Торопливо одеваясь, Антон никак не мог взять в толк - что это за такой великий престольный праздник случился, чтоб в его честь было велено тихонько отзвонить? И в чудном таком настроении отдернул шторку и глянул в окно. В надежде увидать толпящийся у церкви народ, как это случалось на Пасху. Но церковный двор был пуст, а улица недвижна. Лишь ветер гнул тонкие ветви тополей.

Стоял тот недолгий перед восходом солнца час, когда земля еще густо окрашена синими сумерками. Но уж поверх их лег тонким слоем малиновый отсвет. Подкрасил свекольным соком пепельные стены домов, глянец оконных стекол, истертый асфальт и матово мерцающие трамвайные рельсы. Не пристал лишь к белым стенам церкви. Высоко вознеся луковицы куполов, она сама подсвечивала платиновое небо.

Антон перевел глаза на звонницу и в проеме увидал одиноко раскачивающийся колокол. Это он послал ему чуть свет звоны. Всю ночь напролет, слышно было сквозь беспокойный сон, завывал ветер, бился в окна и сотрясал крышу. А к утру управился, ослабил крепко стянутый веревкой язык.

Теперь можно было отойти от окна, да жаль полузабытой детской радости. "А зима-то кончилась", - ощущая ее сердцем, подумал Антон. Так мальчишкой ликовал он первой проплешине на огороде. В городе же и солнцепеки не такие, как в деревне. Грязный истоптанный снег на обочинах дорог не таял, а как-то съеживался незаметно глазу.

Апрель стоял на дворе, а весна все еще была девочкой: хрупкой и доверчивой. Опостылевшей зиме ничего не стоило над-

ругаться над ней. Давно ли сама она глядела невинно и осень - старая карга норовила ворваться на ее чистую половину? Впрочем, пустое хулить отжившее. И весне свой срок в непорочных девицах ходить, не раз еще попортит прическу летней красе.

Дон-н! - едва слышно уронил колокол. Ветер стих и бунтарь умолк. С последним звоном отлетела и радость. Тронула сердце печаль. Но пока была она легка, как набежавшая в полдень на солнце тучка, так далека, что и не распознать ее тайный смысл. Прижавшись лбом к холодному кресту оконной рамы, Антон смотрел на замерший колокол.

В его деревенском детстве не было других звонов, кроме рвущих сердце хриплых вскриков обрубка рельса. Церкви далеко до рождения Антона обезголосили. Да тревоги не сгинули. А по радио только на войну собирают, на таежный пожар оно не созовет народ. Во дворе сельсовета висел набатный рельс. Притягивал Антошку к себе, как магнитом. Он закоулками пробирался туда, втихаря тукал по нему железкой и близко подставлял ухо: кто-то вопил внутри лихоматом. Со всей силы вдарить было нельзя, деревню переполошишь, а слабо - не расслышать о чем гудит сталь.

У Антона заломило в висках, будто столкнулись над ним эти звоны: старый надрывный и новый певучий. Но за окном было тихо и в небе уже мягко отсвечивало золото крестов. И наливались светом узкие сквозные слухи на звоннице. Сердце сегодня не подчинялось уму, впитывало струящиеся от узорчатых стен умиротворяющие токи. Утихла боль в висках.

И вдруг вывернул из-за угла трамвай, размалеванный, как шут гороховый. Тренькнул звонком, загремел колесами по разболтанным стыкам. Грохот железа заметался по улице, отозвался нервным ознобом и разбудил странные воспоминания. Антону почудилось что незванный гость так никуда и не уехал, а спит себе на раскладушке в кухне. Тоску и смуту привнес в его жизнь этот нелепый человек. Мелькнул, оставил ни худую, ни добрую память, исчез. Ни богу свечка, ни черту кочерга.

2.

Гость постучался к Антону субботним утром. Недоумевая, кто бы это мог быть, он открыл дверь и отшатнулся. На пол одна

за другой шлепнулись две тяжелые сумки. Следом переступил порог незнакомый парень.

- Все руки оттянул, пока до тебя добрался, - радостно сообщил он. - Ну, здорово, Антон! Давно не видились!

Антон пожал ему руку, напряг память, но вспомнить не смог. Незнакомец понял это и растегнул дубленку.

- Вот, ешкин кот, неужто не признаешь? А еще земляк. Я - Юрка Касьянов, из Новотроицкого. Ну, с братом твоим еще дружки. Да мы на нижней улице, у водокачки, жили...

- А-а, - протянул Антон, но не признал. Родители из села увезли его давно, дружки двоюродного брата Кольки еще в штанах на лямках бегали.

- Отец твой ветеринаром работал, - попробовал он уточнить у Юрки.

- Ды ты что? Он всю жизнь шоферил. И это не помнишь? - обиделся тот и насупился. - Чудно, я тебя помню, а ты меня нет.

Босые ноги застыли у порога и Антон не стал объяснять, что детство ему редко вспоминается, а может быть и не пришла еще эта пора.

- Да где же тебя узнать, - успокоил он земляка. - Проходи, раздевайся.

Впрочем, этого он мог и не добавлять - Юрка уже стягивал желтые остроносые сапоги. Лицо его вроде поддавалось узнаванию: курнос, сероглаз, над выпуклым лбом нависает крупный завиток волос. Похожего мальца из Колькиной ватаги подразнивали пацаны: коровий облизунчик!

Обличьем Юрка смахивал на Касьяновых. Их в Новотроицком полсела жило. Мужики, все, как на подбор: жилисты, легки на ногу, занозисты на язык. Но при том при сем - не перекати-поле. Великие домоседы, в соседнюю деревню, к родне, лишний раз не выберутся. Как все это уживалось в них?

Сами гостить не любили, а у себя принять - с полным удовольствием. И тогда, дежись деревня, Касьяновы гулеванят! Что летом, что зимой к празднику их не хватало самой просторной избы. Выплескивалось веселье во двор и в настежь открытые ворота. Но дальше лавочки не шло, по улице не заплеталось.

Сыновья оседали рядом с отцовскими домами. Глянуть не успеешь - опять Касьяновы отстроились! - и уж бегает табунок

крепеньких, курносых, русоволосых ребятишек. В те годы никто в достатке не жил, а они все покрепче других. И коровы-то у них самые удойные, и сена до новой травы хватает, и картошка рассыпчата, и ничья чужая скотина на двор не забредет - надежно огорожены. Сепаратор и тот у Касьяновых есть, хоть и один на все семейства.

За это их в деревне кое-кто не долюбливает и за глаза куркулями зовет. В основном те, у кого даже куры бежали на касьяновские сеновалы нестись. И уж совсем мало кто решался высказать свое возмущение их зажиточностью прямо в лицо. Разве что кому кровь в голову бросится. Да и то - не успело с языка обидное словечко скатиться, глядь, у твоего носа уж гостит увесистый касьяновский кулак.

Но видать и там, в медвежьем углу, что-то стряслось. Стоял перед ним Юрка в модном джинсовом костюме, катал пальцами желтый перстенек с вензелем, лыбился во все зубы. Весь напоказ: вот я какой, рубаха-парень и душа нараспашку! Но и улыбка уже была не касьяновская, напрокат взятая да прикарманенная. Федот да не тот.

"Боится, что я его за деревенского олуха приму, напускает форсу", - понял Антон. Своим ковбойским видом он его не мог поразить. Такими Юрками теперь города под завязку заполнены. Сколько их перевидал и сколько еще повидает. Ошеломила Антона первобытная простота, но густо замешанная на вполне цивилизованной напористости. Да и сам-то чем лучше? И ему деревня только по праздникам снится.

Юрка тем временем огляделся и быстро освоился. На осмотр квартиры у него ушло меньше минуты. Комнатку и кухню на втором этаже бывшего купеческого дома Антону на время уступил приятель, подавшийся на севера.

- Скучно живешь, - оценил гость его хоромы и посыпал быстрым говорком: - С юга я возвращаюсь, к себе, на Лену, лечу, отпуск заканчивается. Я ведь тоже городской теперь, в артели вкалываю. Дома наездами бываю. Ты разве не знал? Ну ты даешь! Я всю ночь летел, тебя вспоминал, только уснешь - посадка или шамать принесли! Намотался! Дай, думаю, навещу земляка! В записнушке адрес отыскал. Так отчего скучно живешь-то? Платят мало? А братан твой мне хвастал - ты ученым заделался, в институте работаешь?

- Одному хватает, - неопределенно отвечает Антон, не желая связывать себя пустым разговором. От таких хамоватых и нахрапистых у него что-то внутри съеживалось и болело. Добрым словом их не укоротить, а тем же ответить - себе дороже. Пробовано - перепробовано.

- И сколько же тебе хватает? - не отставал гость.

- Сколько есть все мои, пока - полторы сотни. Кандидатскую защищу, стану получать больше.

- Не густо. И вас в черном теле держат, - не оценил Юрка его заработка, наверное, как следует, не вдумался. - Оно и понятно, от бумаги не откусишь. А я думаю, чего ты такой снулый. Теперь понятно - от науки, от нее проклятой. Знания, они ведь должны прибыль давать, в звонкой монете. Еще в школе об этом смикитил и занялся самообразованием. Главное знать, где сейчас хорошую деньгу платят, - захохотал он. - Ты, Антон, на меня внимания не обращай, держись свободно и раскованно. Мы с тобой перво-наперво перекусим, а потом в люди войдем. Город посмотрим, себя покажем.

Прихватил в коридоре туго набитую сумку и пошел на кухню. "Ладно, и это вытерпим, какой никакой, а земляк", - подумал Антон ему в спину и двинулся следом. Надо кормить гостя, а чем? Надо бы сразу предложить в столовку сбегать, она тут рядом. Но поздно. Юрка уже поставил на плиту чайник и задумчиво смотрел на заваленный книгами и рукописями стол. Стол у Антона был один, на все случаи жизни.

- И как у тебя голова не лопнет столько читать? Освободи мебель от макулатуры, а то поесть нельзя. Слушай, - встрепенулся вдруг Юрка, - а может, чего покрепче, чем чай? Ты как насчет выпивки? - пошел он в своих желаниях еще дальше.

- Да никак, - растерялся Антон. -Нет у меня выпивки.

- На нет и суда нет,- рассеянно отвечает гость и заглядывает в холодильник. -Так, с харчами тоже пусто. Колбаса, поди, по талонам? То-то у нас вся наука такая чахоточная, - косит на него шальной глаз и не меняя голоса заканчивает, - извини, погорячился.

И полчаса не прошло, как принесла нелегкая Юрку, а уж баламутил весь дом. Настроение у Антона портится. Надо было решить, как вести себя дальше с бесцеремонным гостем. Этак он на шею сядет.

- Схожу, воды принесу, - находит себе занятие Антон. Берет ведра и выходит во двор.

Дом этот купец еще до революции строил, а денег на водопровод пожалел. Но колонка была недалеко и в день воды больше ведра не уходило. "Ладно, сбегаю в магазин за печеньем, заварка есть, обойдемся",- успокоился он и возвратился в дом.

- Чайник вскипел? - громко спосил он Юрку и шагнул из коридора в кухню. Тот сидел у распотрошенной сумки и озабоченно смотрел на него снизу вверх.

А на столе беспорядочно теснились банки и коробки в ярких наклейках, упаковки сыра и колбасы, раскатились яблоки и апельсины. Из всей этой снеди тянула узкое горлышко бутылка коньяка. Но если что и вызвало противный сосущий холодок под ложечкой, так это - свежие тугие красные помидоры. На рынке они появлялись в июне, а попробовать их Антон решался только ближе к сентябрю. Впрочем, особо не страдал, обходился - когда в деревне раньше осени такой овощ едали?

- Картошка хоть есть? - деловито осведомился Юрка. - Жареной картошки хочу, аж в животе пищит.

- Есть, - ответил Антон, зачарованный великолепием стола и не удержался, оценил: -Богато живешь!

- Думаю, чего она мне в сумку натолкала, кирпичей, что ли? - поставил пустую сумку в угол Юрка. - Оказывается - харчей. Я, говорит, тебе на дорогу кушать положила! Ну, южаночка, ну, заботливая! Неужто поверила, что я и в самом деле одной строганиной в тайге питаюсь? Язык мой - враг мой. Ну да это все мы сейчас уговорим за милу душу. Промялся я с дороги. Ишь, авторитет мой опал, - похлопал он себя по животу.

- В холодильнике кусок шпика лежит, - сказал Антон.

- Сало, обсыпанное красным перцем, да? - ответил Юрка, - Оставь себе.

С той минуты жизнь пошла веселее. Даже картошка на сковороде шкворчала по особому - как ей Юрка велел. А сам он, закатав рукава куртки, кромсал колбасу, сыр, вспарывал банки и приговаривал:

- Ай да Ирка, ай да молодец! Цены тебе нет, женился бы, не раздумывая, да на всех не женишься!

Антон окончательно смирился с ним и полегоньку проникся ощущением праздника. У Юрки была своя, ему недоступная жизнь, и мерить ее на свой аршин не годилось. Заразу веселья распространял он вокруг.

- Кушать подано! - наконец, отступил Юрка от стола и петухом поглядел на Антона.

Оставшиеся продукты сунул в холодильник, подсел к столу и подмигнул:

- Что мы, мало зарабатываем или много кому должны. Начинаем суровую мужскую жизнь!

И странной показалась Антону его улыбка. А Юрка уж хлопнул стопку, передернул плечами: ух, коньяк! с утра! Замечательно! и подбодрил:

- Смелее, земеля! Способствует бодрости духа. А то зарылся, понимаешь ли, в книжки и жизни не видишь! Учат вас, учат газеты быть ближе к простому народу, никак не научат. Вот как ко мне, например!

Серьезно Юрка разговаривать не умел или не хотел. Подтрунивал над Антоном, будто тот еще не дорос до понимания взрослой жизни. А может быть чувствовал несовместимость: обоих хоть и одним потоком несло, но Антон подле берега скользил, а Юрка на самой стремнине барахтался.

Тут и ему в рот смешинка попала, а сознание раздвоилось. Одна его половина иронично оценивала несуразное застолье, другая с удовольствием ему предавалась.

- Прозит! - опять предложил выпить гость хозяину, опрокинул стопку и закусил улыбкой, - Чему только на юге не обучишься. Сижу в ресторане с Иринкой. Подсаживают к нам за столик иностранца. Ну я ему сразу из своего графина плеснул и тост за дружбу между народами двинул. А он в ответ: паразит! Сам ты, говорю паразит и уши у тебя соленые. Обидно за державу стало. Но тут Иринка растолковала что к чему. Ох, темнота сибирская! Хорошо хоть он по-русски ни бельмеса.

Юрка от коньяка и сытной еды размяк и подобрел, но как-то по своему.

- Квартирка у тебя неказиста, зато в самом центре. Одобряю. Ее бы в хорошие руки, отделать да обставить. Для одного лучше и не надо. А в такую и привести кого - стыдно. Женщины пошли, у мужика прибраться не могут. Что, и подружки у тебя

нет? Ну, Атоша, мы так с тобой не договаривались. Надо тебе помочь. Так уж и быть, найду я тебе дивчину, беременную, но честную.

Шутки у Юрки были с душком, но обижаться на него было бессмысленно. В огонь масла добавить.

- Не нужно мне никаких подруг, - отпугнул он Юркины фантазии, но тот лишь рассмеялся.

- Вот еще, не вдвоем же нам развлекаться. Нет, я без женского общества не могу.

Ход его мыслей Антону был не очень понятен. У него по-прежнему все еще было впереди. И девушки, и развлечения. Вот диссертацию защитит, покрепче на ноги встанет.

- Глянь, как ты живешь, - увещевал его Юрка. - Срамота. Скоро тридцать стукнет, а все холостуешь. Непорядок. Пора к семейному прибиваться. С меня пример бери - двое пацанов растут и на третьего скоро замахнусь.

- У тебя?! - изумился Антон.

- А что я, дефективный, по-твоему? Из армии пришел и обженился, чтоб по пустякам себя не растрачивать. Свою взял, новотроицкую, они у нас, девки, для жизни надежные. Заждалась меня с югов-то, подарки ей везу.

- Не понял, а Ирина тогда кто?

- Подрастешь, поймешь, - засмеялся Юрка. - Кто, кто, одна знакомая... Замнем для ясности.

Установилась неловкая тишина, чем-то ее надо было развеять и Антон спросил наобум лазаря:

- А ты давно из деревни уехал?

- И не спрашивай, - поморщился Юрка, - теперь хоть не показывайся дома. Наши любят в куче жить, со своим уставом. А я теперь будто дезертир какой. Но не я первый, дядя Федя еще раньше откочевал. Путешествует до сих пор, аж до Ямала добрался. Я к нему в гости заехал, поинтересоваться, и остался. Жену молодую скандальными телеграммами вызволял. На психику давил. Батя у меня суровый мужик, разговор у него короткий - вытянул бы вдоль спины батожком и отъездился бы. Невестку ни в какую не отпускал. Раззорялся: вам здесь жить положено! Кем положено-то?

- А что в деревне совсем невмоготу стало?

- И чего ты заладил: в деревне да в деревне, - вспылил Юрка, у нас ведь село. Новотроицкое. Ты еще хуже меня, даже этого не помнишь.

- Какая разница? - недоуменно посмотрел на него Антон.

- Большая, лапоть ты городской, - сострил он. - У нас же церковь была. В ней сейчас склад минеральных удобрений. И в кого ты только такой забывчивый? А у нас там все как было, так и есть. Каждый день одно и то же. Скучно и сам себе не принадлежишь. Мне простор нужен, размах. Чтоб схватить, рвануть на пуп, ну и получить соответственно. Стал бы я из-за полторы сотни в месяц голову мучить. Тебе эти деньги из милости платят, чтоб с голоду не помер.

У Антона были свои устоявшиеся на этот счет соображения, вроде, вполне прилично зарабатывает и спасибо, что столько дают.

- Ты, Юрка, к нам не из Объединенных Арабских Эмиратов прибыл? Где очень много и очень всего. У нас рядовой преподаватель больше не получает, - медленно говорил он, как бы со стороны оценивая свою зарплату и удивляясь ей. - Я же тебе говорил, вот защищу диссертацию, под триста подскочит. Тогда посмотрим.

- Нищета, - подытожил Юрка, - Пару вечеров в кабаке посидеть. Тут мы с тобой в разных весовых категориях. Ты все-равно не поверишь, скажи тебе, сколько я зарабатываю.

Он насытился, медленно тянул коньяк, загрызал его яблоком. Но даже не осоловел, хотя почти один бутылку прибрал. И не терял интереса к разговору. Любознательный парень. Удивляться тут нечему - касьяновская порода, те вечно в любой дырке затычка.

- Нет, отсталый ты, Антоша человек. Далась тебе эта наука. Прежде чем что-то сделать, надо хорошенько подумать, - рассуждал он, подперев подбородок кулачищем. - Денег мало, уважения с гулькин нос, хоть бы сухпаек давали. А помнишь, какой раньше почет учителям был? Учительница пока по деревне идет, устанет здороваться. А сейчас? Стою как-то у магазина, с Катькой Сенотрусовой разговариваю, с одноклассницей. Грамотешки у нее не сильно много, до восьмого дотянула и бросила, а гонору! Продавцом работает в сельпо. В ушах серьги золотые, на шее - кулон и на пальце -

печатка. Во, как у меня! - повертел он перстенек. - Тут мимо Анна Трофимовна идет. На пенсии уже, а все учит. Не кому. Эта мымра к ней поворачивается, губешку оттопыривает: зайдите, привезли, что вы просили. Меня аж в жар бросило. Я, конечно, тоже в школе поведением не отличался, но весь стыд еще не потерял. На развод оставил. Тебе, говорю, кто позволил с Анной Трофимовной так разговаривать, такая-сякая немазанная! Картошку свою наморщила и отвечает: ты на меня посмотри и на нее, до старости дожила, а новое пальто купить не может! Ну посмотрел ее с разными словами, у меня не заржавеет. И дальше пошел. Но загвоздка-то осталась. Анна Трофимовна на селе всех, от мала до велика, выучила, а о золотых сережках и не мечтает. Сезон работаю, домой поеду, в гости, привезу ей сережки в подарок. Такие, чтобы Катьку от зависти повело, - мечтает он.

Непонятный Юрка парень, не знаешь, куда его в следующую минуту занесет. Догрыз яблоко и посоветовал:

- Раз ты ученый, изобрел бы чего, глядишь, какую премию дали.

- Дали... Догнали да еще поддали, - засмеялся Антон. - Я философию изучаю, в ней и до меня много наизобретали, а изобретешь, куда бежать?

- Марксистско-ленинскую? - уточнил Юрка с умным видом. - Теперь понятно почему ты такой пришибленный. А что, на кого другого выучиться было нельзя? - и сожалеючи смотрит на него. - Да, пропащее дело, что и посоветовать, не знаю. В этой твоей философии сплошной туман. Я читал, ни черта не разобрал. В прошлом году. Прибило к нам в артель одного такого, как ты, философа. Только он совсем уже обтрепался, хотя и доктор наук. Что-то там намудрил у себя, совсем мозги запудрил себе, его и выгнали с работы. Книжки с собой привез, наверное, в свободное, от работы время читать. Через неделю они у него пылью покрылись. Он, бедолага, поначалу даже ужинать не мог, падал и до утра не шевелился. Я с одной пыль стряхнул, раскрыл и закрыл. Мура. К жизни не приспособлено. Для меня старательская артель что? Вся жизнь. Потому как сама за себя говорит - ста-арание! Как постараешься, так и получишь. Вот такую философию я признаю.

- Как в детсаде, - подначил его Антон. - День-светло, ночь-темно компот - сладкий, а водка - горькая.

- Те-те-те, - скороговоркой ответил Юрка. - Много ты понимаешь. Кто водку пьет, тому сахара не надо. Хотя откуда тебе это знать? Ты по части пития - так, любитель в полулегком весе. А я всякое повидал. Был у меня хороший товарищ, мы с ним вместе атомную станцию строили. Правда недолго, через год приспела ему белая горячка. Да как-то в миг скрутила, а здоровее меня выглядел. Но это у него на моральной почве, вообразилось ему, что он главный вредитель в стране, террорист, а станция - огромная бомба. И теперь за все, что он натворил, полагается ему смертная казнь. Ну да если не хватает, не добавишь.

Уговорили его, с моей помощью, в больницу ехать. Везу товарища в санитарной машине. Глаза у него с блюдце, меня только слегка узнает. Сидит на скамеечке, пальцами выстукивает: точка-тире, точка-ти ре. Мы с ним в армии на одной радиостанции служили. Читаю: "Братва, слушайте все, меня схватили, выручайте, передаю координаты, прием!" Вот тут-то я и сказал себе - стоп Юра, задний ход, не увлекайся. Мы с ним до того несколько месяцев через день да каждый день пили.

Серые его глаза на секунду темнеют, зрачок медленно расширяется и тут же сужается. Темный ужас плещется в них. Антону холодно от его взгляда и он думает, что таких, как Юрка, ему никогда не понять. Столько в нем жизнь понамешала, днем с огнем не разобрать - где добро, где зло. За что любить надо, а за что прочь гнать. В себе бы разобраться.

А Юрка опять посмеивался, как ни в чем ни бывало и полон был хмельных сил.

Антон устал слушать гостя, поднялся со стула и подошел к окну. День отливал янтарем: холодный и солнечный. Но с крыши уже срывалась капель, молниеносно просверкивала, гасила белое сияние церкви. Из-за плеча глянул Юрка и спросил:

- Действующая или как везде - памятник архитектуры?

- Тебе-то что? Уж не грехи ли собрался замолить? - пошутил Антон. Юрка помолчал за спиной и с растяжкой ответил:

- Не мешало бы. Предки знали что делали: покаялся и грех с плеч долой! А так таскай его всю жизнь на себе, не рюкзак, не сбросишь.

- Если бы все так просто было, согрешил, покаялся и чистенький. Концы с концами не сходятся. Что-то не спешат злодеи повиниться. А тебе какая нужда приспела?

- Что я, чурбан? Трын-трава, по пояс рубаха. У меня тут раньше никогда не болело, - показал он на грудь, - а теперь, бывает, болит. Душа, наверное. И чтобы она вся не изболелась, надобно выпить. Она тогда в сторонку отодвинется и не мешает.

- Ну и проходимец ты, Юрка! - в сердцах воскликнул Антон, уязвленный ерничаньем. Опять обвел его вокруг пальца. Что за человек? Подпустит к себе, подразнит и тут же отбежит подальше.

- Точно, - закричал он. - Проходимец и вездеход! Все насквозь пройду и нигде не забуксую!

- Ты, вроде, хотел город посмотреть, - вспомнил Антон.

- Да, что я его, не видел, что ли? Билет на самолет надо купить, в магазин зайти, - повертел он пустую бутылку.

И остановил взгляд на Антоне. Оглядел с ног до головы. Так, что тот кожей почувствовал какой у него, по сравнению с ним, затрапезный вид. Свитерок да старенькие джинсы - память о первом стройотряде. Юрка тихонько свистнул:

- Упаковать тебя надо, а то попадем в какое приличное общество. Каждому ведь не объяснишь, что ты ученый.

Антон и обидеться не успел, как он распотрошил вторую сумку, вынул черный кожаный пиджак, встряхнул, как залежалую шкуру и набросил ему на плечи.

- Тютелька в тютельку, владей, пока хозяин добрый... Пиджак ловко облегал плечи, прямил спину и, вроде, поигрывал антоновыми мускулами.

- Вперед и с песней, - скомандовал Юрка, и они вышли на улицу.

3

Днем город был отдан весне. Солнце подтапливало ледяную корку, очищенные тротуары быстро подсыхали, а запах талого снега витал в воздухе.

Антон едва поспевал за упругим шагом гостя. Он и по знакомым улицам ходил, как по родной деревне - не задумываясь. В агенстве Юрка без проволочки купил билет на завтра. Неисповедима и капризна судьба, если уж кого выберет в любимчики, то на всю жизнь.

- Ого, пора и отобедать, - глянул Юрка на часы - они у него к месту и не к месту играли чужеземный гимн, так, что прохожие оглядывались. - Тащи меня в ближайшее заведение!

- За углом пельменная, - от всей души предложил Антон.

- Если ты меня отравить хочешь, веди уж сразу в диетическую столовую, - поморщился Юрка. - Нам нужен порядочный ресторан.

Антон понятия не имел, какие у них в городе рестораны порядочные, а какие нет, и вывел его на центральную улицу. Гость оказался еще и привередой, промчался, даже не взглянув, мимо двух ресторанов и остановился у "Интуриста". Антон в нем ни разу не бывал. Но с Юркой все устраивалось само-собой. И свободные места оказались в зале, и столик им достался у самого окна, с видом на реку, и тут же подошла официантка в кружевном фартучке и утомленно спросила:

- Что будем кушать, мальчики? Комплексный обед или заказное?

- Так, - сдвинул брови Юрка и скороговоркой посыпал: - Устрицы, балычок, филе из рябчика, фрукты, шоколад, армянский коньяк, желательно...

- Шутите, мальчики, да? - проворковала официантка.

- Так я и знал, Антон Михайлович, что и здесь вкусно нас не покормят. Что поделать - провинция, - огорченно вздохнул Юрка и с удовольствием посмотрел на девушку. - Значит так, полагаюсь на ваш вкус полностью. Несите самое вкусное. Но уж коньячок, солнышко, расстарайся армянский. Ты, Антон Иванович, не возражаешь против армянского, - вдругорядь переврал он его отчество.

Официантка кокетливо поправила прическу и грациозно удалилась. Антон проводил ее изумленным взглядом и перевел глаза на Юрку:

- Ты хоть раз в жизни видел филе из рябчика?

- Рябчика видел, филе нет. Учись, пока я жив - заказ должен быть раскошен и ошеломляющ. Все равно ведь у них в меню: антрекот или люля-кебаб. Не бойся, заказывай все, что тебе в

голову придет. Если даже потом один витаминный салат закажешь, останешься уважаемым клиентом.

И опять он оказался прав. Девушка тут же вернулась. Сменила скатерть, расставила закуски, обвернула салфеткой бутылку и наполнила рюмки.

- Ну вот, умеем же. Высший класс! - подбодрил ее Юрка, не сводя глаз с румяного личика.

Девушка еще более зарделась, но не спешила уйти, с удовольствием слушала его. Юрка нес околесицу. Антон и глазом моргнуть не успел, как оказался видным ученым, а друг - крупным деятелем с севера. Спектакль он разыгрывал, как по нотам, видать, не в первый раз.

- Ну вот, так я бы и съел эту пампушечку! - брякнул напоследок Юрка и сделал жадные глаза.

У Антона похолодело в груди. Так все хорошо начиналось, надо же было испортить. Затаив дыхание, он ждал, что вот сейчас, через секунду девушка смертельно обидится и как следует отчитает наглеца. Но не дождался. Безнадежно отстал от жизни. Она еще нежнее посмотрела на Юрку и томно опустила густо накрашенные ресницы.

- Да ты не стесняйся, присаживайся с нами, - совсем обнаглел тот и наполнил еще одну рюмку.

- Что вы, мальчики, мне нельзя, - нерешительно отказывалась официантка, с удовольствием наблюдая, как уверенно вытанцовывают над столом его руки - Юрка уже салат ей накладывал. - Может быть, чуть позже...

- Позже обязательно, - подхватил он и вернул принесенную ею коробку конфет. - Угости подружек, вечером мы что-нибудь поинтереснее придумаем. Кто же на своем рабочем месте отдыхает.

И вновь угадал, и еще больше понравился.

- Кушайте, отдыхайте, - порхнула она от стола, - я в шесть освобожусь.

- Гостеприимный у вас город, мне нравится, - возвратился к Юрке его прежний голос. - Ты, Антоша, не переживай, и тебе найдем подружку, я же обещал. Об одном прошу, молчи, а то сморозишь чего по неопытности. За тебя все пиджак скажет, - и неприятно засмеялся.

Антон глянул на себя в зеркальную стенку.

- На черта похож.

- Да ладно тебе прибедняться. Ты себя еще не знаешь. Я тоже когда-то не мог оценить свои способности. Расшевели себя, узнаешь какие чертяки в тебе водятся.

Теплое солнце насквозь просвечивало кисею легких занавесей, разжигало в бутылке золотистый огонь. Антон вполуха слушал Юрку и думал - отчего такие нахрапистые нравятся девушкам? Может быть, жизнь у них неуверенная, шаткая, прислониться не к кому? А этот крепколобый симпатичный парень прямо-таки излучает надежность. Ну а если и привирает немного, так это от избытка сил и желаний. Антон как бы заново оценил его щедрую улыбку, твердый взгляд, литые плечи и готовность немедленно сделать кому-нибудь приятное.

Юрка купался в заказанном им празднике. Хмельная энергия распирала его изнутри, как бутылку шампанского. Глаза лихорадочно блестели. Одновременно он успевал делать многое: пил, ел, балагурил с соседками по столику, а в перерывах рассказывал Антону истории из своей жизни.

- Друг у меня, морячок, в Новороссийске живет, по загранкам ходит. Веселый человек, мы с ним весь Крым нынче объехали. Денег спалили! Это он меня с Иринкой познакомил. Ну та, которая как знала, что я к тебе заеду, целую сумку продуктов собрала. Пропились мы с ним в дым. Хорошо что билет на обратную дорогу заранее купил. Завтра лететь, а он мне говорит: у меня сегодня подружка из круиза прибывает. И тащит меня в порт. Интригует - там такие девочки! Иностранцев обслуживают! Лайнер уже у причала стоит, поднимаемся по трапу, идем. Я раньше думал, что у нас таких кораблей нет. Роскошь на каждом шагу, - Юрка замолкает и, похоже, на целую секунду улетает в мыслях на Черное море.

- Вдруг вижу, в коридоре стоит мадам, - он ищет глазами в зале, с кем бы сравнить, не находит и переворачивает вверх ножкой пустую рюмку. - Во, такая же талия! Ну я про все забыл и к ней напрямки. Костя меня за локоть придержал - мол, куда ты, еще не пришли. К ней? Да ты что, она тут полы моет. Так, с вывернутой шеей, провел меня мимо уборщицы. Входим в каюту. Сидят три девчонки. Я таких еще не видел, а ты и подавно. Ноги растут от плеч, коленки светятся. Столбняк напал и к стенке приставил. Стою, молчу. Они повскакивали, окружили, щебечут. Тут Костя меня представляет. А я глазам своим не верю и еле себя сдерживаю, чтобы их не потрогать.

Антон верит и не верит, смеется, но Юрка на его веселье не обращает ровно никакого внимания. Сам себе рассказывает. - Улучил минуту, шепчу Косте - какая моя-то? Да от жуткого волнения перестарался. Девчонки как захохочут. Конфуз. Костя открытым текстом - любая, кроме моей! Легко сказать, попробуй выбери. Что одна, что другая ослепительно хороши. Вижу, тянет ладошку, как первоклассница, ближняя ко мне: можно я! Цап ее за руку. Вглядеся - самая красивая! Но тут все засобирались, ушли, а мы остались. Тут и я приободрился, руки распустил. Да не тут-то было - хлоп по пальцам! Ишь, прыткий какой! О, говорю, какие вы гордые, даже не верится!

Юрка увлекся воспоминаниями, то сгущает, то утоньшает голос. У него получается, как пить дать, участвовал в школьной самодеятельности.

- Жить, сибирячок, будем у меня, а в каком ресторане вечер проведем? В каком, в каком, - поскучнел я. И вслух говорю: эх, Костя, друг мой ситный, не мог предупредить, я бы одним кефиром питался, придется билет на самолет сдавать, пешком домой пойду. Поехали в агенство! Это успеется, отвечает, не переживай. Тонко улыбнулась, бровкой повела, по-иностранному что-то сказала. После я узнал что - не в деньгах счастье. И вынимает из подушки целлофановый пакет, в каких крупу продают, набитый деньгами. Возьми кошелек, за все должен платить мужчина! Знаешь, я многое чего повидал, но такого еще со мной не было. Чтобы баба меня на содержание взяла. Однако, превозмог себя, отступать поздно. Ладно, думаю, сквитаемся. Мешок по кличке кошелек беру под мышку, пошли. Таксист всю дорогу косился. Приезжаем в ресторан...

Юрка морщится, скучным взглядом обводит полупустой зал, не отвечает на улыбку официантки и огорченно вздыхает:

- Живут же люди. Швейцар за стеклянной дверью рот разевает мол, проваливайте. Видел бы ты, что с ним стало, когда он червонец увидал. Иринка ему на руки шубейку стряхнула, он ее бегом отнес и за моей курткой вернулся. Дикие нравы...

Антон давно так не смеялся.

- Хватит, уморил, - стонет он, уткнув лицо в ладони. - Талант пропадает, вруши! - и видит сквозь пальцы, как сочувственно смотрит на него Юрка и терпеливо ждет, когда можно будет продолжить.

- Ты силы побереги, - советует он Антону. - Дальше еще чуднее будет. Встречает нас официант во фраке. С поклоном усаживает за столик. Там так, если сумел пройти, значит достоин уважения. Иринка заказ делает - ни одного слова по-русски. Сижу с кошельком на коленях, ни бельмеса не понимаю, но вид делаю. Наконец, перестала она шурум-бурум говорить и ко мне поворачивается: "А ты, лапушка, что пить будешь?" Перед тем мы с Костей три дня на чаю, думаю - чего бы побольше и подешевле. Водки! Она - сколько водки? Я и так уже ошалел от всего, а тут еще этот, черный, как грач, навис над головой, мешает. И брякнул я от волнения: флакон! Язык прикусил, не у себя в вагончике с корешами сижу, да поздно. Но у нее, я тебе скажу, выдержка! И ухом не повела, отчеканила официанту: "Флакон водки, пожалуйста!"

Жду, сейчас официант хихикнет, глаз не поднимаю. Но и у того выдержка! Выпрямился, удалился. Молчу, лопух несчастный. Стол разглядываю, как двоечник парту. Хрусталь, серебро, цветы, скатерть белая... Вспомнил еще, что руки не помыл. Глядь, плывет наш черный лебедь, на крыле - поднос. Долго-долго выставляет на стол кушанья... до сих пор не знаю, что ел... а напоследок вытягивает из ведерка со льдом, - Юрка замолкает и наслаждается паузой, смакуя пережитое.

- Флакон! - вскрикивает он. - Большой, квадратный, граненый! Откуда же мне было знать, что я в точку угадал. Иринка меня потом раза три заставляла пересказывать, хохотала до колик, вот как ты. Пью водку, а она себе рюмку французского коньяка заказала. А стопка у меня - серебряный наперсток, хотел еще его в карман сунуть, чтобы таким, как ты, неверующим, показывать да забыл. С ней про все забудешь. Увлекся я, наперсток за наперстком и выпил весь флакон. И ни в одном глазу. Смотрю, Иринка с интересом за мной наблюдает и я ей нравлюсь. Тут дошло до меня - а чего это я распился? Будто из тайги вчера вышел. Другие интересы есть в жизни. Она все поняла по моим глазам, манит официанта пальчиком. Я кошелек на стол выворачиваю, уже не боюсь скатерку запачкать, расплачиваюсь.

Едем к ней. Опять таксист косится. А Иринка в плечо мурлыкает: ни разу в Сибири не была, медведей не видела, таких, как ты, не встречала. В общем, сплошные шуры-муры. Между прочим, девка она грамотная, институт по языкам заканчива-

ла. За границей где только не была. Но и я лыком не шит. Вдруг она таксисту велит притормозить и обождать. Выходим, вижу - церковь стоит.

Входим. Красиво. Свечи горят. Люди молятся.Я и не знал что у нас столько верующих осталось. Чувствую, уже кто-то в затылок дышит. Э! - думаю - мы так, товарищи прихожане, не договаривались. Оборачиваюсь - цыганка глаз не сводит с моего кошелька. "Что, - говорю, дочь степей, теперь и по храмам гадают?" И пятерку ей за пазуху. Зашуршала юбками. Ищу глазами Иринку, а она уже под иконами свечку пристраивает. Молится, не молится - издали не разберешь.

Неделю у нее жил. Жрица любви! Угорел я с ней, но вовремя сообразил и задний ход дал. Не люблю, когда меня бабы на свои поят-кормят. Деньги эти шальные. Спрашиваю: где столько нашалила? Хохочет. Независимая женщина, у такой разве правды добьешься?

Антон давно уже не смеется. Понимает, что такое не выдумаешь. И в глаза Юрке старается не смотреть. Вроде, в щелку за ним подсматривал.

А Юрка уже кричит веселым голосом через весь зал:

- Натали-и! - и когда только имя успел узнать.

Пока официантка идет к нам, плавно огибая столики, говорит неожиданно трезво и жестко:

- Рассчитываемся и дальше. Дело тут у меня еще есть, срочное.

Обещает Наташе встретить ее с подругой вечером, у ресторана. Напрашивается в буфет за конфетами и вином, и возвращается с тяжелой сумкой.

4.

На набережной холодно и свежо. Ветру на реке привольно, напролет проскакивает город. Антон жадно вдыхает пьянящий воздух и чувствует боль в висках. Хочется тишины и покоя. Суматошный выдался день. Сейчас бы домой, но у Юрки еще какое-то дело завелось. Одного не оставишь. Гость замечает его кислое настроение:

- Я только разошелся, а ты уже хандришь. Мы так с тобой не договаривались. Сейчас быстренько съездим в одно место, а потом заберем девушек и к тебе.

- Может, оставим эту затею? - слабо отбивается Антон. Ему не хочется ни есть, ни пить, ни встречать девушек, ничего не хочется.

- Вареный ты какой-то, - сердится Юрка. - Случилось что? Так я помогу!

- Ты мне не помощник. Защита срывается. Главную работу сделал, так по мелочам кое-что осталось, и вдрызг рассорился с руководителем, - сам того не ожидая, выдает Антон то, о чем подспудно думал все это время.

- Мне бы твои проблемы, - отмахивается Юрка, но лениво спрашивает: - По идейным соображениям? Так ты парень вроде смирный.

Рассказывать - не рассказывать? - колеблется Антон, но недолго, коньяк размягчил его и сделал податливым.

- Глупее не придумаешь. У этого профессора я в любимых учениках ходил. Он меня на кафедре оставил и с кандидатской помог. Короче, осталось только на его дочке жениться. И надо же, из-за чепухи поссорились. Да я сам во всем виноват. Мужик-то он не зловредный, тоже из простых в люди выбился. Еще институт Красной профессуры заканчивал, был в тридцатых годах такой. Но, понимаешь, есть у него речевая странность. Вместо "чревато" всегда говорит "чирьевато". "Это, молодой человек, чирьевато ошибкой!" Студентом я по наивности думал, что это у него юмор такой народный. Ну, шутит он так. Потом только сообразил что к чему, да поздно было. И черт меня дернул за язык поправить его. Старик вспыхнул, замкнулся и даже здороваться перестал.

Юрка сгибается в три погибели, хлопает себя по коленям, приседает у парапета, давится смехом:

- О-о. У-у. А-а, я-то думал у тебя с юмором неладно. А ты хохмач почище меня.

- Нашел время смеяться, - огорчается Антон. -У меня, можно сказать, жизнь рушится...

- Все, конец света, - обрывает смех Юрка. - Выгонят из института, я тебя в артель устрою. Заживешь по-человечески.

- Нет, зарубит он мне диссертацию, найдет к чему прикопаться, - думает вслух Антон.

- Да что он, враг себе? У вас же тоже, поди, есть план по выпечке кандидатов. Государство у нас плановое. Так он от тебя и откажется. Тоже, может, сидит, мучается. Но тебе надо помочь. Как он не против коньячка? Употребляет или это ему уже чирьевато?

- Ты в своем уме?!- шарахается Антон. -И не думай! Это же профессор!

- А по мне хоть академик, называй номер телефона и как его по батюшке, а то раздумаю!

- Петр Федорович, - отвечает Антон и с тоской представляет, что за всем этим последует. Но Юрку уже не остановить.

Он ныряет в телефонную будку, накручивает диск и с минуту с кем-то разговаривает - за стеклом не слышно. Но выходит с серьезным выражением лица.

- Ну вот, а ты боялся, пошли в гости!

- Куда?

- К Петру Федоровичу, куда же еще? В моем возрасте, говорит, чревато последствиями в гости ходить, а ко мне пожалуйте, милости просим.

- Что ты ему наплел? - с предчувствием непоправимого шепчет Антон. - Теперь все, не видать мне защиты. Связался с тобой на свою голову.

- Я за язык его не тянул. Раскинь мозгами, зачем ему нас в гости звать, если он с тобой помириться не хочет? Заинтересовал я его.

- Бутылкой, что-ли? - схватился за голову Антон.

- И бутылкой тоже, ты же не догадаешься старику поставить. Он похихикал и говорит: "Ну, заходите, раз у вас день рождения".

- Это-то зачем приплел?

- Тебе пока растолкуешь, взмокнешь. Пошли побыстрее, и не рассиживайся, а то девчонок прокараулим.

До профессорского дома по набережной пять минут ходьбы. Юрка уверенно жмет кнопку звонка и дверь открывает сам хозяин.

- Вот живет уважаемый в городе человек, а таблички на двери нет. И некому о нем побеспокоиться. А так, Петр Федорович, представляете, - по бронзе чернью, и все идут, читают, - вместо приветствия говорит Юрка.

Петр Федорович изумленно глядит на него и в замешательстве шаг за шагом отступает в прихожую. Антона от Юркиных выходок уже мелкая дрожь бьет. Но профессор уже оправился от растерянности:

- Да я и сам, признаться, подумывал об этом Юрий, я правильно запомнил ваше имя? Но как-то не принято теперь, - говорит он ему и приглашает раздеваться.

- А жаль, - в тон ему отвечает Юрка. - У себя на работе я бы вам ее в два счета сварганил.

- Простите, а где вы работаете?

- Как вам объяснить: тайга, ручьи, драгметалл, - высвобождая себя из дубленки, отвечает Юрка. - Самые обычные профессии, но каждый в артели умелец. Делают все: от гвоздя до пулемета. Кстати, к вашей науке отношусь с полным уважением. Жизнь ведь сплошная философия. Спасибо вот Антону, дал ваши работы почитать. Знаете, очень интересно.

Петр Фледорович с одобрением смотрит на гостей. И Антон понимает, что старик и в самом деле переживал, мучился и рад его видеть, хоть и виду не показывает. Вот только Юрка бы не сорвался: мало того, что врет напропалую, так еще и умничает. Это ему не официантке мозги пудрить, опозориться недолго.

Но из гостиной выплывет жена Петра Федоровича и Юрка устремляется к ней. Церемнно наклоняет голову и припадает к руке. Этому-то где он научился? Глазом не моргнув, принимает поздравления. Вынимает корбку конфет и бутылку вина. И тут же вызывается помочь собрать стол. Мило шутит и, по оживленному разговору на кухне похоже, что он совсем очаровал женщину.

Антону ничего не остается, как беседовать с профессором, и оба делают вид, что ничего не произошло. Юрка стремительно завоевывает интеллигентное семейство. "Чертовщина какая-то, так не бывает, - мрачно думает Антон. - Что они в нем находят? Ущипнуть себя, что ли? Еще час назад и помыслить не мог, что окажусь здесь и помирюсь с Петром Федоровичем".

За столом Юрка сияет, как именинник. Расточает комплименты, произносит тосты, наполняет рюмки - в общем, руководит застольем. Из ничего сотворил праздник. Ему, похоже, понравилось гостить у профессора, ни разу еще не глянул на часы. Не тянет его и на научные разговоры - это расслабило Антона и он перестал подстраховывать Юрку. И тут он послал

в адрес Петра Федоровича невесть откуда попавшую ему в голову фразу: "Человечество двигается вперед гениями. А как заметил старик Эйнштейн, гениальность есть один из так называемых вторичных половых признаков мужчины. Не при даме будет сказано".

Петрв Федорович хохотнул и с удовольствием за это выпил. А после вспомнил:

- Да, и сколько же вам, Юрий, исполнилось лет?

- Двадцать пять, так сказать четверть века, - скромно ответил тот. - Но это если мерить жизнь установленным сроком. А на самом деле, может, уже пройдена половина пути? А то и вовсе близок край. Человек предполагает, а Бог располагает.

- Ого! - удивился профессор. - Целая философия. Вот, Антон, - повернулся он к нему, - к чему ведет отрыв от народа. Сидим по библиотекам, зарылись в книги, а жизнь вот она, течет. Я всегда вам говорил - надо быть ближе к простым людям.

- Все дело, наверное, в том, что чем больше творим мы несчастий, тем больше ужимается наша жизнь, - понес ободренный Юрка. - У меня образования не хватает додумать эту мысль, а надо бы...

Антон понял, что сегодня здорово переборщил с выпивкой. Не мог Юрка так изъясняться. Ничего он, проходимец, не читал, не изучал, нахватался у заезжих докторов наук.

- Знаете, Юрий, а вы правы, - соглашается с ним порозовевший Петр Федорович. - Даже малое нарушение морали необратимо действует на организм человека. Где-то на молекулярном уровне. Не стоит делать плохо, ради минутного удовольствия. Себе дороже.

Так, так - кивает головой Юрка. Антон разозлился. Его не покидало чувство, что его заставили смотреть дурно сыгранный спектакль. Сидят двое за столом и самозабвенно врут друг дружке. Причем, оба понимают это, но остановиться не могут. И тот и другой без креста на шее, за каждым тьма грехов. Про них они и думать забыли, и завтра снова грешить начнут, а пока страдают за все человечество разом.

- Вы, Юра, лучше нас. Вот за такое поколение мы столько страдали и боролись. Во имя светлого будущего. Какая молодежь растет, - бормочет Петр Федорович. Довел его Юрка до ручки.

Минуло три часа, как они попали к профессору, а Юрка так и не вспомнил о своем деле, о встрече, обещанной девчонкам. Антон не напоминал - авось пронесет его новые затеи. Скоро ночь на дворе.

И все-таки черт таился в Юрке весь вечер и, наконец, выглянул. Он дослушал Петра Федоровича, покосился на Антона и начал:

- Знавал я одного фарцовщика, по кличке Негритос. Он у гостиниц работает. Ну и как водится, все у него есть: машина, дача, деньги, разные шмотки. Но вот странный человек, страдает от того, что не иностранец. Пока трезвый, молчит, а как захмелеет, не может сдержаться, чтобы не помечтать. Объясняет своим подручным: "Я согласен и на негра. Пусть, только бы передо мной швейцар двери распахивал. И кланялся - плиз, сэр! А вы, мелочь пузатая, въетесь вокруг, тряпки выпрашиваете. А я, ноль внимания, фунт презрения. Пшли вон! Или смилостивлюсь и продам вам штаны, изношенные на ранчо". Его уж сколько раз колотили за это, и кличку дали, а ему все неймется. Перетерпит, снова да ладом. Ну как, Петр Федорович, с таким да в светлое будущее?

Профессор молчит и долго смотрит на Юрку - такой милый, пристойный вечер, ну зачем же портить праздник.

- Ну вы-то, Юрий, умный человек. Понимаете какая это испорченная молодежь. И нам с нею не по пути. Ее перевоспитывать надо, в деревню послать, землю пахать. Это же черт знает что такое - Негритос?! - морщит он гладкое лицо.

В половине десятого Юрка вдруг вспомнил о деле. Заторопился, сообщил, что ему завтра в раннюю дорогу. И как должное принял в подарок дорогую книгу. И обещал обязательно заглядывать, когда будет в городе. От его милостей и Антону перепало. Петр Федорович задержал его руку в своей и долго сообщал, что, на его взгляд, диссертация состоялась.

На улице Антон восхищенно сказал Юрке:

- Надо же, все устроилось, а я сомневался. Зачем ты только про день рождения соврал.

- А может быть, я сегодня в самом деле именинник? Я же тебе паспорт не показывал. Все из-за тебя. Девушки обиделись, ну да что теперь. Надо ехать.

Верить ему было нельзя - с три короба наплетет. Антон хотел рассмеяться, но спохватился и осторожно спросил:

- Зачем ехать, пешком до дома дойдем.

- Ты мне своим профессором всю голову заморочил. Мне позарез надо на кладбище попасть.

- Какое кладбище ночью, - охрип Антон.

- Ночь-полночь, а ехать надо. У меня бабка тут похоронена. Дядька, который до Ямала докочевал, ее сюда привез нянчиться, а она умерла. Здесь и похоронили. С тех пор, наверное, никто и на могиле-то не бывал. Я сам только на похороны приезжал. Надоело в письмах врать родственникам. Они думают, если я ближе всех живу, мне и ухаживать? Ближний свет - полтысячи километров. Помянуть надо бабку, она мне вместо матери была. Все, поехали!

- Да кто же нас в такое время на кладбище повезет, за город? - попробовал он в последний раз отговорить Юрку. Но тот и слушать не хотел. Голосовал каждой проезжавшей мимо машине. И договорился-таки с водителем такси.

- Спасибо много, а трешка в самый раз, - пошутил молодой таксист. Ему и в голову не пришло поинтересоваться, какая нужда гонит их в ночь на кладбище.

Машина понеслась по исчеркянным, как доска мелом, улицам города. Выпуталась из паутины света и разом окунулась в темноту. Прорезав ее дальними фарами, полетела кольцевой дорогой, свернула на проселок, сбавила ход и осторожно подкатила к воротам погоста.

5.

Узкие лучи фар с разбега уперлись в высокий деревянный забор и он глянул в ответ желтыми совиными зрачками. А когда погасли и глаза обвыкли во тьме, показалось - над кладбищем мерцает призрачный рассеянный свет. Луна ли всходила по обратному склону пологой горы. Или недалекий город, опаленный электричеством, отсвечивал. Так или иначе - не мрак кромешный.

Тихо и пустынно было вокруг. Юрка подошел к кладбищенским воротам, но они оказались крепко запертыми. С досады он саданул по ним кулаком. Гулкий металлический звук отлетел за забор и вернулся потусторонним эхом. На старом, закрытом кладбище теперь хоронили редко, и сторожей не было.

- Не пускают! - свирепо сказал Юрка - привык, что перед ним все двери нараспашку. - Покойников-то чего от людей охранять. Будем дыру в заборе искать!

И пошел вдоль нескончаемой череды плотно пригнанных досок. Антон понуро брел сзади, стараясь ступать след в след и не думать, что скрывается за этим высоким забором. Протяжно хрустел под ногами снег, шуршали сухие кусты татарника. Хмель из головы улетучился и навалилась слабость. "Нет тут никакой дыры", - сказал он себе и едва не уткнулся Юрке в спину. Тот резко остановился и озабоченно произнес:

- Ну хватит, так мы за горизонт уйдем. Полезли через ограду. Подсадил Антона и сам вскарабкался на забор. Разом спрыгнули, провалились по колено в затвердевший сугроб, огляделись. Сердце замирало от вида печальной земли, тесно заставленной крестами и пирамидками.

- Лишку дали, придется возвращаться. Бабушка ближе к воротам схоронена, - шепотом сказал Юрка.

Там, где они стояли, кладбище уже освобождалось от памятных знаков. Меж стертых, заросших дикой травой холмиков лежали истлевшие кресты, а те, что еще стояли, кланялись на разные стороны.

Стараясь не ступать по ним, вышли на оплывшую снегом дорожку и двинулись назад. Туда, где ворота преграждали живым путь к мертвым. Ряды одинаковых могилок, огороженные похожими оградками, сливались в темноте в одно сплошное неровное поле. Юрка поминутно сворачивал то к одной, то к другой могиле, пристально вглядывался в надгробие и шел дальше. Так они долго бродили замысловатыми зигзагами. Антон уже из сил выбивался кружится по кладбищу.

Под конец и Юрка потерял выдержку, затравленно озирался, бегал от могилы к могиле. Наваливался грудью на оградку, на секунду замирал и, отпрянув, кидался к следующей.

- Все, потерял, не могу найти, - отчаявшись, сказал он. - Сердцем чую, тут она, рядом, лежит моя бабка.

На него было жалко смотреть. Ночь до неузнавания исказила его лицо. Даже ростом, казалось, меньше стал. Сутулился у чьей-то могилки. За оградкой виднелась плита из мраморной крошки. В нее была вправлена овальная рамка, но на размытой фотографии нельзя было рассмотреть кто изображен - мужчина или женщина? И мелкими буковками надпись пряталась в густой тени. Высокий тополь простирал над этой могилой голые руки, прикрывал сверху. Впритирку к оградке стояла деревянная скамечка. Юрка присел на нее и снял с плеча сумку.

- Ну, что делать-то будем? - выдавил он из себя. - Может, так помянем, заочно? - и, Антону показалось, - закашлялся.

Судорожно вздохнул, уронил лицо в ладони и стал монотонно раскачиваться.

Он или не умел, или уже разучился плакать. Комкал всхлипы в горле и только мучил себя - не шел плач. Шапка слетела с его головы, упала под ноги. Антон поднял ее и держал в руках, не зная как к нему подступиться. Юрка дергался, качался и глухо выл. Впору и самому Антону было завыть.

Но только отступил в сторонку и прижался спиной к оградке. На Юрку старался не смотреть. За горой все пыталась и не могла всплыть яркая луна. Старый зернистый снег поддерживал над землей тусклое свечение. Невдалеке таинствено белела в ночи рощица тонких телом берез. А над ней слезились чистые холодные звезды. Антон запрокинул к ним голову, и глаза наполнились слезами.

Вспомнился забытый майский день. Мягкая полевая дорога, ведущая на деревенское кладбище. Подтаявшие на солнце конфеты, оставленные на могилах в родительский день. Перепачканные шоколадом рты ребятишек и свои коричневые липкие пальцы. Как, спрятав руки за спину, подходил к дедовой могиле, и посмотрел на нее, запомнил. Еще не зная, что скоро родители навсегда увезут его из села. А потом несся на велосипеде обратно, боясь оглянуться назад. Страшно было, что съел чужие конфеты. Но страхи растаяли под ласковыми, спасительными словами бабушки: то не грех - помянуть усопших.

Холодом опахнуло сердце - без него похоронили бабушку в чужом городе, без него отплакали. До сих пор до нее не доехал. Не попращавшись живет. Сами пришли слова и он, как заклинание, повторял: бабушка, родненькая, прости за то, что не знаю, где твоя могилка!

Что за мука знать, что порознь лежат дед и бабка. Что за мука плакать у чужой могилы. Никакого родительского дня не хватить побывать у них. По всей земле рассеяны наши могилы. Что стряслось? Какая долгая ликая година настала для русского человека? Ну да от беды не зажмуришься, ищи силы смотреть.

Юрка перестал качаться и позвал осипшим голосом:

- Иди, помянем мою бабку. Царство ей небесное. Хорошая она была... Где-то тут лежит...

Его ли слезы непролитые, свои ли породили гнетущую тоску, а только застонала душа. Так застонала, что Атон страстно поверил - плач его будет услышан и родной человек простит его. А прощенный будет спасен.

Не отплачешься, не полегчает. Антон молча отер глаза и сел рядом с Юркой.

- И тебе поплакать негде, - безучастно сказал он. - Не я, значит, один такой забывчивый. Глотни вина, может отмякнет. Антон отпил глоток, и ледяное вино помогло услышать частые призывные гудки. Таксист ждал. Идти надо было, а кладбище не отпускало. Легкий ветер летал над могилами, шелестел пожухлыми цветами. Складывал чуть слышные слова: не плачь и не бойся, я с тобой.

Такси стремглав помчалось в город. Антон сидел бок о бок с Юркой. Оба молчали. Смотрели, как надвигается на них багровое облако света. И понять не могли, отчего вино сближало, а слезы вот разъединили. Живых дальше относит друг от друга, чем мертвых.

Возле белой церкви остановилась машина. Они расплатились и вышли. И дома сразу легли спать. А утром, наскоро попращавшись, стыдясь посмотреть друг другу в глаза, расстались.

6.

Всего неделя прошла с того дня, а не успокоилась душа, болит, чуть тронь. Антон, не отрываясь смотрел на белую церковь. Белое унимало боль. Утро разгулялось, колокол отзвонил, улица чеканила привычные звуки. Ничто, даже звон, не исчезает бесследно, - думалось ему. Как осталось во мне тепло бабушкиной руки, свет ее любящих глаз. И молитва, которую она тихонько шептала перед сном: "Царица моя, преблагая, надежда моя, Богородица, Защитница сирым и странным..."

Сердце питает тепло всех тех, кого помнишь и любишь. И тех, чьи имена затеряны во тьмах поколений, но какое не назови - все родное. Это их бесконечная любовь и доброта, их страстные молитвы хранят нас. И нами передаются детям. Не оттого ли так жадно они льнут к нашей груди, что спешат напитаться этим теплом. Ждут их студеные времена.

С тревожным беспокойством провожал Антон взглядом людей, спешащих в церковь. Вот слепой старик неторопливо пересчитал палочкой ступени паперти. Опустел двор и одиноко стало сердцу. Антон отошел от окна, но был не в силах избавиться от смятения. И тут сильный горячий толчок в сердце, посланный свыше, позвал - иди.

Лик Спаса над входом в храм глянул строго и скорбно. Антон осторожно переступил порог и прошел в дальний угол, купил у старушки свечу. Высокий круглый подсвечник ослепил глаза, и показалось, что для его свечки нет места. Но чьи-то женские руки заботливо убрали огарок.

В печальном забытье смотрел Антон на трепетное пламя, поминал бабушку. По рассказам родных, умирала она в беспамятстве. Но на последнем вздохе выкатилась из ее глаз одинокая слеза и застыла на щеке. Что она видела в тот прощальный миг, того ли, кто склонялся над нею или кого хотела? Жжет, терзает горючая слеза. Не в ней ли ответ таится - наперед знала, как все будет? Горько, тоскливо.

В груди у Антона теплеет от пламени тонкой свечи и в эти минуты отчаянно верится: нет, не одинок, не беззащитен он на этом свете. И в радостях, и в печалях отмечают его путь те, кто всегда следит за ним из недоступной дали. Это их бессмертные души вьются над головой в любви и тревоге. Оберегают, наставляют, ведут по жизни дальше. И он следует за ними, как в детстве, крепко вцепившись в бабушкин подол. Будь цепкой, слабая рука. Ведомый родными поводырями, иду я к добру и свету. Дай Бог сил душевных дойти. Подмога тому - слеза последняя, слеза печальная.

"...обидимым Покровительница, погибающим спасение и всем скорбящим утешение, видишь мою скорбь и тоску. Помоги мне, немощному, укрепи меня страждущего. Обиды и горести знаешь Ты мои, разреши их..." - раздается рядом страстный шепот. Замерло и сжалось сердце. Кто-то молился бабушкиной молитвой.

Обернулся Антон, но вокруг столько людей наедине с Богом. И те, кто ближе, молчат. Поминальная свеча горела ярко, ровно, незаметно глазу срывалась огненная невесомая плоть, уходила под купол. Туда, куда и душа стремится. Серебряный звон наполнял храм - небеса вернули его на колокольню, а оттуда стек он к людям.

Долго, нет ли стоял Антон, склонив голову. Вспоминал и забывал себя, слушал: "...простри руку Свою надо мною, ибо не на кого мне надеяться, только ты Одна защитница у меня..."

Уходя, оглянулся - свеча под иконами истаяла наполовину.

А.Селянинов

ТАЙНАЯ СИЛА МАСОНСТВА(*)

YI.

Масоны высших степеней воображают, что они стоят во главе всего масонства и что знают цель его деятельности. В действительности же они знают лишь одну из частных целей его [1], т.е. ту, достичь которую необходимо предварительно в той или иной стране для того, чтобы осуществить общий план, который известен только руководящей силе. Частные цели изменяются во времени и пространстве и отличаются друг от друга в зависимости от страны, ибо масонство не повсюду располагает одинаковыми средствами, а также не везде встречаются для него одинаковые условия деятельности.

Если по масонской терминологии масонство высших степеней помещается в храме, то в таком случае можно сказать, что невидимое международное главенствующее масонство находится в подземном склепе. Члены его уже посвящены во многое из того, что скрыто от "синего" масонства и от масонства высших степеней. Они уже заражены гордыней и жаждой власти в ожидании, что получат эту власть для себя лично во имя т.н. "свободы мысли". В последнем они также сами обмануты, как в свою очередь обманывают рабочих, толкая их на социализацию всякой частной собственности. "Все богатства и все отрасли труда должны принадлежать государству", твердят по масонской подсказке рабочие, воображая, что это обладающее всем государство составят именно они и не подозревая, что "государством" становится все определеннее та скрытая сила, которая обманывает и их, и тех, кто ведет их"[2]

(*) Продолжение. Начало см. "Сибирь" № 4, 1993 г.

(1) В данный момент - уничтожение Христианской Церкви.

(2) Копен-Альбанселли. Оккультная власть против Франции, стр.276.

В то время как в обоих низших масонствах адепты обязаны пройти всю лестницу установленной иерархии, главенствующее невидимое масонство пополняется не только масонами тридцать третьей степени, но и всеми группами масонства высших степеней, а может быть даже и вне их в исключительных случаях.

Собственно, сколько масонских групп стоят друг над другом, нам безразлично, ибо несколько этажей больше или меньше ни в чем не изменит общую архитектуру всего здания; к тому же число этих групп изменяется по обстоятельствам.

Передача же влияний из невидимого масонства в видимое производится тем же способом, как это делается в низшем масонстве, т.е. посредством того, что члены главенствующих тайных групп входят в то же время в оба низшие масонства, причем там никто этого не подозревает.

После двух лет пребывания Копена-Альбанселли в степени розенкрейцера, один масон (бр.(*) Амиабль), назначив ему свидание с глазу на глаз, обратился к нему со следующими словами: "Вы теперь видите, каким могуществом обладает масонство. Можно смело сказать, что Франция в наших руках. И это не по причине нашей многочисленности, ибо масонов во Франции всего 25000 человек. Также не потому, что мы цвет интеллигенции, ибо нам самим пришлось убедиться в низком уровне развития большинства масонов. Мы держим Францию в руках только благодаря одной причине: мы организованны. Мы преследуем определенную цель; этой цели никто не знает, а раз ее не знают, то и не могут ей препятствовать, а раз ей не препятствуют, то дорога пред нами открыта. Теперь, что бы вы сказали о таком обществе, которое состояло бы не из 2500 человек, а лишь из одной тысячи, но при этом тысяча эта была бы избрана следующим образом: ни один из членов не был бы принят раньше, чем его не изучили, наблюдали, испытали не только в течении нескольких недель, или даже месяцев, а нескольких лет, и притом совершенно без его ведома; ему создают разные препятствия в нравственном, умственном и даже в материальном отношении, причем он не может даже подозревать, откуда сыпятся на него все эти затруднения и неудачи. Не зная, что его испытывают, человек свободно выказывает свои способности, свое умение выпутаться из беды, свою ловкость, твердость, разум, энергию. Т.о., ценность человека узнается наверняка, и в тот день, когда увидят, что среди наблюдаемых нашелся человек, достойный участвовать среди тысячи избранных, можно быть заранее уверенным, что у него с этой тысячью будет одна рука, одна голова, одно сердце"[1].

Из этих чрезвычайно характерных для масона слов достаточно видно, что при подобной системе каждый из масонов будет стоять на своем месте. В этом их секрет, а у противников их весьма часто люди наименее достойные или способные занимают первые места.

В масонстве не брезгают ничем, стараясь использовать даже самые отвратительные человеческие наклонности. Так, напр., существует несколько сатанинских масонских обществ, исповедующих культ люцифера. Там поклоняются сатане и фанатизированы беспредельной ненавистью к христианству. Работа

---

1. "Оккультная сила", стр. 284, 285.

идет уже не "во славу Великого Строителя вселенной", как в обоих низших масонствах, а там возглашают: "Слава и любовь люциферу! Ненависть Богу!..." в этих обществах проповедуется, что все, что христианский Бог повелевает, неприятно люциферу, что наоборот все, что он запрещает - приятно ему: посему следует делать все, что запрещает христианский Бог и нужно как огня остерегаться всего, что Он повелевает. Это общество является прямо школой разврата, который превосходит все, что можно себе представить. Практикуются даже убийства. Нам известен следующий пример масонского культа: "После смерти Пайка избрание нового "патриарха" решено было произвести в Риме во дворце Боргезе, построенном Папою Павлом Y; распределителем работ по подготовке дворца для заседания "верховного совета" был первый кандидат на "патриарший престол" крещенный еврей Адриан Лемми, который в выражении своих антихристианских чувств перестарался до того, что некоторые необходимые места приказал устроить над домовой церковью и притом так, чтобы из сточных труб все отбросы падали на самый Престол. Когда же архитектор заявил, что это будет неудобно в гигиеническом отношении, тогда Лемми изобрел другое: он приказал поместить Св.Распятие вверх ногами и наверху наклеить надпись: "прежде, чем выйти отсюда, плюньте на Изменника: слава сатане"[1].

Убедившись с достоверностью, что масонство есть тайное общество (хотя оно энергично это и отрицает), притом самого опасного типа, скрывающее не свое существование, а свою цель под весьма сложной организацией, придется признать, что основанием этого тайного общества служит ложь, а обычными приемами ее - хитрость. Мы видим, однако, как управляет посредством внушений этими низшими степенями центральная сила, очевидно, подчинившая себе масонство еще при самом его возникновении, а может быть и сама создавшая его для своих целей.

По аналогии со всей масонской системой сила эта, очевидно, является волею не одного человека, а целой группы людей, ибо только при этом условии может быть обеспечено продолжение тайного, требующего большого навыка и подготовки, дела. Люди, составляющие эту группу, должны оставаться в ней уже на всю жизнь, ибо дальше им идти некуда и посвящение их, как и всякое знание, нельзя уже от них отнять, раз оно дано. В крайнем случае, если жизнь какого-нибудь члена этой группы покажется его коллегам слишком "долговечной", то им остается только укоротить ее: химия так богата различными "средствами"[2].

В этой группе находятся только люди, прошедшие через различные испытания и подвергшиеся нескольким тщательным отборам, следовательно не может быть уже сомнений, что они будут верны той идее, которая есть двигатель всей громадной машины.

Без существования этой управляющей главной группы масонское здание не могло бы долго продержаться. Масонство существует и действует только потому, что существует и действует эта группа, без которой оно расползлось бы естественно на множество отдельных кружков и покончило свое сущест-

---

(1). Лютостанский. Талмуд и Евреи, т.YII, стр.143.

(2). Так, например, поступили с известным Нубиосом, о котором будет сказано ниже.

вование путем распыления. Все масоны страстно служат одному, исполняя, часто безотчетно, предначертания своей таинственной центральной власти; кроме того, они находятся под непрестанным наблюдением друг у друга, ибо в интересах каждого входит, чтобы другой их не предал.

Этим объясняется столь строгое сохранение тайны наряду с полной неразборчивостью в средствах. При надобности смерть делает немыми тех, кого подозревают, что они не всегда умеют молчать.

YII.

В начале XYIII века европейский мир имел явно выраженную христианскую совесть, и основателям масонства пришлось прежде всего считаться с нею.

Проповедовать свои взгляды открыто они не могли и располагали поэтому лишь одним способом для пропаганды своих идей: создать род школы, соединить в ней отборных учеников и тайно и медленно развивать и наставлять их по-своему для того, чтобы мал помалу изменить мнения и взгляды общества, среди которого вращались ученики.

Основателям масонства предстояло изобрести такое тайное общество, которое с виду казалось бы не тайным, а в то же время могло бы постепенно заменять в каждом члене его христианское миросозерцание новым и выработать из него пламенного приверженца новых идей. Они выставляли масонство как невинное содружество или братство, имеющее будто бы только смешную претензию играть в тайное общество и для этого нарочно прибегали к нелепым приемам. Без открыто действующего масонства, хотя бы и открывающего свои цели, но свободно работающего над совращением христианства, действовать было трудно, если и вовсе невозможно.

В том виде, как поставлено масонство сейчас, адептами его могут являться самые разнообразные люди, но преимущественно оно пополняется следующими тремя категориями людей:

1. Люди четолюбивые и страстные, готовые на все ради удовлетворения своего честолюбия или своих страстей;

2. Идеалисты-мечтатели, способные на самопожертвование, но неспособные остеречься от обмана и легко поддающиеся ему;

3. Люди, отличающиеся своим простодушным невежеством и просто легковерною глупостью.

Среди честолюбцев масонство набирает своих политиканов, и чем циничнее и наглее их честолюбие, тем более оно их ценит.

Из среды идеалистов-мечтателей берутся масонские проповедники; их искренность и восторженное убеждение легко передаются окружающим, заражают их; они образуют истинную защиту массонства: будучи сами идеальными, честными и добрыми, они заставляют верить в идеализм, честность и доброту масонства. Они предназначаются для высших степеней. Некоторые из них привлекаются даже в известные группы главенствующего невидимого масонства. Те группы, в которые открывается им доступ, представляются им в виде как бы святого святых, места трепетания истинной души масонства. Для масонства очень важно, чтобы эти честные люди и проповедники считали бы себя стóящими на вершине всего

масонского здания. Они должны воображать, что стоят выше честолюбцев, которых они в душе презирают; должны смотреть на них как на простых наемников, недостойных, но необходимых для той высшей религии, в которой они сами являются первосвященниками. Благодаря этому они как бы покрывают собою этих честолюбцев, и им невдомек, что последние могут быть введены в другие тайные группы высшего масонства, откуда видна вся громадная масонская организация и власть. Путем разжигания честолюбия и страстей можно держать человека в большой зависимости, и потому честолюбцы и сладострастники особенно ценны в масонстве для направляющей силы, ибо, имея возможность удовлетворять своим страстям и порокам, они душою и телом отдаются служению масонским планам. Наконец, третья категория - глупцы и простаки - допускаются в масонство в громадном количестве, причем оказывается - не в обиду будь им сказано - что так называемые "интеллигенты" стоят среди них на первом плане: они образуют галерку и притом по своему очень деятельную, ибо она фанатизирована; в эту последнюю третью категорию входит 90% общего числа всех французских масонов.

Доказательством тому, что проповедь антихристианства, выразившаяся во Франции в открытом гонении на католицизм, далеко не есть конечная цель масонства, служит то, что, когда было покончено с религиозной традицией во Франции в смысле правительственной организации, разрушительное стремление обратилось в другую сторону: на понятия о собственности, семье, отечестве.

Из сказанного видно, что масонство есть по преимуществу аппарат воспитательный, не действующий активно, и представляющий ту особенность, что воспитатели остаются втайне для воспитываемых. Подобное условие очевидно было бы неосуществимым, если общая система масонской организации была бы такова, что приказания, отдаваемые одними адептами, исполнялись бы другими. Сразу знали бы, откуда идут эти приказания и сразу стало бы ясно, кто руководитель всего. Поэтому в масонстве никогда приказаний не отдается.

Представим себе, что некая сила стремится основать свою власть не на материальном могуществе, ибо она им не располагает, а на средствах интеллектуального порядка; для этого необходимо ей прикрыться циклом идей, подобрав их так, чтобы эти идеи прямо или косвенно подрывали все те силы, которые могли бы им противодействовать. Успех в том случае будет обеспечен, если эти, служащие прикрытием, идеи будут завлекательны, лестны для народов, которые тем легче отдадутся им и отдадутся с любовью, с восторгом, сами того не замечая, что предают себя в руки поработителей. Что же будет, если эта сила годами, периодами годов настойчиво станет работать над созданием подобного настроения умов, постепенно увеличивая свое напряжение? Ведь ей несомненно рано или поздно удастся создать своего рода религию и ряд фанатических приверженцев этой религии, готовых по первому же знаку восторженно выполнить все, что от них потребуют. Понятно, что чем лучше будет при этом скрыт конечный план, тем легче будет его осуществить, ибо никому и в голову не придет препятствовать тому, чего не знаешь. Основанное и устроенное таким образом масонство действует не торопясь, не спеша и не взирая на то, когда будет достигнут результат, лишь бы

достигнуть его. Поэтому в масонской деятельности периодам активного выступления, которые бывают всегда напряженны, но очень кратки, предшествуют всегда долгие годы незаметной, тщательной подготовительной работы.

Открытые выступления масонов бывают редко и только тогда, кога они по расчетам могут действоать наверняка. Большею же частью на масонстве лежит единственная задача подготовлять эти редкие и быстрые как бы удары посредством долгих периодов пропаганды, обмана, подделки общественного мнения и постепенного воспитания умов в необходимом для их целей направлении. Масонство при этом не стесняется в способах, лишь бы все это всегда происходило скрыто.

Насколько важны и необходимы эти длинные периоды подготовки, видно из того, что масоны два раза овладевали Францией, когда это было ими хорошо подготовлено, и два раза терпели поражение, когда начинали действовать слишком поспешно, без должной подготовительной работы. Французская, т.н. "великая" революция и современное порабощение масонами Франции были предшествуемы весьма длинными периодами подготовки; можно даже сказать, что истинная роль масонства заключается только в одной подготовке периодов действительных выступлений, при самих же этих выступлениях масонство как бы стушевывается. Оно дрессирует людей в виду определенной цели, как дрессируют собак для того или иного рода охоты. Мало помалу оно добивается того, что обращает людскую волю в механизм, тайну приведения в действие которого знает только скрытая тайная сила, являющаяся последним направляющим звеном в длинной цепи связанных одна с другою причин масонского "действа". Когда настанет благоприятный момент, эта причинная сила спускает своих привязанных к масонской будке собак, заранее уверенная, что они бросятся именно на ту добычу, на которую их предварительно долго натравливали. Тогда масонские собрания прекращаются и масоны как бы исчезают с лица земли; этим масонство избегает всякой ответственности, и трудно поэтому установить воочию участие масонов в тех или иных революционных действиях. Спрятавшиеся вовремя и неуличенные, масоны снова имеют возможность начать свою разлагающую подготовительную работу беспрепятственно, когда это будет признано нужным. В момент же активных действий выпущенные из лож масоны принимают какое угодно наименование, лишь бы оно скрывало их принадлежность к масонству. Они будут называться якобинцами, монтаньярами, террористами, коммунистами, оппортунистами, радикалами, кадетами, октябристами, - словом, чем угодно, только не масонами. Будет казаться, что они работают за свой страх и риск, а в действительности они, как загипнотизированные, будут делать то, что прикажут им гипнотизеры, зачаровавшие их. Но что бы они не делали, какие бы преступления не совершали, находясь под влиянием этого зачарования, масонство всегда сможет отпереться от них и сказать: "мы тут ни при чем; они действуют сами от себя".

VIII.

В наше время масонство в первый раз переменило способ своего действия, убедившись, вероятно, что при прежних активных выступлениях его прозелиты и приспешники брались за дело слишком ретиво, действовали слишком опу-

стошительно, вследствие чего необходимо являлась реакция. Теперь, по-видимому, предпочитают держать масонов на привязи и, спуская их, сейчас же снова берут на свору, не дозволяя с их стороны выходок слишком решительных. Во Франции теперь заставляют масонов, депутатов и сенаторов, действовать в бурбонском дворце и в сенате не иначе, как согласно тому, что предварительно постановлено в ложах. Т.О. руководящая сила может соразмерять удары, наносимые французскому народу. Правда, это служит доказательством, что с французами уже не стесняются, как с нацией порабощенной, и действуют с рассчитанной медлительностью, дабы обеспечить себя от обратных толчков.

В масонстве никогда не отдается никаких приказаний, а практикуются тщательно прикрытые индивидуальные влияния, внушения. Масонам-министрам, сенаторам и депутатам также не отдается никаких прямых приказаний, а дабы они действовали в благоприятном для направляющей масонство силы смысле, она начала с того, что возвела их к власти при таких условиях, что они как бы сами собою обратились в ее подручных. Если они дорожат своими интересами, то принуждены делать то, чего от них желают; они знают, что всем обязаны только масонству и "снова падут в небытие, откуда оно их извлекло"(1), если пойдут против.

Масонство есть тайное общество, имеющее целью постепенную и последовательную переработку общественного мнения в известном направлении, а делается это посредством комбинированных специально для этой цели внушений и отбора. Эти внушения исходят от первоисточника в высшее масонство, оттуда в низшие степени, откуда, наконец, проникают в непосвященный мир. Этими внушениями незаметно и медленно разрушаются идеи, препятствующие тайной цели руководящей силы. Эта подготовительная работа разворачивается на долгие периоды. На подготовку французской революции 1793 года было затрачено более 50 лет, а период подготовки современного положения во Франции продолжался 70 лет.

В эти периоды заботятся о том, чтобы с тщательно размеренной постепенностью упрочить в умах начала, положенные в основу масонских идей, при этом ловко пользуются многочисленными противоречиями, умышленно допущенными в масонских статутах; некоторые из них обходят молчанием, на других, напротив, настаивают, понемногу усиливают этот общественный гипноз в желаемом направлении, делают внушения все более настойчивыми, резкими, деспотичными, так, чтобы те, кто им подчиняется, стали бы истинными фанатиками их. По мере того как это производится внутри лож, члены последних действуют в том же направлении среди непосвященного мира.

Понятно, что каждый масон создает вокруг себя атмосферу, в которой отражается действие полученных им в ложе внушений. Журналист в своих статьях, публицист в своих сочинениях, драматург в своих пьесах, композитор в своей музыке, порнограф в своих грязных произведениях, профессор в своих лекциях, воспитатель в

---

(1). Один из масонских циркуляров рекомендует прижать их к стене посредством их собственных интересов, при ослушании ввергая их обратно в то небытие, из которого их извлекли.

своих классах - все они под различными видами прививают в обществе масонство и проповедуют мысли, которыми их пропитали.

Только когда почва уже будет достаточно подготовлена, переходят масоны от пропаганды к действию. Они тогда якобы являются выразителями свободного мнения большинства "граждан", а в действительности лишь поддерживают направление умов, созданное ими самими в окружающей их среде по образцу того направления, которое было создано в них внушениями тайной направляющей силы. Т.е. вся страна бессознательно действует согласно планам этой тайной силы.

IX.

В масонство адепты принимаются довольно свободно, по рекомендации какого-нибудь брата-масона. Разумеется, при этом в масонство должны попадать самые различные элементы, и, конечно, подобный набор является весьма неудовлетворительным. Но немедленно же происходит добровольное сокращение и исправление этого недостатка согласно с видами направляющей силы. От нее зависит приводить в большее или меньшее движение пружину сокращающего механизма: стоит только расширить в известном смысле толкование преподаваемого учения. Те, кому это толкование придется не по вкусу, сами без всяких дальнейших осложнений покинут масонство и т.о. добровольно сократят число неподходящих членов масонского братства. На практике так оно и есть, и число таких добровольно выбывающих адептов на первой стадии масонской вербовки обыкновенно весьма значительно.

Подбираются в масонство главным образом люди честолюбивые, недовольные и недисциплинированные: их честолюбие, недовольство, неуравновешенность коварные руководители выдают в их глазах за благородный "философский и прогрессивный дух", освобождая этим их самоуверенность от всякого сдерживающего начала в смысле стыда. Таким путем во Франции образовалось могущественное полчище для борьбы против клатолицизма.

По мере того как проводилось извращение умов влиятельных непосвященных центров, получилась возможность усилить распространение и более рискованных принципов, заключенных в тайниках масонских уставов. Так дело шло шаг за шагом медленно, но верно, не раздражая общественного мнения и мал помалу раскрывая сокровенную суть масонского учения внутри лож, соразмеряя это с полученными результатами вне их. Когда терпеливая эта тактика дала, наконец, свои результаты, настала пора освободить масонство от одного из его покровов и объявить масонские ложи явными собраниями сторонников "прогресса и обновления". Во Франции масонские статуты в свое время (1747 году) гласили: "масонство есть общество людей, чтущих Бога, Великого Строителя вселенной и верных своему монарху... Масонам запрещается заниматься политикой... Они обязаны уважать военную веру".

Писатели, вроде бр.(*). ла Тире, защищали масонство от обвинений пап и восхваляли добродетели масонов, говоря: "представьте себе человека, боящегося Бога, верного своему государю - вот масон, вот все его тайны. Уклоняющийся от своей религии не масон, а узурпатор". В масонстве действительно

были люди, подходящие под это описание, но были и другие, подобрать которых позаботились вслед за ними. Во имя "терпимости" заставляли их уживаться вместе в расчете со временем заменить первых вторыми. Очевидно, это и удалось, ибо 14 сентября 1877 года масонство внезапно отвергло своего Великого Строителя и объявило себя врагом Его церкви. Теперешние масоны во Франции уже пишут откровенно: "масонство есть анти-церковь, церковь ереси"[1]. "Между масонством и церковью идет борьба не на жизнь, а на смерть". Но наибольшим доказательством сорванной, наконец, с масонов ими надетой личины служит речь бр.(*). Дельнешь, произнесенная им на банкете масонского конвента в 1902 году:

"Торжество Галилеянина (!) продолжалось двадцать веков" ныне и Ему настала очередь сгинуть. Таинственный голос, некогда возвещавший на горах Эпира смерть великого пана, ныне снова возвещает конец Бога, обманувшего своих последователей. Он обещал верующим в Него царство справедливости и мира; долго поддерживалось это заблуждение. Но ныне исчезает этот Бог. Он уходит в предания веков вслед за божествами Индии, Египта, Греции и Рима. Франк-масоны! Мне приятно здесь отметить, что мы не беспричастны к этой гибели лжепророков. С того дня, как образовалось масонское сообщество, римская церковь, основанная на галилейском мифе, стала быстро приходить в упадок. С политической точки зрения масоны часто менялись, но во все времена они были верны своему основному лозунгу: "Долой суеверия! Долой фанатизм!"[2].

В этой тягостной для христианского сердца речи мы имеем разительный последний этап, к которому приведены масоны от исходного, так сказать, пункта первоначальных лицемерных ламентаций; можно, кажется, отсюда убедиться в необычайном коварстве направлющей масонство силы. Впервые масонство раскрыло свои карты и явилось тем, что оно есть теперь под победные клики революции 1793 года: при первой империи оно стало "военным"; при реставрации оно вновь обернулось скромным обществом людей, "боящихся Бога и верных своему государю", хотя одновременно с этим подготовляло сначала революцию 1830 года, а затем республику 1848 года.

Во имя чего же теперь ведется посредством масонства борьба с христианством? Как оно ни странно, но лозунгом этой борьбы является ... веротерпимость. Она призывается как священное начало конечно с той целью, чтобы не только само масонство было бы допущено в христианских странах, но и чтобы проповедью сектантских и часто изуверских учений подорвать уважение к религии вообще, развратить самую душу христианского народа, и когда это достигнуто, вдруг начать проповедовать нетерпимость к "Галилеянину".

Всего этого не мог бы, разумеется, разоблачить Копен-Альбанселли, на подлинных показаниях которого основаны все предыдущие рассуждения, если бы он сам

---

(1). "Акация", специальный масонский журнал, октябрь, 1902 г., стр.3.
(2). Копен-Альбанселли. Власть оккультизма, стр.90.

не был завлечен наравне со столькими ему подобными в этот водоворот безумия, если бы он сам не был тут некоторое время действующим лицом и вместе с тем жертвою.

"Во время моего пребывания в масонстве, - говорит он, - фанатизм адептов принял для пользы дела особый оттенок: они не выступали ни против какой религии - это было бы неосторожно в то время; они восставали только против "нетерпимости". Благодаря этому фанатики не раздражали умеренных. Т.о., явился "фанатизм терпимости"; фанатики упрекали прочих в том, что они, мол, не истинные апостолы религии, которая должна быть прежде всего "терпимою". По словам этих фанатиков истинная роль и назначение масонства заключались в утверждении в мире против всех и вся (если нужно, то и силою) "веротерпимости". Таково было внушение, которое они в данный момент получили".

Руководящая тайная сила желала привести своих последователей к тому, чтобы внушить им такого рода "веротерпимость", которая имела бы своею задачею не терпеть христианства, а в особенности католичества. "Благодаря целому ряду маневров она наконец этого добилась. Начали с того, что стали действовать против иезуитов под тем предлогом, что "они слишком фанатичны и нетерпимы". Разве масонская "церковь терпимости" не призвана следить за этим? Дабы оградить "веротерпимых" католиков от "неверотерпимых" иезуитов, последних изгнали. Совершив это "во имя веротерпимости", масоны воспользовались ненавистью, возбужденною против иезуитов, и стали говорить, что дух их успел уже всецело обуять все католичество; для масонов явилась как бы новая задача: защита "хороших" католиков от "дурных". Адепты лож были твердо убеждены, что они обязаны защищать "истинно верующих" против "изуверов". Но оказалось, что "истинно верующих" почти не было; они, с точки зрения масонства, были все загублены и задавлены изуверством прочих. Настал момент, когда масонам показалось, что "дух иезуитства" совершенно воплотился в "дух католичества". Возбужденные масоны твердили: "виною католической нетерпимости является абсолютизм догмата. Самые кроткие люди, если они верят в догмат, неминуемо должны стать фанатиками. Всякий догмат уже сам по себе не веротерпим, ибо если он утверждает, что это есть истина, он этим самым говорит, что все прочее есть заблуждение", вот где корень нетерпимости, против которого масонство считает своим долгом защищать людей". Теперь ясно, что после стольких последовательных извращений понятие о веротерпимости должно приобрести в голове масона совершенно особое значение и что масоны пришли к твердому убеждению, что существует веротерпимость ложная и веротерпимость истинная; истинная всегда вооружена, не делает никаких уступок ни в чем и не позволяет терпеть такой религии, которая могла бы ей противоречить"[1].

---

[1]. Копен-Альбанселли, стр.141-143.

X

Масонство тем сильно, что среди разъединенных общественных групп оно составляет политически организованное целое, твердо идущее к таинственной, неизвестной, но все-таки очень определенной цели. Подрывая дисциплину в церкви и в прочих враждебных ему непосвященных центрах, оно в ложах своих создало крепкую дисциплину. "Масонство, - говорил один оратор на конвенте 1893 года, - не имеет намерения применять в своей собственной среде полностью учение об индивидуальной свободе и независимости, необходимость которых оно проповедует в непосвященном мире. Масонство есть организм борьбы и, как таковой, оно принуждено подчинить своих членов правилам дисциплины, необходимой для борьбы".

Понятно, что сообщество, составленное подобным образом, оказалось единственно могущественным, ибо все другие с каждым днем все более и более разлагаются под растлевающим действием рокового догмата о безначалии под предлогом "общего равенства". Достигнув благодаря своей дисциплине и организации несомненного могущества, масонству представилось возможным стать еще сильнее, распространив организованную группировку и дисциплину и вне масонства, т.е. создав вокруг себя общества, которые являются как бы масонскими подголосками и по отношению к масонству исполняют ту же роль, как масонство по отношению к своей тайной направляющей его силе. Этим объясняется возникновение большого количества обществ, созданных масонами и бессознательно подчиняющихся его руководству: такими во Франции являются "лига образования", "лига прав человека", "лига свободы совести", "лига дружеского союза солидарности", "лига друзей-преподавателей" и т.п., не говоря уже о рабочих синдикатах, где масонство также действует весьма старательно.

Докладчик "комиссии пропаганды" на конвенте 1893 года приводит в числе "обществ", основанных ложами и находящихся под духовным их руководством, следующие: союзы свободы совести, "истинные боевые машины против клерикализма", общества образования (Школьные кассы, народные библиотеки и проч.), научные кружки, народные университеты, общества публичных лекций, при помощи которых распространяется "свет" вплоть до самых захолустных деревушек".

В протоколе масонского конгресса в Амиене в 1894 году масонам рекомендуется следующая программа: "нужно стараться, чтобы газеты, направляемые братьями, повсюду споспешествовали нашему делу, но ни в коем случае не разоблачая участия лож и не оглашая наших занятий... Основывать союзы свободы совести, союзы взаимопомощи, вдохновляемые ложами; помогать деньгами существующим непосвященным группам и стараться братьям проникать в уже существующие общества, но соблюдая все меры предосторожности: вести пропаганду посредством благотворительности, принимая участие в добрых делах и поощряя их - все эти способы наши".

Одним из самых главных масонских подголосков являются различные рабочие организации. Дело в том, что "простых" пролетариев в "буржуазные" масонские ложи не допускают, но масоны пользуются их голосованиями; кроме того масонство разжигает их аппетиты и выпускает на улицу для демонстра-

ции, когда нужно, против существующего общественного порядка. Вопросы масонский и рабочий ныне настолько тесно между собою связаны, что нельзя выяснить одного, не зная другого. Корень и сила социализма во всех его формах лежит в масонстве.

"Масонские ложи, - пишет Клодио Жанне, - суть лишь кадры регулярной армии революции и антихристианской масонской секты. Ниже лож стоят многочисленные народные сообщества, кружки, союзы с различными названиями, но все они представляют лишь упрощенные формы масонства".

Самое обширное и многочисленное сообщество, основанное масонством, есть всем известная "интерналка" ("интернациональный союз рабочих") - громадная рабочая коалиция, куда входят рабочие всего мира.

Рабочие, фанатированные тайными обществами, эксплуатирующими их нищету, идут слепо на приступ общественного порядка. Они проливают кровь свою за масонскую шайку, о существовании которой даже не подозревают.

"Интернациональный союз рабочих", основанный Карлом Марксом, Фрибургом, Энгельсом и некоторыми другими, назывался при своем основании в 1850 году коммунистической партией, но уже с 1851 года во главе его манифестов красуется интернациональный лозунг: "пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Союз значительно расширился после всемирной выставки 1862 года в Лондоне, а в 1864 году, после публичного митинга в зале св.Мартина в Лондоне, союз утвердился во Франции. Оттуда он распространился по всей остальной Европе.

Интернационалка, как свидетельствует один из ее основателей Фрибург[1], всегда опиралась на масонство. Он рассказывает также, как группы, принадлежащие к интернационалке, способствовали избранию масонов Гарнье-Пажеса и Пеллетана. По его же словам "уже с самого начала посторонние рабочим лица оказались причастны к интернационалке". Эти "интеллигенты" и были масоны, которые собирались "спаять" пролетарскую массу с антихристианским масонским сообществом. Им предстояло управлять рабочим движением согласно получаемым внушениям.Дух "интернационалки" впервые открыто появился на студенческом конгрессе в Льеже в 1865 году. Принятые бургомистром города, чествуемые повсюду как апостолы свободы и прогресса, студенты развернулись и показали себя во всю. Брюссельский адвокат Опта Скайкен, один из будущих столпов бельгийского масонства, провозгласил в своей речи, что следует встряхнуть общественные "предрассудки" до самых их глубин. Все речи "конгресса" состояли в том, что говорили против христианской нравственности, против Церкви, Бога, собственности, отечества [2].

Шестнадцать лет спустя после этих конгрессов Дешан писал: "Члены льежского конгресса ныне стоят во главе интернационалки, во главе масонства и во главе гамбетского правительства во Франции"[3].

В 1866 году происходит такой же конгресс в Женеве, в 1867 - в Лозанне. На Женевском конгрессе

---

(1). Фрибург "Ассоциация интернационала", стр.31.

(2). Примером может служить конец речи Лафарга: "Война Богу! Ненависть Богу! В этом прогресс! Нужно продырявить небо, как лист бумаги!"

(3). Дешан "Секретное общество и общество".т.II, стр.525.

была выработана официальная организация и программа интернационалки. Но повсюду, как в Бельгии так и в Швейцарии, встречаются среди рабочих всех стран "студенты" и масоны.

Во все времена как в новой интернационалке, так и в прежней, как в XIX веке, так и в XX, действуют два элемента: искренние рабочие, убаюкиваемые социалистическими утопиями, ищущие в интернационалке средств помочь нуждам рабочего люда, и так называемые "интеллигенты, являющиеся истинными хозяевами "интернационального союза рабочих".

Т.о. масонство держит в своих руках весь рабочий мир.

На масонском конвенте 15 июня 1867 года бр.Гаррисон сказал: "Разве мы не приняли молодых людей, заседавших на конгрессе в Льеже, в число масонов? - разумеется - да. Мы протянули им руку и сказали: работайте с нами".

В Льеже, Брюсселе, Лозанне, Базеле и на всех конгрессах интернационалки масонство входит в соприкосновение с рабочим миром. Агентами ему служат студенты, профессора, врачи, ученые, ловкие шарлатаны, начиненные масонскими учениями и умеющие красиво излагать мысли о "демократии", о "природном превобытном равенстве", о "правах человека", об "естественном возрождении", о "новой эре", которая открывается для "человечества", и т.п. Громкие фразы о "солидарности рабочих всего мира" вызывают общий восторг. По поводу "свободы обучения", "общественных вопросов", "прогресса" ораторы интернационалки постоянно проповедуют уничтожение частной собственности, бунт против властей, материализм, ненависть к духовенству, богохульство. По поводу "солидарности" и "братства" они разрушают чувство патриотизма и проповедуют анархию.

Они проповедуют, что рабочий - это Бог, рабочие - все боги [1]. Ему одному должна принадлежать вся земля и все орудия производства и сообщений.

На следующем конгрессе в Брюсселе постановлены следующие тезисы: 1) машины и рабочие инструменты должны перейти в полную собственность самих рабочих; 2) все пути сообщения, каналы, дороги, телеграфные линии и леса должны принадлежать "общественной коллективности", т.е. рабочим, которые только одни и будут иметь значение при новом государственном устройстве; то же относится и к земле, рудникам, каменоломням, копям и железным дорогам. На конгрессе в Базеле подтверждается и усугубляется это отрицание частной собственности.

С 1873 года прежняя интернационалка заменена "двуединым" сообществом "социализма коллективного" и "социализма анархического".

Для коллективистов "единственным владельцем, поглощающим почти все, является государство, или социализированное общество". Для анархистов же наоброт государство, как и церковь, является злом, которое необходимо уничтожить, причем коллективная собственность окажется в руках свободно слагающихся групп.

Для приведения общества к своим идеалам коллективисты пользуются средствами, которые

(1). В этой грубой лести по адресу рабочих проявляется масонское учение о том, что Бог разлит в природе (пантеизм) и что человек есть Бог.

"современное государство им предоставит": они участвуют в выборах и заседают в парламентах. Анархисты же презирают эти способы и предпочитают насилие. С нравственной и религиозной точки зрения коллективизм, конечно, не менее опасен, чем анархизм, оба они понимают равенство как полное безвластие, отрицают всякую государственность и проповедуют непримиримую ненависть к религии.

Следует заметить при этом, что отнюдь не остаток нравственного чувства мешает коллективистам употреблять средства анархистов, а делается это единственно из политического расчета: недаром отец коллективизма Карл Маркс говорил в 1872 году в Амстердаме: "мы сознаем, что есть страны, как Америка, Англия, Голландия, где рабочие могут достичь своей цели мирными путями, но в большинстве европейских государств насилие будет необходимым двигателем нашей революции. Рано или поздно придется прибегнуть к силе для установления господства рабочих".

"Сильно ошибаются те, - пишет Клаудио Жанне, кто думает, что разделения тайных обществ или социалистов ослабляют их: они всегда соединятся, когда нужно будет совместное выступление. Т.е., какая бы ни существовала рознь между последователями Маркса и Бакунина или между различными революционными группами, все они одинаково горячо сочувствуют убийству Императора Александра II, как сочувствовали покушению Гартмана"[1].

Оба сообщества, подобно интерналионалке, от которой они ведут свое происхождение, сохранив в себе ее закваску, получают внушения от масонских лож. Тайные общества управляют анархистским движением, как и всеми прочими отраслями коллективизма.

Масонство старается сокрыться от честных рабочих; к тому же оно не имеет желания открывать своих лож пролетарской массе. По природе оно буржуазно. И если она распространяет социализм, то только для того, чтобы льстить вожделениям рабочих, обратить их в свою армию, которую оно всегда сумеет сплотить или рассеять, смотря по надобности.

Анархистская организация возникла в 1873 году, когда произошел раскол между Марксом и Бакуниным. Истинных анархистов всего несколько тысяч, но они управляют громадной международной рабочей коалицией: в этом их опасность.

Програмное воззвание их было составлено в 1881 году на съезде в Гренобле, и авторами были Борда из Лиона и Элизе Реклю.

"Анархисты-революционеры, - говорит это воззвание, - выработали следующшую программу:

Наш враг - хозяин.

1. Наш враг - собственники, государство, хозяин, зовись он монархией или демократией.

2. Наш враг - всякая власть, зовись она дьяволом или божеством.
3. Мы стремимся захватить фабрики.

4. Мы хотим завоевать общую собственность, какую бы форму правления нам не предстояло разрушить".

Статуты анархистского сообщества, захваченные у одного из членов в 1880 году, заключаются в следующем:

---

[1] Клаудио Жанне "Франк-масоны", стр.641.

Сообщество имеет три степени:

1) "Международные братья". Они управляют анархической деятельностью во всех странах и подготовляют мировую революцию, которая является конечною целью сообщества. Они вдохновляют и ведут членов следующей степени.

2) "Национальные братья". На них лежит обязанность подготовлять революцию в каждой отдельной стране; в статутах говорится, что они не должны подозревать о существовании братьев первой степени, и поэтому последние легко ими управляют.

3) "Братья полутайной организации международной демократии". Они образуют главную армию анархии и управляют местными профессиональными союзами, в которых состоит множество рабочих; союзы эти неизменно обещают им "улучшение рабочего быта". Все они совершенно не подозревают о существовании обеих высших степеней.

Между местными союзами и обеими высшими степенями с целью сокрытия последних анархизм организовал "национальные и областные комитеты". Но последние управляют только "по видимости": в действительности анархизм получает свои внушения от тайных вожаков.

Гнездом международного анархизма является немецкая Швейцария. Туда съезжаются вожаки из Берлина, Парижа и всех стран мира. Вступление в тайные группы сопровождаются разными церемониями, схожими с масонскими, причем посвящаемый клянется порвать всякую связь с религией.

Денежные средства анархистов огромны, т.к. рабочих чуть ли не силою заставляют вносить часть своего заработка на неведомую им организацию.

Эта огромная организация подчиняет масонству миллионы рабочих во Франции, России, Испании, Италии, всей Европы и Америки. Ей предписано волновать христианские страны, главным образом католичество Франции и православную Россию.

Интерналка, собирающая под своими красными и черными знаменами пролетариев всех стран, угрожает повсюду обществу. В невидимых руках таинственной силы, создавшей, организовавшей ее и управляющей ею, она подготовляет мировую и неслыханную тиранию, предсказанную еще в 1849 году Донозо Кортесом в испанской палате депутатов: "мир идет быстрыми шагами по пути к деспотизму, самому ужасному и жестокому, какой видело когда-либо человечество"(1).

Эта зверская тирания осуществится тогда, когда рабочий мир достаточно будет порабощен той тайною силой, которая руководит масонством и держит нити международного заговора против христианской церкви и общественного порядка"(2).

XI.

Одно из главных преимуществ масонства - умение не спешить. Сила, его направляющая, рассчитала всю трудность тех поистине гигантских разрушений, которые нужно ей произвести для осуществления своей тайной цели, и разделила свой труд на "подготовление" и "выполнение". Подготовление состоит в том, чтобы обманывать христианский мир, дабы он легко дался

(1) Гелло. "Франк-масоны", стр.68

(2) Гелло. "Франк-масоны", стр.68

в руки, и выбирать среди христиан себе сотрудников, которые, изменив своему прошлому, дойдут до такой неразборчивости в средствах, что будут способствовать разрушению своего собственного отечества. Когда после долгих годов подготовительной работы масоны совершат свое дело пропаганды в качестве апостолов-проповедников, когда группы, работающие вокруг них по их указке, превратятся в неутомимые подголоски их пропаганды, когда удастся захватить политическую власть, когда ораторы, журналисты, поэты, составители песен, драматурги, актеры, авторы порнографических изданий достаточно разовьют различными способами свои, якобы, прогрессивные идеи перед доведенным до исступления народом, подобно гигантским бандерильям, машущим красным плащом перед быком, - тогда политический "торреадор", настоящий ставленник тайной силы, может, наконец, появиться. Его час, т.е. час активного выступления, настал: вместо плаща "бандерильев", т.е. вместо пропаганды разрушительных теорий, он пустит в ход орудие мятежа и разрушения, которое неизбежно породит гонения, грабежи, погромы, убийства, и возбуждения, ослепленная, доведенная до безумия толпа яростно бросится принимать участие в бесчинствах - признак того, что она дошла до состояния, которое нужно "торреадору", украшенному тайными масонскими эмблемами. Будь он Мирабо, Дантон, Робеспьер или ближе к нам - Вальде, Руссо, Комб, Клемансо, будь он сам масон или нет - но раз он избран "делегатом", ему достаточно говорить что угодно, чтобы увлечь за собою общественное мнение, уже заранее для него сфабрикованное. Толпа в его руках одновременно с властью. Депутаты, сенаторы, министры, префекты, судьи, офицеры - все, кого превратила в масонов или в масонствующих, идут за ним, как один человек, под главенством президента республики, получающего солидное жалование за то, что ставит свои подписи, узаконивая этим всякое преступление.

Идет проповедь разрушения всякой идеи порядка и дисциплины, отвергают даже самое понятие об отечестве, утверждая, что это - отсталость.

В школах говорят: "стыд должен быть искоренен из души детей". На улицах свободно раздаются порнографические произведения преимущественно юношам и девушкам. Словом, хотят искоренить в обществе все те чувства, которые выработало христианство для воспитания человечества. Все это движение ведется масонством. Оно поставляет и теоретиков, и пропагандистов, и исполнителей; оно поставляет министров, администраторов, директоров школ; оно создает группы, благодаря коим координируются воли; оно отдает свои "храмы" под лекции "о свободном материнстве", оно отпечатывает и распространяет эти лекции.

В школе при преподавании истории умышленно умалчивают о подвигах великих людей, служивших христианской вере и Франции - ныне из французских учебников исключены имена Баярда, Дюгесклена, св.Винцента де-Поля, Жанны д,Арк и др.

Теперь дело пошло еще дальше. По словам газеты "Новое Время" "один из английских еженедельников посвятил дебатам французской палаты целую статью, озаглавленную: Антихристианский крестовый поход Бриана". В этой статье указывается, что французская палата несомненно

стремится "к повсеместной проповеди атеизма". Радикалы, завладевшие властью, желают-де сделать из французского учителя не больше и не меньше, как миссионера антихристианских доктрин. При этом права католиков настолько попираются, что родители, желающие избавить своих детей от "атеистической заразы", подвергаются почти таким же преследованиям, как протестанты во время издания нантского эдикта. Что все это исходит из масонских лож, доказывается тем, что незадолго до возбуждения этого "похода" Бриана в палате масонам в ложах читались лекции, внушалось, как действовать впоследствии:

2 января (1910 г.) в ложе "прав человека" масон Мартен читал доклад "идеал воспитания демократии".

4 января в ложе "Виктора Гюго" происходило "обсуждение средств для укрепления защиты светской школы".

5 января в "союзе Бельвиля" были прения о "размышлениях учителя по поводу воззвания епископов и содержащихся в нем санкций".

В тот же день в ложе "объединенных и тайных друзей-филантропов" происходили прения на тему: "свобода или монополия воспитания".

13 января в ложе "светского воспитания" происходили прения на тему "воспитание ребенка до школы, во время пребывания в школе, после школы".

"Что ж, разве наш народ, разве наша страна, - восклицает Копен-Альбанселли, - этого желает? Нет. Страна не требовала доносов в армии, она не требовала, чтобы дезорганизация водворилась в армии от верхов до низов. Кто же придумал, захотел, подготовил, организовал, совершил все это? - Масонство. И масонские протоколы подтверждают это".

"Если католическая и монархическая Франция, - продолжает он, - была в 1789 году помимо своей воли вовлечена в преступления масонских комитетов-убийц 1793 года; если она также помимо своей воли ныне в течении тридцати пяти лет приведена от министерства Дюфора к министерству Комба, от невинного либерализма - к фанатизму отрицания, от антиклерикализма - к антихристианству, от антихристианства - к антипатриотизму, от дрейфусовской кампании, предпринятой под флагом правосудия - к полной дезорганизации армии и флота, произведенной посредством доносов и замены французских офицеров офицерами из евреев или масонов, то все это творится несомненно для того только, чтобы привести Францию мал помалу к окончательному осуществлению некой таинственной, упрямо скрываемой цели".

Какова эта цель, речь будет идти впереди, а пока, как итог всему сказанному приведем правдивое, сделанное посторонним беспристрастным наблюдателем, описание современного состояния Франции, пришедшей после сорока лет масонско-республиканского управления к состоянию Польши екатерининского времени.

"Исполнилось сорок лет со времени провозглашения третьей республики. Сорок лет во имя "державного народа" ломали и переделывали жизнь, улучшая ее по крайнему своему разумению на основании принципов, которые считали хорошими, гуманными, благородными, Правящая партия выполнила почти все, что обещала, принимая власть. Она провела закон о всеобщем, даровом, обязательном светском обучении, закон,

которым гордится превыше всего, считая его основным законом демократии. Она отделила церковь от государства, отняла у духовенства церковные имущества и продала их с публичного торга. Она дала рабочим два могущественных средства бороться с произволом капитала: узаконила право стачек и право пролетариев объединяться в союзы. Она сократила до двух лет срок военной службы, назначила пенсию престарелым и увечным рабочим, оградила земледельческий труд от иностранной конкуренции, ввела неограниченную свободу печати и сходок. Она все сделала, чтобы смягчить, довести до минимума суровую и часто слепую неумолимость закона при карании преступления. Она дала возможность человеку, который невольно и случайно свихнулся с истинного пути, реабилитировать себя последующей жизнью, принявши и применяя в самых широких размерах т.н. закон Беранже.

"И вот в эти юбилейные дни третьей республики посмотрите, чем наполнены французские газеты, обсуждение каких вопросов волнует общество, на что жалуются, проведения каких законов и каких административных мер требуют решительно, настойчиво? Закон об обязательном обучении явно не соблюдается. Ни муниципалитет, ни мэры, исполняющие обязанности полиции, ни кантональные делегаты, ни школьные комиссии, ни инспектора народного просвещения, т.е. целый ряд органов, назначенных законом, чтобы следить за принудительным посещением школ детьми, не исполняют возложенных на них обязанностей. Они опускают руки перед индифферентизмом масс по отношению к школе. Что касается народных учителей, их насильно толкнули в водоворот политической агитации, сделавши их избирательными агентами. И растущая волна народного невежества грозит в будущем увеличиваться еще больше и именно в самых глухих углах страны вследствие закрытия конгреганистских школ".

"Это подтверждает, между прочим, радикал-социалист, бывший директор первоначального образования страны, человек, которого считают фанатиком светской школы, передовой из передовых, один из немногих компетентных людей по этому вопросу, Фердинанд Бюиссон. Он опубликовал в специальном издании, в "бюллетене радикальной и радикально-социалистической партии" статью, в которой подводит итоги закону о первоначальном образовании, действующем уже более четверти века. Эта статья - сплошной крик боли и тревоги. "Довольно слов, - говорит он, - довольно клише о необходимости защиты светской школы". Ее нет против кого защищать. Священник и епископ теперь простые граждане, и в качестве таковых имеют право действовать на свой риск и страх. Перестанем кричать, как мы делаем из политических соображений, из любви к популярности: "надо покончить с церковью!" Нужно совсем другое. Нужно покончить с невежеством. Из года в год мы вводим в армию от 20 до 25 тысяч молодых людей, относительно которых нельзя сказать, что они грамотны, потому что умеют вывести каракулями буквы своей фамилии. Дети не посещают школы. Те, которые посещают, по выходе забывают, что знали и чему выучились..."

Но если бы было только это! Есть факты гораздо более зловещие. Число кабаков было в год падения второй империи 386000. В конце 1909 года их насчитывалось уже 480000. Другими словами, число кабаков увеличивается каждый год на 2293, т.е. каждый день

Франция обогащается шестью новыми питейными домами. На каждые восемьдесят французов приходится по кабаку. Пьянство растет в невероятных размерах. И оно влечет за собою, кроме обычного кутежа, увеличение числа заболеваний бугорчаткой, помешательством, самоубийств, преступности детей - еще нечто совсем новое. Речь идет об одичании нравов, о развитии преступлений беспричинных, не с целью грабежа, мести, ревности, а просто так, за здорово живешь. Это преступления, свидетельствующие об ослаблении задерживающих центров, как говорят психиатры. Для обозначения преступников этого рода всего десять лет назад выдумали новое слово. Их называют апашами. Апаш - это одичавший человек, который делает зло часто без всякой надежды на личную выгоду, даже во вред себе.

Таковы нравы. Гуманное отношение к преступнику, как к больному, которого "нужно не столько наказывать, сколько лечить", дало результат противоположный тому, которого ожидали. "Больной еще больше разболелся. Точно так же оказался несостоятельным закон Беранже об условном наказании: воспользовавшиеся его льготою сплошь и рядом возвращаются в суд, совершая новое, еще более тяжкое, чем прежде, преступление.

И этого мало. Одичание нравов мал помалу переходит из среды апашей в такую, которая с ними до сих пор не имела ничего, в среду взрослых рабочих. Появилось новое преступление: "охота на лисиц". Прежде рабочие, которые делали стачки, ссорились, освистывали, иногда били тех из своих товарищей, которые не хотели к ним приставать, теперь их стали убивать, и в газетах появилась новая рубрика: "охота на лисиц".

Сорок лет "гуманного" отношения к детям, к рабочим, к клиентам суда и тюрем привели к ослаблению задерживающих центров и тех, и других, и третьих. И в юбилейные дни третьей республики в газетах появилась рубрика: "о введении телесного наказания". Сто десять лет спустя после провозглашения "прав человека" во французский парламент внесен законопроект депутата Рено о праве наказания плетьми в тюрьмах. Разве это не трагично?..[1]

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МАСОНСТВА.

1.

Впервые наименование "франк-масоны" встречается в XI веке, но тогда так назывались артели настоящих каменщиков, которые странствовали с места на место, строили храмы и всякие здания и не имели никакого отношения к политике. Образование собственного масонского братства французский исследователь Бурнан объясняет следующим образом:

"в средние века вся культура сосредотачивалась в монастырях.

(1). Корреспонденция И.Яковлева. "Новое Время", № 12392.

Художниками были одни лишь монахи. Светские люди занимались только войною и охтой. Но когда монахов-живописцев, зодчих, ваятелей оказалось недостаточно, волей-неволей должны были возникнуть светские общества каменщиков и строителей. Эти светские общества приняли название "свободных каменщиков", или франк-масонов, благодаря преимуществам и льготам, кои были им дарованы. Особенно увеличилось число свободных каменщиков в эпоху готической архитектуры. В XII веке начинается расцвет готики и затем в течение почти полутора веков ей подчиняется европейское зодчество. Лучшими готическими памятниками являются церковь Нотр Дам, построенная в 1227 году, Кельнский собор, начатый в 1248 году, и собор в Мейсене. Каменщики образовывали тесно сплоченные артели, передавали друг другу тайны своего искусства как бы в виде посвящения и представляли большое сходство с монастырской организацией. Зародившись во Франции при Людовике Дитяти, масонство в первоначальном своем виде перешло в Германию в XIII веке, соорганизованное там Эрвином Штейнбахом для постройки сначала Страсбургского собора, а затем храмов в Вене, Цюрихе, Ландсгутте и Кельне. Для отличия от простых рабочих масоны соединялись в содружества или кружки, называемые ложами, под главенстом страсбургской великой ложи...

"Подобные общества свободных каменщиков зародились в то же время и в Англии, где начиная с XIY века они начали мал помалу принимать в свою среду, как бы в виде почетных членов, людей, не занимающихся ремеслом каменщиков".[1]

Это произошло, выражаясь языком современных масонов, когда "спекулятивное" масонство проникло в мастерские "оперативного" масонства... Лиц, не занимающихся ремеслом, но принятых в каменный цех, стали называть "acceptel masons" в отличие от прочих, которые назывались "admited masons".

"Спекулятивное" масонство было уже в полном своем развитии в Англии, когда там в 1648 году разыгралась кровавая революция, завершившаяся убийством короля.

"Чтобы найти ключ ко всем революциям, начиная от убийства Карла I до убийства Людовика XYI, - пишет современник французской революции Ломбар Де Ландр, автор "Секретные общества в Англии", -приходится всегда прежде всего обращаться к таинственным масонским братствам... Красная фригийская шапочка, которая в 1793 году стала эмблемою якобинцев, была также головным убором британских индепендентов при возвышении Кромвеля".

Тот же автор пишет: "В начале XYIII века Париж явился центром интриг приверженцев Стюартов... Благодаря усилиям якобитов и их непрестанной пропаганде против британского правительства, создалось очень распространенное, но тем не менее ошибочное мнение, будто масонство введено во Францию якобитами и служило интересам Стюартов. Дело в том, что все английские ложи были враждебны сторонникам Стюартов, которые олицетворяли для них "реакцию" в политике и "нетерпимость" в религии".

Быстрые успехи масонства в Европе привели к тому, что в 1747 году, по свидетельству "Апологетической защиты франк-масонов" в

---

(1). Бурнан. "История франк-масонов", стр.19,20,25,26.

числе масонов уже находились император Франц I, принц Карл Лотарингский, брат императора король Фридрих II, принц Валлийский и почти все германские князья; Генрих Бурбонский, граф Клермонтский, был великим мастером французского масонства с согласия короля Людовика XY, и все самые важные сановники Франции принадлежали к масонству. Во всей Франции, по словам той же "Защиты", не было ни одного значительного города, где бы не существовало у масонства своего "храма" и не насчитывалось бы братьев среди самых выдающихся людей парламентов, трибуналов, дворянства, духовенства и даже иезуитов...

К концу XYIII века по данным брошюры, изданной в защиту масонства в 1829 году, во всем мире существовало 3315 масонских лож с 300000 последователей.

Каким образом залучались царственные особы и знатные лица в масонство и какую они там играли роль, мы уже видели из приведенных писем Пикколо-Тигра, но кроме того существуют еще разоблачения Кадэ-де-Гассикура, изданные сейчас же после террора во Франции. Там прямо указывается, что были "созданные по обычному внешнему типу ложи во имя Св.Иоанна и Св.Андрея, очень распространенные во Франции, Германии, Англии и России, но им не было сообщаемо никаких тайн и они служили настоящим масонам лишь средством, чтобы узнавать людей и выбирать из них пригодных для своего исполинского заговора. Эти явные ложи были посвящены благотворительности и потому туда часто поступали лучшие люди; истинные же храмовники[1] или якобинцы не заседают в ложах; их собрания называются капитулами".[2]

Т.к. по-масонски "работа" в ложе в XYIII веке заключалась для первых двух степеней в том, что адепту преподавали различные метафизические учения, которые не могли, конечно, особенно увлекать его. Через некоторое время его посвящали в следующую степень, где ему открывали, что все его предыдущие занятия ни к чему не ведут, но что было ему самому необходимо познать эти отрицательные истины. Ему необходимо выучиться вести людей и заставлять их против их воли споспешествовать задачам масонства. Ему обьясняли, как небольшая группа, организованная, обособленная в аристократию, может вести неорганизованную толпу; как власть тайная, безответственная, но деятельная, может вести явную ответственную власть и превратить ее в главную пособницу ее собственного падения. Его учили, что человеческие пороки суть лучшие рычаги, коими нужно только уметь пользоваться; что в деле масонов встречается только одно существенное препятствие - возмущение человеческой совести, против чего они бессильны, и поэтому все искусство должно быть направлено к тому, чтобы усыпить людскую совесть и не давать ей возмущаться... Ему говорили, что, постигнув все это, он будет "совершенным масоном", что его масонский образ мыслей будет завершен и что сознательно или бессознательно (смотря по

(1). Кадэ-де-Гассикур, следуя распространенному в его время мнению, полагает, что французская революция была произведена орденом храмовников, как месть церкви и монархии за разгром ордена в 1313 году. Насколько эта версия заслуживает внимания, увидим ниже.

(2). Кадэ-де-Гассикур, "Заговор Жака Моле", стр.13.

способностям) он будет содействовать "великому делу"[1]. "Таким образом самое мышление большинства масонов извращалось; на них действовали словами, постоянно повторяемыми теми, кого они считали "совершенными", чьи отрывки откровений запоминались и чьим советам следовали слепо. Когда у масонства появлялся противник, его "нравственно убивали", стараясь уничтожить его "во имя человеколюбия"; если он подавал какой-нибудь повод к нареканиям, то его тихонько толкали в западню, возбуждали против него общественное мнение. Во время революции, например, обвиняли такого человека в том, что он будто скупает хлеб - это всегда удавалось; если же он был неуязвим с нравственной стороны, его просто убивали, как, напр.Бортье или Фулона, причем убийство совершалось мятежной толпой "непосвященных"..[2]

II.

С развитием масонства в XYIII веке совпадает возникновение целой литературы, направленной против христианства и королевской власти и известной под именем "просветительной".

"Всемирный успех этой литературы обыкновенно приписывается "знамению времени" или таланту авторов, или высоте проповедуемых идей. Но в то время было много талантливых писателей и помимо т.н. "энциклопедистов", а они далеко не пользовались тем шумным успехом, который выпал на долю этих творцов "просветительной литературы". Что же касается "высоты идей", то теперь многие государства горьким опытом убедились, что идеи эти просто гибельны для всякого принявшего их человеческого общежития. Успех "просветительной литературы" на самом деле зависел от того, что он был подготовлен и организован. Реклама, т.е. подобная организация успеха, даже в наше время, при развитии разнообразнейших средств сообщения, необходима для приобретения известности, а тем блее это требовалось в XYIII веке. Рекламу энциклопедистам делали масонские ложи, потому что те принадлежали к масонству и писали под вдохновением лож [3]

"Кроме этих псевдо-философских сочинений в тайных масонских типографиях печаталась масса пасквилей, памфлетов, эпиграмм, анекдотов, которые выходили или без имени автора, или под именем авторов умерших. Вот откровенное признание одного из масонов: "большинство книг, появившихся в то время против религии, против нравстенности, против правительства, были изданы нами; они были сочинены либо самими членами сообщества, либо по нашему заказу; до отпечатания их мы их исправляли, дополняли или сокращали в зависимости от условий данного момента, затем придумывали заглавие и имя автора, дабы скрыть истинное происхождение книги; то, что вы считали за посмертные издания Фрере, Буланже и других, вроде "Разоблаченное христианство" и т.п. сочинения - все это исходило из нашего сооб-

---

(1). Ж.Борд. "Франк-масоны во Франции", стр.200.

(2). Там же, стр.202.

(3). См. письмо Вольтера к Дамилявиллю: "христианская вера - бесчестная вера, отвратительная гидра, чудовище, поражаемое ныне сотнями невидимых рук; философы должны всячески уничтожить христианство, они должны дерзать на все, лишь бы подавить бесчестного" (Бурнан, "История франк-масонов", стр.92.)

щества. Исправленную книгу мы сначала отпечатывали на хорошей бумаге в ограниченном количестве экземпляров, дабы возместить расходы по изданию, а затем выпускали громадное количество экземпляров на самой дешевой бумаге, которые отсылали книгопродавцам или разносчикам-книгоношам. Последние, получая их даром, обязывались распространять их среди народа по самой низкой цене" [1].

Эта литература шибко шла и в Германии. По поводу этих книг Вольтер писал 25 августа 1763 года Гельвецию: "христианскому педагогу (так назывался распространенный учебник того времени) противопоставляются маленькие философские книжки, которые ловко пускаются в ход; их даром раздают некоторым лицам, а те распространяют их среди юношей и женщин" [2].

26 сентября 1766 года Вольтер по этому же поводу писал графу Аржанталю: "по этми книжкам германская молодежь учится читать: они становятся мировым катехизисом от Бадена до Москвы" [3].

Укрепление масонства в Германии связано с учреждением там в 1766 году ордена иллюминатов, основанного Вейсгауптом. Иллюминаты благодаря деятельности Адольфа Книгге, Баадера, Ксавье Цвака, маркиза де-Констана и графа Савиоли, имели сразу значительное количество приверженцев, считая их прямо мысячами. Для вящего сохранения тайны они принимали разные псевдонимы, заимствованные преимущественно из истории. Так, Вейсгаупт звался Спартаком, Книгге - Филоном, Баадер - Цельзием, Цвак - Катоном, Констанца - Диомедом, Савиоли - Брутом [1].

"Вскоре иллюминатство распространилось за пределы Германии. Вейсгаупт учредил в Париже как бы центральное бюро пропаганды, которое имело большое влияние. В Швейцарии, Польше и России у иллюминатов было много последователей".

Секреты иллюминатов были обнаружены совершенно случайно. Около 1785 года курфюст Баварский стал получать предостережения относительно тайных масонских обществ, между прочим и от Фридриха II. Тогда все тайные общества в Баварии были закрыты; Вейсгаупт, лишенный своей профессорской кафедры, удалился в Ратисбонн; были допрошены некоторые из учеников его, покинувшие уже с 1783 года орден; их показания не могли оставить никаких соменений относительно истинного характера ордена иллюминатов, но именно вследствие чудовищности сделанных разоблачений этим показаниям не придали значения. Между тем Вейсгаупт продолжал из Ратисбонна свои происки: один из его последователей, лишенный сана священник, по имени Ленц, посланный им в Силезию с различными инструкциями, был убит в дороге ударом молнии: на нем были найдены бумаги, содержание которых побудило власти произвести обыски у главнейших иллюминатов; эти обыски привели к открытию огромной переписки и устава заговорщиков. Правительство курфюста отпечатало эти документы, а оригиналы сохранило в архивах. Эти документы

(1). Макс Думик. "Тайна франк-масонов", ст.148.
(2). Там же, стр.150
(3). Там же, стр.151

впервые оповестили мир, в чем состоит тайная деятельность масонства. (Думик. "Тайна Франк-масонов", стр.79).[1]

"После такого скандала масоны заявили, что не имеют ничего общего с илюминатами и закрыли им доступ в свои ложи. Больше того: масоны стали распространять, что иллюминатство было создано иезуитами. Т.о., масонству временно удалось отделаться от опасной связи с Вейсгауптом и его присными. Когда же впоследствии нашли и в масонстве то же учение, то приписали это наводнению масонских лож иллюминатами"[2].

Однако, было ли это так на самом деле? Можно ли считать Вейсгаупта действительным основателем и вдохновителем иллюминатства?

"Обладая ценными для заговорщика качествами, - пишет Макс Думик, - смелостью, настойчивостью, глубоким лицемерием и методичностью, Вейсгаупт в то же время имел два великие недостатка: он отличался страстью писать и был тщеславен почти до глупости. Если бы он был действительным созидателем и руководителем иллюминатства, то это противоречило бы самой природе тайных обществ, где истинные руководители никогда не появляются и в особенности никогда не пишут,- в этом вся их сила. Кроме того можно ли предположить, что общество иллюминатов, действовавшее всего несколько лет, могло захватить все масонство, официально существовавшее уже около семидесяти лет и считавшее в своих списках даже коронованных лиц?"

"Дело, однако, в том, что рядом с Вейсгауптом, действует некто Книгге; он никогда не выдвигается вперед; он с виду как бы не играет в ордене почти никакой роли; а вместе с тем фактически всем управляет он. Вейсгаупт пишет, строит планы, отдает приказания, делает выговоры; Книгге же молча составляет инструкции, молча регулирует степени посвящения, о которых Вейсгаупт и не подозревает, и молча раскидывает сеть сообщества все дальше и дальше. На Вильгельмобадском конвенте, на котором, по словам масонов, иллюминаты якобы захватили масонские ложи, присутствует не Вейсгаупт, а Книгге, и то не появляясь открыто: он стоит за кулисой и действует через своего адепта... Эти явно масонские приемы Книгге доказывают, что он был подчинен той же высшей воле, которая руководит и самим масонством"[3].

В книге "Новиков и московские мартинисты" Лонгинов излагает учение иллюминатов:

"Человек получил от природы права на равенство со всеми и на свободу. Равенство было нарушено торжеством собственности, а свобода утратилась с установлением общества и правительств, которые поддерживаются гражданскими и церковными законами. Чтобы восстановить первобытные права человека на общее равенство и свободу, надо уничтожить эти законы, т.е. религию и собственность. Тогда исчезнут цари и

---

(1). Эти псевдонимы сами по себе уже довольно показательны: Спартак - предводитель восстания рабов, Филон - еврейский философ, положивший начало почти всем противохристианским ересям, Цельзий известен своею ненавистью к христианству, Катон - мятежник, восставший против Цезаря, Диомед - фракийский царь, известный своей жестокостью. Брут - друг Цезаря, предательски участвовавший в смертном заговоре против него.

(2). Думик. "Тайна Франк-масонов", стр.104.

(3). Там же, стр.105-107.

отдельные нации, и настанет господство естественных прав и золотой век безграничного космополитизма. Чтобы прийти к этой цели, надо просвещать людей, через посредство тайного общества, распространяя всюду дух его учения через адептов. Не должно производить потрясений, а следует, не разбирая средств, незаметно приобретать власть на умы и склонять осторожно общественное мнение к заявлению желаний таких перемен, которые клонятся к желанному перевороту. При этом надо ловким образом обессиливать противников тайного общества и всячески стараться губить тех, кого не удается победить или убедить. Необходимо взаимное шпионство членов друг за другом, и цель оправдывает средства".

"В низших градусах, - говорит Лонгинов далее, - было нарочно для обмана неопытных сохранено устройство масонское, а затем постепенно открывались тайные цели общества, способные устрашить человека, не искушенного в их умыслах. В адепты больше всего старались привлекать юношей от 16 до 24 лет. Иллюминатство предпочитало протестантов католикам... Последнее слово высшей степени ордена состояло в учении о том, что всякая религия есть ложь, изобретенная с целью обманывать людей, и что Бог, материя и мир - одно и то же..."

"Нет никакого сомнения, что история иллюминатства в XYIII веке была в тесной связи с похождениями знаменитых Сен-Жермена и Калиостро..." (1).

Всем известно, какое поклонение и удивление вызывали повсюду эти лица и как они пользовались этим для достижения своих целей (2). Достаточно вспомнить, как граф Сен-Жермен втихомолку устраивал во Франции шумные клубы и своим золотом подготовлял восстание, и как Калиостро удалось (3) бросить тень на имя королевы Марии-Антуанетты мошеннической "историей ожерелья"(4). Густав Борд приводит между прочим следующий случай, ярко характеризующий графа Сен-Жермена (5); он проповедывал самый грубый материализм и защищал его столь искусно, что трудно было с ним спорить. Он ненавидел Христа и позволял себе разные богохульства.

Когда однажды граф Карл Гессенский заметил, что ему тяжело это слышать, Сен-Жермен ответил: "Христос для меня ничего не значит, но огорчать вас для меня много значит, поэтому я обещаю впредь при вас об этом не говорить" (6).

---

(1). "Новиков и московские мартинисты", стр.86-89.

(2). Вот шифрованное масонское послание Калиостро для распространения в Англии и Франции: "Ко всем истинным масонам во имя Иеговы. Пришло время начать постройку нового Иерусалимского храма. Для сего приглашаем всех истинных масонов собраться во имя Иеговы. Единственного, в котором заключается божественная Троица, - завтра вечером 3 числа 1786 года в таверне Рельи, чтобы составить план и заложить первый краеугольный камень истинного Храма в сем видимом мире. Калиостро". (Кадэ-де-Гассикур "Заговор Жака Моле", стр.15).

(3). Выдававший себя за графа Калиостро неизвестный был "еврейского происхождения и уроженец Аравии", см.Дастэ "Мария-Антуанетта и заговор масонов", стр.70.

(4). Там же, стр.70: "Дело ожерелья королевы" было организовано масонской системой "строгого наблюдения" в ложе "соединенных друзей" и разрабатывалось в доме Буленвилье в Пасси".

(5). С.Жермен в действительности был сыном эльзасского еврея Вольфе. См. Бурнада "История франк-масонов", стр.106.

(6). Борд "История франк-масонов", стр.314.

III.

Знаментый историк т.н. "великой" французской революции Тэн говорит, что это был "внезапный порыв народного воодушевления". "повсюду, - пишет он, - в день предвыборных собраний народ восстал, как один человек"[1].

На проверку такое утверждение является лишь поэтической вольностью. "Внезапный порыв" несомненно был задолго и весьма тщательно подготовлен.

Отстаивая революционную роль масонства в 1789 году, масон Жуо пишет: "заметим, что то единодушие, до тех пор необьяснимое, с которым все города Бретани поднялись в тот же момент, с тою же целью легко обьясняется непрестанными сношениями между собою масонских лож, которые были столь многочисленны в этой провинции".

Цитируемый самим же Тэном де-Монжуа говорит, что масоны являются несомненными тайными руководителями "того огромного множетсва злодеев, которые, не имея видимых вожаков, тем не менее кажутся в соглашении друг с другом и потому одинаково предаются тем же буйствам как раз в то время, когда возникают генеральные штаты. Тот же пароль и тот же обман поднимают восстание от одного конца страны до другого" [2].

Это не обособленное частичное возмущение, - свидетельствует тот же Тэн, - здесь все связано и управляется одинаково; одни и те же заблуждения внедряются во все умы... Людей учат, что сам король-де желает полного равенства, не хочет больше вельмож, епископов, чинов, десятин, преимуществ... И сбитые с толку люди думают, что они вправе поступать так, ибо будто бы такова воля короля".

На другой же день после термидора Каде-де-Гассикур пишет: "обьясните мне, какими способами, если не посредством передатчиков и быстрых тайных сношений между иллюминатами и посвященными Нормандия, Прованс, Бретань поднялись все в тот же день и в тот же час, когда парижане пошли на приступ Бастилии?"

Взятие 14 июля 1789 года Бастилии, предсказанное за три года вперед Калиостро [1], и праздновавшееся 23 июля 1789 года в ложах как "торжество свободы и патриотизма", ознаменовало собою начало новой революционной эпохи, названной террором" [3].

Что в этом терроре масоны играют первенствующую роль, доказывает хотя бы речь масона Амиабля, произнесенная на международном масонском конвенте 16 июля 1889 года в день празднования столетнего "юбилея" взятия Бастилии.

"Масоны приняли активное участие в великом движении 1789 года. Их влияние преобладало в собраниях третьего сословия при редакции наказов и избрании депутатов. Масоны сами в значительном количестве были избраны своими согражданами. Правда , в собраниях обоих привилегированных сословий роль их была менее значительна, но и там в наказах дворянства и духовенства масонское влияние сквозит во многих проектах реформ. Масоны имели над другими гражданами то преимущество, что они были уже подготовлены к замене

---

(1). Тэн "Революция", т.I, стр.23.

(2). Тэн, т.I, стр.13.

(3). Там же, стр.233.

разрушавшихся сложных и гнетущих учреждений простыми и ясными формами масонского управления. Т.о., масоны проникли в большом числе в народное представительство и, чтобы увидеть, какое они там заняли место, достаточно назвать трех из них: Лафайета, Мирабо и Сийеса".

Как составлялись эти упомянутые Амиаблем наказы 1789 года, видно из добытых Тэном данных, по которым оказывается, что адвокаты, прокурор и нотариусы мелких городов написали по собственному усмотрению пункты требований и представили их в судебные палаты, не собрав даже жителей для прочтения им своих писаний.

Другой исследователь, Рико, на основании тщательной архивной работы относительно наказов третьего сословия в области Нанта категорически утверждает , что эти наказы вовсе не были составлены общинами.

"От 1787 до 1795 года ни одно так называемое "народное" движение (кроме движения Вандеи) не было на самом деле народным, а все они были решены, организованы, предусмотрены до мельчайших подробностей главарями несомненно тайной организации, действовавшей повсюду одинаковым способом, в одно и то же время и отдававшей повсюду одни и те же приказания"[1].

Что эти наказы нельзя считать выразителями народного мнения, проговорился даже современный бельгийский масон Эрнест Нис: все наказы 1789 года "были составлены под вдохновением масонских лож"[2].

В Турени, Лектуре и многих других провинциях избиратели также были обмануты, и мнения их оказались подтасовками прокуроров, адвокатов, нотариусов, которые переписывали все наказы по одному общему черновику [3].

Чтобы убедиться, что все эти действовавшие так единодушно при революционных выборах во Франции адвокаты, прокуроры, нотариусы были масонами, достаточно лишь просмотреть масонские альманахи за 1788 год.

"Планы и средства этих господ, - продолжают Кошен и Шарпантье, - чрезвычайно искусно скомбинированы, и совсем не такими дожны явиться первые усилия "исступленного" народа, чтобы "порвать свои цепи". А между тем все эти сложные способы, все эти хитросплетения были употреблены одновременно и приложены к достижению одной и той же цели повсюду подобными же группами адвокатов и врачей" [4].

Вот как фабриковалось общественное мнение в 1789 году!

(Продолжение следует).

(1). Там же, стр.235, 236.
(2). Нис. "Второй интернационал", ст.102.
(3). Тэн. "Старый режим", стр.519.
(4). "Избирательная кампания", стр.15.

Валентина Аксаментова

НЕЗАКАТНАЯ ЗВЕЗДА

Почему люди пишут стихи, и какие стихи надобно считать поэзией? Те, которые идут от сердца, или те, которые - от разума? Поэзия в тех, которые от сердца. Так я думаю и пытаюсь углядеть все зримое и незримое - сердцем.

Автор.

* * *

Давно уйдя от отчего порога,
Живу, то улыбаясь, то скорбя.
На кочковатых жизненных дорогах
Мне выпала нелегкая судьба.
Была мне счастьем, не прошедшим мимо -
Лиха разлука и лиха беда.
И все же мне сияла над Витимом
Надежды незакатная звезда.

Поэту

Вам - погоды, ему - невзгоды.
Ветер свищет в житейских полях...
С золотою душой Квазимодо -
Он всегда на последних ролях.

Надежда

Я от зимнего холода дрогла,
И котомка стояла у ног...
Не прогнал ты меня от порога,
Ты меня не пустил на порог.

И оставив котомку у двери,
Я ушла, одинокая, в ночь...
Разорвали котомку не звери,
Подняла твоя тихая дочь.

Стены дома закрытого жутки.
Он меня обогреть не зовет.
Но теперь в этой каменной будке,
Я-то знаю - надежда живет!

* * *

Вкусы, нравы - до чего ж убогие!
Пострадал от них и Древний Рим.
Так забарахлились нынче многие,
Что в квартирах негде жить самим!

* * *

Ни скопидомкой, ни нахлебницей
Я в этой жизни не была.
Свою судьбу, как из лечебницы,
Из жизни завтрашней ждала.

И как-то раз на тихой улице,
Оставшись с ней наедине,
Я поняла, что ставши утицей,
Не быть лебедушкою мне.

Вот так судьба меня приветила
В ожесточенности своей...
И что же я судьбе ответила?
Я поклонилась низко ей...

ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ.

* * *

В свое время демократия возникла как метод самоуправления небольшой общины-полиса. Уже тогда Аристотель писал, что демократия возможна, только если численость полиса не превышает 4050 человек. Жесткие рамки этой цифры, очевидно, условны. Но обитатель полиса без труда мог быть в курсе дел своей общины и, следовательно, мог ответственно высказывать свое мнение и участвовать в управлении. Метод управления, эффективный в условиях малой системы, вовсе не обязательно столь же успешен в системе, в сотни, в тысячи и десятки тысяч раз превышающий ее по своим масштабам.

* * *

Трудно сказать, какая форма правления хуже, до того все плохи. А демократическая - хуже всех, ибо что такое демократия (на деле), как не аристократия негодяев?

Д.Г.Байрон.

* * *

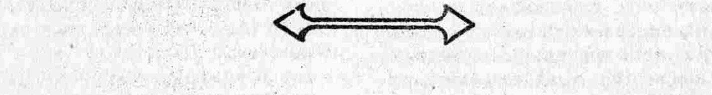
Народ не может управлять - это физически невозможно. Каждый гражданин не может быть правителем, так же как каждый из мальчишек не может стать машинистом паровоза или главарем притонов. Нация премьер-министров или диктаторов - это такой же абсурд, как армия, состоящая из фельдмаршалов. Правление при помощи всего народа не существует на деле; это лозунг, которым демагоги дурачат нас, чтобы мы за них голосовали.

Б.Шоу.

* * *

Демократия - наихудшая форма правления, кроме всех других форм, к которым люди уже обращались время от времени.

У.Черчилль.

Ирина Чередниченко

НЕ ОЖИДАЯ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ И ПРОРОКОВ

Его вместе с Потаниным иные упрекали в безразличии к форме власти в метрополии, в стремлении примирить под своими лозунгами людей самого различного социального происхождения, ругали за способность свысока смотреть на героев Парижской Коммуны, за отрицание марксизма. Он был историком, этнографом, археологом, экономистом, деятелем по народному образованию, публицистом. Но более всего имя Николая Михайловича Ядринцева связывают с областничеством.

Считавшееся накануне Октябрьской социалистической революции, в шаткие дни установления советской власти, в годы братоубийственной гражданской войны не только враждебной идеологией, но и жесткой контрреволюционной практикой, сибирское областничество постоянно привлекало внимание любознательных историков Сибири. Это позднее областничество. А ранее - на протяжении почти всей второй половины 19 века пользовалось эпитетом - прогрессивное, отвечающее интересам Сибири и, следовательно, всей страны. Но так считали не все, было более резкое отношение, мол, сибирское областничество всегда отрывало Сибирь от России, хотелось видеть ее самостоятельным государством типа США, чего никогда не было и не могло быть. Сибирь, являясь частью страны, разделяла судьбу империи и только вместе со всей Россией могла изменить свое положение. Но если в нашей теоретической истории нет единого мнения по поводу вопроса, значит он злободневен и поныне - вопрос о классовой сущности сибирского областничества в формулировке семидесятых годов и вопрос: прогрессивно ли, используемо ли областничество в кандидатских диссертациях девяностых. Копья ломали Н.Ф.Чужак, Г.В.Круссер, М.А.Гудошников, Г.Ф.Кунгуров, С.Ф.Коваль, Б.П.Козьмин и многие другие.

Может быть, заглянуть в суть явления мешал методологический подход судить о любом явлении по-ленински?

Но не смешивайте дар с яичницей, то бишь революционность с прогрессивностью. Если отойти от классовости и попытаться толковать значение термина "областничество"? Тут и вовсе возгласы нападающих переходили в крещендо - спасайтесь, кто может: сепаратизм. Отделения у нас не

любили и не любят. Чего отделяются? Лучше всех хотят? А за чей счет, а мы как?

И отделиться - то как хитро областники хотели. Пусть произойдет в России революция, это будет хорошее средство, которое облегчит отделение Сибири. Поэтому и допускали возможность совокупной борьбы с бунтарями, становясь временными попутчиками революционно-демократического движения. Но существовала и другая ирония - вести войны с огромным государством могут только сумасшедшие.

Подобное отношение к желанию самостоятельности можно встретить и в наши дни. Например, появляются землячества сибирских казаков, это не называют сумасшедствием, но подозревают желание создать автономию и не приветствуют его, осторожничают...

У идеолога сибирского областничества - Ядринцева общерусские актуальные вопросы преломлялись с точки зрения нужд Сибири, которую он горячо любил и самоотверженно защищал всю свою жизнь. За сепаратизм принят патриотизм. А в нем, ну что же преступного? Что беспокоился об экономике Сибири, указывал на ее зависимость от московского мануфактурного рынка. Итак это беспокойство патриота, желавшего видеть свой край на крепких индустриальных ногах.

Кстати сказать, идея отделения не нашла поддержки у основной массы сибиряков. Провинциальное население вообще трудно раскачать на новое, даже передовой класс - сибирскую буржуазию. Для последней выгоднее было заниматься торговлей, т.е. быть связанной с Европейской Россией, а не отделяться от неё. И все же Ядринцев выступал за союз с буржуазией, поддержку ее. Чтобы поставить точки над "I", дать исчерпывающе точное отношение областника к буржуазии, лучше процитировать самого Ядринцева: "Я знаю, что буржуазия у нас растет и приобретает силу, но мириться с фактом, т.е. признавать, не значит уважать... Пусть будет буржуазия, но нельзя позволять ей становиться во главу общества, в умственном отношении ... Как ни слаба интеллигенция местная, как ни мал ее дух, но она должна быть руководительницей... Она сильнее духовной идеей и должна покорить буржуазию... надо дисциплинировать даже нашу образованную буржуазию и буржуазию будущего". Хочешь не хочешь, напрашиваются параллели прошловековой буржуазии с нынешним, нарождающимся или точнее сказать - набирающим силу классом предпринимателей.

У Н.М.Ядринцева мать - крепостная. Впечатлительный Николенька четырнадцати лет пишет первую повесть об ужасах крепостного права, в дальнейшей своей взрослой жизни постоянно подчеркивает, что в Сибири несколько другие люди, не пережившие гнета крепостничества... Знакомство отца с декабристами Анненковым, бароном Штейнгелем бросит семена свободолюбия, человеколюбия; патриотизма - любви к отечеству. Любовь к ближнему, желание ему всех благ - отличительная черта этого человека на протяжении всей жизни. Подобно декабристам исследовал идею: действительно ли Сибири уготована участь Северной Америки. "Помним наше изумление, открыв в первый раз аналогию, что мы "колония", чуть не будущая Америка!... этот край, отверженный, поруганный должен иметь будущее?"

В Петербургском университете, где молодой сибиряк был вольнослушателем, попал под влияние Г.Н.Потанина. Вместе посещали кружок сибирофилов Н.И.Наумова (народника-биллетриста). Читал "Современник", "Полярную звезду", "Колокол" со статьями российского Нострадамуса-Герцена, знал произведения В.Г.Белинского, воззвание "К молодому поколению", просматривал номера "Великоросса", подкрепляясь Н.И.Костомаровым, увлекался теориями Кирилло-Мефодиевского братства о будущей федерации славянских народностей на основе полной свободы и автономии; идеями областности А.П.Щапова.

Рассматривая деятельность Н.М.Ядринцева как идеолога сибирского областничества, многие исследователи задают вопрос: был ли он связан с "Землей и волей"? А, может быть, не нужно устанавливать эти сношения? Для историков деталь важна, дает сильнейшую конкретность, ощущение неисчерпаемости прошлого. Если по большому счету судить о личности в истории нашей Сибири, так ли это важно? "Прокламации "Земли и воли" провозглашали ликвидацию самодержавия, помещичьего землевладения, имущественных и сословных привилегий. Ядринцев ничего не говорил об установлении нового социального строя, он осмысливал эпоху чувством, не забывая высших понятий: совесть, гуманизм, долг, честь, желал сделать свой край процветающим. Самая первая потребность Сибири - улучшать положение общинного хозяйства, - считал публицист. Однородовые общины в Сибири могут выполнять экономическую роль, образовать народный капитал, вырастить здоровую интеллигенцию края. В общине - задатки будущей гражданственности. Конечно, абсентеист-землевладелец не может так любить и беречь поля свои, обработанные наемным батраком, как крестьяне из общины общинные земли.

Предвижу восклицания: что же опять общее, а в результате ничье. И что за симпатия к усереднению человечества?! Да, Ядринцев хотел видеть счастливыми всех.

В прошлом веке Сибирь еще более была страной контрастов: богатства и бедности. Один из ста поселенцев в краю не жил в долг. Купцы же поднимали цены и долг становился пожизненным. Купцы хотели монополизировать в Сибири все. Мы можем и в сегодняшних газетах без ссылки на 19 век прочитать: "класс монополистов и спекулятов является ныне силою, давит на общество, кабаля массу людей, руководит общественными делами, преследуя личные цели, заискивает у властей, рисуется благотворителями, а в последнее время просвещенными негоциантами, но на деле преследует цели монополии и грубейшего бесправия и наживы". (Н.М.Ядринцев "Сибирь как колония") Поистине историческое развитие идет по спирали. Ядринцева огорчало, что в области довлеет эксплуатация населения посредниками торговли и монополии. Разве мы пришли не к тому же. Пути развития края вслед за Сперанским прослеживает Ядринцев в его основном труде, написанном к 300-летию освоения Сибири "Сибирь как колония", издавшемся и переиздававшемся не только, в России, но и за границей. Книга отражает взгляды областников конца семидесятых начала восьмедесятых годов на историю Сибири. Интереснейшее исследование с массой конкретного материала, статистических данных, историче-

ских очерков и все для доказательства одной мысли, что Сибирь при лучших условиях могла бы стать "страной довольства, богатства и счастия".

Вспомним лишь о немногих естественных ресурсах края и возможных продуктах человеческого труда. Что же в золотом сундучке? Лес, да еще и какой! Правда, дубы, искусственно привитые и успешно выращиваемые в прошлом веке не попадаются. Из многочисленных лип собственными глазами видела лишь одну в ЦПКиО. Акклиматизированные плодовые европейские деревья живы. Среди сокровищ - руда, минеральные богатства, камни, лекарственные растения, лучшие породы коз, маралов, дорогая пушнина (около иных жилищ били соболей), ценные шкурки птиц вывозили за границу; необъятные просторы пахотных земель и, следовательно, продукты земледельческого труда. "Сибирь, - пишет ученый, тяготится своими необыкновенными урожаями". Хлебом кормят свиней. Огромное поголовье скота. В Европейскую Россию ежегодно вывозится до 80 000000 кг сала, масла, мяса. Предостаточно кожи для кожевенного производства. Широко развито винокурение. И много еще чего, вплоть до возможности приготовления свекловичного сахара. Как обобщает Ядринцев - "Огромные запасы для будущего". Для нас с вами. Но публицист смотрит в корень. Сибирь навсегда обречена быть страной сырья и поставщицею. Можно опровергать, можно соглашаться. Но почему же опустел драгоценный, казалось бы бездонный сундук запасов, почему Сибирь как была так и есть страна "богача в лохмотьях".

Как из сегодняшней периодики факты столетней давности: хищническая эксплуатация природных ресурсов, быстрое уничтожение дорогих зверей - соболя, песца, лисы, белки. Сокровища имеют свойство вызывать неприятнейший инстинкт в человеке - желание наживы. В Сибири, этой второй Калифорнии идет алчная погоня за золотом. Золото снимается только сверху, а остальное погребается в отвалах. Вслед за эксплуатацией руд, зверей, золота идет эксплуатация земледельческих скотоводческих продуктов. Они идут на рынке за бесценок, в то время как за привезенное берется втридорога. Изложенные факты касаются в основном приезжих, а как местное население использует дары от Бога? Шерсть стрижется плохо, пропадает огромное количество навоза - не используется на удобрения, кожи выделывать не умеют, сало не перерабатывается, не умеют делать мыла и т.п. Вывод один: в крае нет экономической культуры. На это с горечью указывает автор-областник Ядринцев. И в этом сожалении взгляд патриота, любящего свой край. Другими же словами в этом - реакционное областничество, сепаратизм.

С тех пор прошло гораздо более века, а отношение центральной власти к желанию сибиряков самим распоряжаться своей электроэнергией, недрами, лесными богатствами не изменилось. Цены, ставки, курс доллара, номенклатуру товаров диктует Москва. Российская экономика всюду, стало быть, должна быть одинаковой, т.е. происходит взаимный развал хозяйства. Можно понять беспокойство за целостность России, но желания нарушать ее у сибиряков никогда и не было.

Тенденции огульного сепаратизма увидели противники областничества в отрицательном

отношении Н.М.Ядринцева и его товарищей к ссылке в Сибирь. Многим было очень удобно видеть край местом ссылки и только, чуть ли не отхожей ямой для отбросов общества. Это общее заблуждение Европейской России, начиная с 16 века. Между тем, в Сибири давно оформилось гражданское население. И не мудрено, 19 000 людей ссылалось ежегодно. Только за пятьдесят лет ссылка дала Сибири полмиллиона народа, плюс естественный прирост в один миллион. Казалось бы удобно решить сразу две проблемы. "Избавляя одну сторону от вредных и опасных элементов, устрашая другую силою кары и угрозою депортаций, мы давали другому краю новую кровь, трудовые силы, и самое зло претворяли в добро на другой почве". Но никто не хотел знать насколько ссылка деморализует Сибирь. Вместо ограждения общества от преступников наводняет ими. Ссылка создает дополнительные трудности местному населению, которое обречено содержать сосланных. А числовое соотношение таково. К примеру, в Иркутской губернии на 383 573 человека 40 000 сосланных. В результате всех трудностей много ссыльных гибнет. Ссылка, это дешевый способ наказания при всем удобстве для России не удобен для Сибири. Ядринцев требует ограничить ее, если не отменить вовсе. В течение 15 лет посвятил вопросу множество печатных выступлений. Сам будучи обвинен по надуманному делу сепаратистов, просидел в Омске три года в тюрьме, этапом три месяца шагал до Архангельска, затем, находясь в ссылке в Шенкурске Архангельской губернии пишет статьи в журналы "Дело", "Отечественные записки", которые позднее оформились в книгу "Русская община в тюрьме и ссылке", где доказал нецелесообразность ссылки и необходимость тюремной реформы. Книга принесла тридцатилетнему автору мировую славу. Впечатление от нее не меньшее, чем от "Мертвого дома" Достоевского.

В 1876 г. Ядринцев состоит на службе генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г.Казнакова и продолжает заниматься вопросами ссылки. Он был приглашен к участию в комиссии, работавшей над реформами тюрьмы графом В.А.Соллогубом - главноначальником тюремного управления. Казалось бы служит власти, угодничает. Как и в другом вопросе по поводу переселенческой политики публицист заявляет, что считает переселение людей явлением естественным, так как право человека искать лучших условий для существования. В цивилизованной Европе всегда покровительствовали колонизации. И подчеркивает, правительство выигрывает от переселения, получая вместо разоренных в Европейской России пролетариев, зажиточных производителей в Сибири. Более того, из колонии вырастет нация, самостоятельная отрасль метрополии, тому есть исторические примеры.

Не разумно ли предложение об осуществлении структуризации России без национально-административных единиц только в виде десяти-пятнадцати федеральных земель России (Север, Кавказ, Юг, Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь и т.д.) Ядринцев также считает, что все нации могут развиваться на одной территории. И за исходную также бралась идея, что гражданину любой национальности нужно прежде всего право на изучение языка, на сохранение своей культуры, истории... И тут мы подошли еще к одной теме. Н.М.Ядринцев вместе с другими

областниками хотели решить проблему инородческого населения (так называли коренное, нерусское население). Чтобы получше разобраться в этом он пускается в опасные путешествия, этнографические экспедиции на Алтай, Байкал. Исследует берега Ангары и т.д., опровергая мнение об исследователях как кабинетных ученых.

Вопреки расхожему суждению о Сибири как стране с варварскими народами полузвериного образа жизни, ученый стремится доказать древность культуры инородческого мира, а вместе с тем, что Сибирь имеет собственную культуру. Глубоко окунувшись в проблему, он пишет, что у современного народа можно найти пережитки варварства, а у первейших племен - зародыши цивилизации. И делает вывод о стадиальности развития человечества, о неправомерности пренебрежительного отношения к народу, находящемуся на низшей стадии общественого и материального развития. Аналогично им рассматривается вопрос о взаимопроникновении культур Азиатского мира и Европы, так называемой культурной ассимиляции.

Его волнует - вымирают ли инородцы и почему? Способны ли на восприятие современной цивилизации или обречены на первобытное существование? Подробно это изложено в произведении "Сибирские инородцы" и в главе "Инородцы и инородческий вопрос в Сибири" в книге "Сибирь как колония". Присоединение Сибири к России, по предоставлениям Ядринцева, - жестокое завоевание, эксплуатация и ограбление племен. Племена также постоянно претерпевают междуусобицы; подчинены страшным болезням: оспа, тиф, сифилис, завезенные переселенцами и ссыльными; страдают от голода; среди них существует людоедство; у них слабый прирост населения; происходит упадок быта; от вынужденного скитальничества сузился район размещения и промыслов; они терпят природные бедствия; страдают от уменьшения естественных природных запасов. Вот причины, которые ведут к вымиранию коренного населения Сибири. Долг русского народа-возродить инородцев, а они в свою очередь внесут свой вклад в мировую цивилизацию.

Недавно на страницах "Комсомольской правды" выступил известный кинорежиссер Никита Михалков. Я с радостью и некоторым удивлением обнаружила в его размышлениях всходы ядринцевских зерен. Заметки посвящены в основном вопросу землевладения. И словно, из пожелтевшего "Восточного Обозрения" мысли: земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает и даже не русскому населению, а коренному, живущему здесь. Разница в том, что Ядринцев писал об отличительной черте Сибири от других колоний планеты, что только в Сибири население имеет право дарового пользования землей. А Михалков ратует за установление низких расценок стоимости земельного фонда, чтобы коренное население было конкурентноспособно отстоять у спекулянтов, теневиков, иностранцев и других право владения землей. Печальное различие, но все же проблеск.

В 1878-1888 гг. Н.М.Ядринцев участвует в длительной экспедиции по Западной Сибири. В результате им написан труд "Сибирские инородцы, быт и современное положение". За вклад в науку Русское Географическое общество, одним из основателей Западно-сибирско-

го отдела которого он был, вручило ученому золотую медаль. Это произошло в годы, когда Ядринцев потерял жену, близкого и преданного человека, помощника в делах и коллегу по работе. В желании удалиться от людей он совершает знаменитую орхонскую экспедицию, находит остатки столицы Чингисидов Каракорум. Делает значительное наблюдение, что монгольская культура испытала влияние Тибета и Китая и инородческое население Востока станет посредником для ознакомления Монголии с русской народностью и ее культурой. О своей экспедиции путешественник сделал доклад в Парижском Географическом обществе.

За экспедиции Ядринцев не раз претерпевал нападки со стороны различных газет. Его упрекали в увлечении археологией, в том смысле, что редактор "Восточного Обозрения" должен решать более важные проблемы и освещать их. Но археологические исследования давали публицисту материал для работы по истории культуры инородческих племен. И еще надо отметить одну немаловажную деталь: давно прошло время, когда научный и литературный труд был достоянием материально обеспеченных людей, к которым никогда не принадлежал Ядринцев. И археология, и журналистика были средством существования. На первом же месте было желание привлечь правительство к интересам местной жизни. Желание это, идея, возникнув в 50-е, 60-е гг. 19 в. в кружке разночинцев-сибиряков в Петербурге получила гласность в "Камско-Волжской газете", издаваемой в Казани. От центральной власти журналисты-областники ожидали удовлетворения своих ходатайств о нуждах Сибири и поэтому они показывали в своих публикациях недостатки экономической и общественной жизни Сибири, вскрывали злоупотребления местных властей. Предварительная цензура, естественно, подчищала такие публикации. Государство вредило себе. И не потому что под красным карандашом цензора канули в лету многие критические материалы, а говоря словами Н.Г.Чернышевского "Если бы... наше правительство было чуточку поумнее, оно благодарило бы вас за ваши обличения; эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в уезде в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным".

В дальнейшем свои взгляды областники проводили в газете "Восточное обозрение". Идея издания сибирской газеты родилась у Ядринцева еще в шенкурской ссылке. Богатый материал для историков, краеведов его письма к различным адресатам. В одном из таких писем от 7 февраля 1873 г. Ядринцев пишет: "Мне представляется картина, что мы, восточные журналисты, не имеем своего угла на свете, мы музыканты, неимеющие инструмента на что купить, мы странники, блуждающие в пустыне, останавливаемся для отдыха во всяком месте". Знакомства с Н.Г.Казнаковым и А.И.Деспотом-Зеновичем помогли ему получить разрешение на газету, а товарищи-земляки составили денежный фонд около 4 000 рублей. Деятельность этой газеты-яркая страница в истории Сибири. Н.М.Ядринцев был ее вдохновителем и редактором. В первом номере изложили программу газеты - дать правдивую картину жизни Востока, попытаться определить роль русских здесь. Газета появилась в январе 1889 г. в Петербурге. Занимаясь по преимуществу сибирскими вопросами, "Восточное Обозрение" старалось освещать

общественную ситуацию в стране, затрагивая актуальные экономические, политические и общечеловеческие проблемы. Ее редакция стояла на позициях лучших демократических изданий эпохи. Газетчики старались ориентировать читателя в современной журнальной и художественной литературе. Ядринцевское "Восточное Обозрение" выделялось даже среди столичных газет по твердости направления, серьезности тона, литературным достоинствам. Вначале сотрудниками газеты были преимущественно столичные литераторы и ученые. Отдел хроники вела жена, Аделаида Федоровна Баркова. Постепенно издание завоевывает внимание сибиряков и даже на Амуре появились читатели и корреспонденты. За недолгое время редакция сумела создать разветвленную корреспондентскую сеть в самых "медвежьих углах" края. Цена издания для подписчиков - восемь рублей. Для сравнения собрание сочинений А.С.Пушкина стоило два рубля двадцать копеек... К сожалению, ни в одном книгохранилище нет полного комплекта газеты, архив ее не сохранился. Замечательно, что газета сначала была освобождена от предварительной цензуры, и могла печатать множество материалов на сибирскую тематику, которые строжайше запрещались в таких изданиях как "Сибирь", "Сибирская газета". Была грозой всевозможной сибирской неправды. В телеграфной депеше 1882 г. тогдашнего генерал-губернатора Восточной Сибири на имя министра внутренних дел указывалось: "Выходящая в Петербурге газета "Восточное обозрение" отличаясь резким антиправительственным направлением напечатала в N 12, 21 возмутительные заметки. Убедительно прошу подвергнуть "Восточное обозрение" законному взысканию". Такие выпады не оставались без внимания. 27 октября 1882 г. "Восточное обозрение" подверглось первой каре - получила предостережение за то, что дискредитирует сибирскую администрацию своими нападками. Затем второе предостережение и 19 сентября 1885 г. выпуск газеты был приостановлен на две недели и она отдавалась под предварительную цензуру.

Дела газеты пошатнулись, да и сам редактор признавал, что столичная газета не может точно отразить все, чем живет провинция, тем более такая далекая, она не зеркало, а в лучшем случае адвокат провинции. И в 1887 г. по совету друзей для спасения газеты Ядринцев решается перевести ее не в родной Омск, а в Иркутск, считая, что на общем фоне Сибири, где господствовала бесцветная и ленивая жизнь именно Восточная Сибирь более чутка к общим вопросам. Впрочем в конце жизни он считал это глубочайшим своим заблуждением.

С переходом в Иркутск газете стало тяжело ладить с цензурой, вычеркиванию подвергались статьи самого невинного характера. К примеру, в одном из фельетонов не разрешили называть фамилию автора поваренной книги, так как ту же фамилию носил местный администратор. Упаси Бог, в статье применить эпитет "родная", "дорогая" рядом со словом "Сибирь". В этом моментально находили сепаратизм. Часто газете приходилось ограничиваться общими местами, применять эзоповский язык. Но издание старалось перестать думать столичным умом, искало свой стиль по сравнению с другой провинциальной прессой. Газеты были и в других областях, но

они зачастую угощали читателя иностранной беллетристикой плохого перевода, случайными сведениями по всевозможным отраслям вплоть до приготовления бумаги из рыбы. Гласность в них замыкалась на обличительстве скупщиков говядины, докторов, которые не вылечивают, пасквилянтов, описании дурного состояния мостовых. В "Восточном обозрении" можно было встретить любопытные корреспонденции, умные живые статьи о местной общественной жизни и на общеполитические темы. Во многом это была заслуга ее редактора, сейчас считающегося одним из основателей провинциальной журналистики. Ядринцев, как и многие публицисты того времени, задавал себе вопрос. Должна ли настоящая печать составлять достояние по преимуществу и почти исключительно мировых и государственных центров или будущее ее принадлежит провинциальным городам. И отвечал. Несмотря на то, что все талантливое из периферии тянется в центр, местная журналистика имеет свое будущее. Скоро она заговорит своим независимым языком. Эту мысль он высказывал еще в "Камско-Волжской газете", в сборнике "Первый шаг", изданном в 1876 г. в Казани.

Толстые столичные журналы часто не печатали статьи, потому что считали их слишком местными. Зачастую материалы в "Восточное обозрение" превосходили размеры газетных статей. Поэтому еще в Петербурге редакция "стала издавать журнальное приложение к газете "Литературный сборник". Вслед за ним появился "Сибирский сборник". Статьи этнографического, исторического, географического характера сочетались в нем с художественной прозой, воспоминаниями, очерками о путешествиях, отделом критики и библиографии. Всего вышло 48 книжек.

Ядринцев сам писал очень много и в газету, и в ее приложения, подписываясь характерными псевдонимами: "Сибирский Патриот", "Сибирский Писатель", "Сибирский Репортепр", "Сибирский Странник", "Сибирский Фельетонист", "Сибирский Юморист", "Сибиряк", "Старый Сибиряк", "Скромный Сибиряк" и др. Сейчас в некоторых исследованиях, в частности в известной "Историографии Сибири" В.Г.Мирзоева можно прочесть объяснение обилию псевдонимов: "Ядринцеву хотелось создать иллюзию интенсивной деятельности "сибиряков-патриотов". Отсюда идет то необычайное многообразие и количество его литературных псевдонимов - от "Вакха" до "Чалдона", которые должны были по мысли Ядринцева свидетельствовать о многочисленности активных деятелей областников". Хотелось бы доказать, что это ошибочное суждение идет от нежелания проникнуть в тонкости журналистской кухни. И псевдонимами Ядринцев начал пользоваться еще во времена сотрудничества в газете В.С.Курочкина - "Искре", где он приобрел навык к полемике, памфлетному роду писательства, пронизывающему почти все его дальнейшие произведения. И узнать их можно по стилю, тону, по симпатиям, всегдашней проповеди высшей гуманности, политической позиции, отсутствию резкости. Эта совокупность писательских признаков давала ему возможность помещать статьи и в умеренно-либеральном "Голосе", и научно-либеральном "Вестнике Европы" и в передовых "Деле" и "Отечественных Записках" и промежуточных "Биржевых Ведомостях", и за рубежом. Один из друзей писал о нем: "Ядринцев был создан журна-

листом, он быстро ориентировался в направлениях и событиях и работал необыкновенно легко и много. День проводил в беготне и сношениях с людьми. Забегал в редакцию, сновал по канцелярии, а работал преимущественно по ночам. Фельетон зарождался у него мгновенно и за один присест выкладывался на бумагу". Кроме того у него хватало времени на публичные выступления. В большинстве случаев это была проповедь необходимости учреждения университета в Сибири.

Когда завоевали Сибирь, местное население не просвещали. Завоеватели-казаки, колонизаторы, гулящие люди, беглые крепостные - люди, в основном, необразованные. Мы говорили об эксплуатации края в результате экономической безграмотности, а общая неграмотность не давала в полной мере воспользоваться географическим положением, топографическими условиями, естественными ресурсами края. Существовала необходимость разработки географической, филологической исторической науки на Востоке, необходимость в медиках, учителях, административных работниках. Отдаленность Сибири не позволяла многим ехать учиться за три, шесть тысяч верст в Россию. Кто же ехал, шел, подобно Ломоносову пешком, достигал образования, назад не возвращался, а те кто возвращались в Сибирь в космополитическом сапоге вместо национального лаптя, были одиноки, ненавидели невежественное общество. Университет на Востоке был необходим. Он отождествлялся с лучшей будущностью края.

Ядринцев двадцатилетним юношей в 1863 г. выступал в Омске с публичными лекциями о необходимости университета, первым после Сперанского начал пропагандировать эту идею. Предлагал организовать фонд пожертвований. Его публичная лекция появилась в "Томских Губернских Ведомостях".

Общественная деятельность Ядринцева пронизана любовью к людям. Во время голода 1891 г. он организовал в Тобольской губернии помощь голодающим, а в следующем году основал в той же губернии поселение из тамбовских крестьян и они не бедствовали, чего не скажешь о самом Николае Михайловиче. Плохое материальное положение стало одной из причин нервного расстройства. Скончался Н.М.Ядринцев 7 июня 1894 г. от паралича сердца. Ходили версии об умышленном отравлении опиумом, кто-то считал, что умер он от тоски и одиночества. Смерть великого человека осталась загадкой. Немедленно телеграф известил о смерти известного общественного деятеля Сибирь и Россию. В Иркутске, Томске, Омске, Барнауле служились панихиды. Похоронен Ядринцев на Нагорном барнаульском кладбище.

Перед смертью он сожалел, что не видит наследников и от того было горько.

В.Семевский, корреспондент журнала "Русская Мысль", писал о нем, что при других условиях Ядринцев мог сделаться заправским ученым, но у нас он стал выдающимся публицистом и эта форма деятельности дала ему более сильное влияние в Сибири. Деятельность таких талантливых областников полезна не только для их ближайшей родины, но и тем, что они заставляли внести существенные поправки в централистские программы.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с читателем.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции:
666400 г.Иркутск, ул.Степана Разина,40
Союз писателей
тел.24-56-76.
34-53-73.

Отпечатано в типографии ВС АГП
664026,Иркутск, ул. Декабрьских событий, 3

Вышел из печати первый выпуск иллюстрированного приложения к журналу "Сибирь" "Иркутская старина".

Иногородним высылается по почте. Предварительная оплата 1000 рублей, включая пересылку.

Наш р/с 000700532 в Русско-Азиатском банке

г.Иркутска МФО 125004.

Журнал "Сибирь".

664000 Иркутск, ул.Степана Разина 40.

Журнал издается при содействии Фонда развития культуры и искусства при комитете по культуре Иркутской областной администрации.

В следующем номере читайте:

●

Геннадий Машкин.
Зиминское противостояние.

●

Сергей Булгаков.
Правда социализма.

●

Павел Забелин.
Средь саморекламы случайно.

